С. С. Арнольди.

ЦИВИЛИЗАЦІЯ
И
ДИКІЯ ПЛЕМЕНА.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Коммерческая скоропечатня, Лиговская, 57.
1904.

Арнольди, С. С.

С. С. Арнольди.

ЛВ3

ЦИВИЛИЗАЦІЯ

Библиотека

ДИКІЯ ПЛЕМЕНА.

100734

GN
315

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Коммерческая скоропечатня, Лиговская, 57.
1903.

IIк

„Проз 38"

GM
315

ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ДИКІЯ ПЛЕМЕНА.

1. Потугинъ вмѣсто предисловія.

Когда нашъ знаменитый алхимикъ-беллетристъ положилъ въ свою колбу, какъ онъ полагалъ, всю квинтъ-эссенцію современныхъ русскихъ стремленій и торжественно объявилъ публикѣ результатъ своего опыта, именно, что все дескать, не болѣе, какъ дымъ, то, повидимому разочарованный, алхимикъ нашелъ въ продуктахъ возгонки все-таки хотя одну крупинку золота. Чѣмъ другимъ должно считать торжественно растянутое слово, произносимое представителемъ разума въ повѣсти г. Тургенева, Потугинымъ, именно слово ци-ви-ли-за-ція? — Повидимому, г. Тургеневъ предполагалъ въ этомъ нѣчто столь ясное, опредѣленное, великое, подавляющее, что читателю стоитъ лишь произнести это слово, да еще растянувъ его, и читатель немедленно умилится духомъ, замѣтитъ, на сколько идеалъ прославленнаго беллетриста выше идеаловъ, за которыми гонятся разные кружки и партіи у насъ на Руси, и затѣмъ, — затѣмъ всѣми силами будетъ стремиться къ этому единственному идеалу. Стремленіе къ цивилизаціи! Какъ это хорошо звучитъ. Вы, мелочь, стремитесь тамъ къ тому, чтобы народъ не голодалъ, или къ тому, чтобы крупные землевладѣльцы господствовали въ земствѣ; къ тому, чтобы публика отличала доносъ отъ критической оцѣнки, или къ тому, чтобы она считала патріотизмомъ уськанье на поляковъ и нѣмцевъ; къ тому, чтобы молодые люди выучивались кое-чему дѣйствительно полезному и развивающему, или къ тому, чтобы они гордились своими аттеста-

тами, обозначающими, что наши юноши въ совершенствѣ спрягаютъ греческіе глаголы. Вы стремитесь къ власти, чтобы провести идею, чтобы воплотить въ жизнь свой идеалъ, или для того, чтобы безпрепятственно грабить, прижимать, удовлетворять животнымъ страстямъ. Все это пустяки, дымъ, неимѣющій человѣческаго значенія ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Мы, истинно понимающіе, мы, свѣтлые умы, мы Потугины, Тургеневы et Comp. стремимся къ цивилизаціи!

Хотя я очень уважаю читателей вообще, но я думаю, что иной читатель (не тотъ, конечно, который читаетъ эти именно слова, а иной) увлекся паосомъ Потугина, подумалъ: а вѣдь правъ, разбойникъ; этого, именно этого намъ недостаетъ; именно къ этому слѣдуетъ стремиться! Цивилизація! да, цивилизація хорошая вещь...

Я долженъ сознаться, что художественный талантъ г. Тургенева доставлялъ мнѣ всегда много удовольствія и что повѣсти его я читать люблю. Должень сознаться и въ томъ, что не очень долюбливаю дѣятелей «Вѣсти», «Московскихъ Вѣдомостей» и тѣхъ кружковъ, представителями которыхъ г. Тургеневъ выставилъ изящныхъ генераловъ! Но столь же откровенно сознаюсь и въ томъ, что въ „Вѣсти“, и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и у гг. Ратмирова съ товарищами, и у Багровыхъ и у героевъ г. Щедрина я нахожу несравненно болѣе пониманія, чего они хотятъ и каковы таковы бываютъ вещи и дѣла на семъ свѣтѣ, гораздо болѣе смысла, чѣмъ у г. Потугина съ его растянутою ц и - в и - ли - за - ці - е - ю.

Громкія слова весьма часто — пустыя слова. Конечно, можно имъ придавать иногда опредѣленный и серьезный смыслъ, но они его получаютъ извнѣ отъ остальнаго міросозерцанія людей, а сами по себѣ не обладаютъ никакимъ особымъ значеніемъ. Именно паосъ, придаваемый Потугинымъ этому слову, показываетъ, что въ головѣ Потугина оно лишено всякаго опредѣленнаго смысла.

Потугиныхъ не исправишь. Они составлютъ одну изъ

группъ быстро старѣющаго поколѣнія, которое, въ минуты откровенности, должно сознаться предъ собою, что оно не мало поклонялось идоламъ, разукрашеннымъ звонкими словами. Эта группа, придя къ разочарованію, къ скептицизму, къ индифферентизму, оставила въ уголку своего сердца привязанность къ громкимъ словамъ, вѣру въ ихъ субстанціальное значеніе и возьметъ эту привязанность и эту вѣру съ собою въ могилу. Богъ съ ними! Не будемъ мѣшать ихъ продолжительной агоніи вдали отъ всего живаго.

Но съ читателемъ мнѣ хочется поговорить объ этомъ предметѣ. Слово цивилизація встрѣчается такъ часто, что желательно, чтобы лица, его употребляющія, и лица, его воспринимающія связывали съ нимъ возможно болѣе опредѣленное значеніе. Между тѣмъ, не только Потугинъ, но весьма многіе не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ его смыслѣ. Это замѣчаемъ даже часто у писателей, не только въ обыкновенной прессѣ, но у авторовъ ученыхъ, и даже много-ученыхъ; не-только у насъ, но и заграницею. Поэтому для уясненія предмета, прежде всего обратимся къ его литературѣ.

2. Литература о цивилизаціи до Гизо.

Думаю, что еслибы я имѣлъ подъ руками томъ Энциклопедіи Эрша и Грубера, гдѣ находится слово Civilisation, то могъ бы сказать читателю, кто первый, когда и въ какомъ значеніи употребилъ это слово, и затѣмъ какіе фазисы представляетъ его литература; но Эрша и Грубера у меня подъ рукою нѣтъ, да и я пишу не въ Петербургѣ, слѣдовательно, относительно литературы прежняго времени не могу доставить читателю особенныхъ свѣдѣній. Впрочемъ, оно и не особенно нужно. Ограничусь тѣмъ, что дать могу.

Первое, что слѣдуетъ замѣтить, это — употребленіе рядомъ со словомъ цивилизація, съ давнихъ поръ и до нашего времени другаго слова: культура. Большею частью эти слова употреблялись и употребляются почти какъ сино-

нимы. Грэссэ и Бидерманъ объ исторіи цивилизаціи Гизо даже прямо выразились, что Гизо написалъ исторію культуры. Напротивъ, другіе различали эти слова, придавая имъ довольно произвольное отношеніе. Такъ Фольграфъ подводитъ цивилизацію подъ терминъ культуры, какъ частное проявленіе подъ болѣе общее. Культурою называетъ онъ [1]) „результатъ и внѣшнюю дѣятельность всего внутренняго человѣка въ психическомъ, чувственно-духовномъ, нравственномъ и лингвистическомъ отношеніи". Цивилизація же есть для него „главный моментъ культуры въ обширномъ смыслѣ"; — продуктъ культуры, выражающейся въ гражданской и политической организаціи". Слѣдовательно, для Фольграфа отношеніе культуры къ цивилизаціи соотвѣтствуетъ отношенію общественности къ государственности. Впрочемъ, это разграниченіе едва-ли кѣмъ было принято, тѣмъ болѣе, что для упомянутаго отношенія существуютъ уже установившіеся термины, не нуждающіеся въ замѣнѣ, а историческіе прецеденты не дозволяютъ уже придать слову „цивилизація" только значеніе политическихъ формъ и процессовъ. Остается употребить эти термины или какъ тожественные синонимы, или придать имъ различное значеніе соотвѣтственно тому накопленію матеріала, который существуетъ въ наше время. Надо замѣтить, что французы употребляютъ почти исключительно, англичане же преимущественно слово цивилизація, нѣмцы предпочитаютъ вообще слово культура. Вслѣдствіе этой синонимности придется и намъ, имѣя въ виду литературу цивилизаціи, говорить и о сочиненіяхъ, употребляющихъ исключительно слово культура.

Уже съ прошлаго вѣка начинаютъ появляться спеціальныя и болѣе общія историческія сочиненія по этой отрасли, хотя исторія продолжала имѣть въ виду лишь дѣла государей, дворовъ и кабинетовъ. Народы, говоритъ Бидерманъ, появлялись лишь какъ страдательный матеріалъ, или терпя за бе-

---

[1]) K. Vollhraff: «Staats und Rechts-philosophie» I Th. 2-te Abth. Изд. 1864 г. 8 и 9 стр. (пис. 1852 г.).

зуміе повелителей, или служа орудіями для ихъ цѣлей, что̀ соотвѣтствовало общераспространенной системѣ безусловнаго господства государей, безусловной подчиненности и пассивности народовъ. По мѣрѣ того, какъ въ политическихъ воззрѣніяхъ государство становилось выше и выше, рядомъ съ его главами и представителями, по мѣрѣ того какъ дѣйствительная исторія доказывала, что народы не такъ пассивны, какъ это прежде предполагали, и книжная исторія обращалась болѣе къ внутренней государственной жизни, къ развитію государственнаго строя и государственнаго управленія, законовъ и учрежденій. Но и политическія формы, въ ихъ измѣненіи, для болѣе внимательныхъ историковъ, выказывались лишь внѣшностью, за которою скрывалась настоящая жизнь народовъ, ихъ матеріальныя и духовныя потребности со всѣми разнообразными формами, служащими къ удовлетворенію этихъ потребностей. Политическая экономія пыталась стать на степень науки. Экономическая жизнь въ ея различныхъ отрасляхъ потребовала мѣсто въ исторіи и заслонила во многихъ случаяхъ явленія жизни политической. Въ литературѣ и въ искусствѣ открыли богатую сокровищницу для указанія развитія общественной мысли, общественныхъ симпатій и антипатій. Религія перешла изъ области полемики въ область оцѣнки ея, какъ одного изъ проявленій жизни народовъ. Наука оказалась не особенною сферою, вліяніе которой ограничено небольшимъ кругомъ читателей-спеціалистовъ, каѳедрою профессора и тетрадью ученика. Она оказалась подкладкою всего духовнаго развитія общества, политической силы государствъ, экономическаго процвѣтанія народовъ. Такимъ образомъ, вся человѣческая дѣятельность, матеріальная и духовная, развернулась предъ историками, какъ нѣчто цѣльное во всѣхъ ея проявленіяхъ какъ нѣчто несравненно болѣе важное исторически, чѣмъ хитрости дипломатовъ и придворныя интриги. Развитіе этой дѣятельности оказалось главнѣйшимъ предметомъ изученія для историка, при чемъ въ основу первыхъ потребностей, вызывающихъ разсматриваемую дѣятельность, легла природа въ ея топогра-

фическомъ и климатическомъ разнообразіи; какъ заключеніе же исторіи встали предъ историкомъ самые сложные вопросы соціологіи и личной нравственности.

Такъ какъ XVIII-й вѣкъ представляетъ попытку распространить научные методы XVII-го столѣтія на всѣ области человѣческой мысли и, въ особенности, приложить ихъ къ вопросамъ соціологическимъ, то немудрено, что именно XVIII-й вѣкъ далъ первыя попытки исторически и теоретически разработать различныя области того, что потомъ вошло подъ рубрики цивилизаціи или культуры. Уже въ 1755 году Малле спрашивалъ, почему исторія должна быть „лишь кучей незначительныхъ фактовъ и датъ, а не великой картиной мнѣній, обычаевъ и даже наклонностей народа?“ Въ 1758 году появился трудъ Гога (De l'origine des lois, des arts et des sciences et de leur progrès chez les anciens peuples), а въ слѣдующемъ году „Essai sur les moeurs“ Вольтера, подготовленное уже за 19 лѣтъ предъ тѣмъ и гдѣ царь европейской мысли прямо говоритъ: „Я хотѣлъ бы знать, каково было тогда человѣческое общество, какъ жили внутри семей, какія искусства имѣли мѣсто, а не повторять разсказъ о многочисленныхъ несчастьяхъ и битвахъ, печальный предметъ исторіи и обычное проявленіе человѣческой злости“. Подъ его вліяніемъ жалобы на односторонность исторіи сдѣлались обычными, и къ концу вѣка Кондорсэ посвящалъ часы своего предсмертнаго уединенія исторіи прогресса человѣческой мысли (Esquisse des progrès de l'esprit humain, 1795).

Въ Германіи движеніе началось нѣсколько позже, но одинъ изъ самыхъ раннихъ его представителей имѣлъ и самое обширное вліяніе на послѣдующую историческую литературу. Съ „Философіи“ исторіи (Auch eine Philosophie der Geschichte der Menschheit 1774) и со знаменитыхъ «Идей» Гердера (Ideen zur Geschichte der Menschheit, 1784—1794) начинается въ нѣмецкой литературѣ длинный рядъ сочиненій, гдѣ политическія столкновенія и личные интересы государей играютъ весьма второстепенную роль, но авторы ста-

раются уловить общія духовныя стремленія народовъ и эпохъ. Гердеръ разсматривалъ человѣчество какъ единое, и въ этомъ единствѣ видѣлъ живой зародышъ человѣческой исторіи. Родъ человѣческій представлялъ для него одно цѣлое, начавшее организоваться со своего появленія и долженствующее довершить свою организацію. Перевороты, по его мнѣнію, представляли развитіе силъ, покоющихся въ человѣкѣ и его обновляющихъ. Человѣческая культура представляла Гердеру существеннѣйшій элементъ исторіи, и обозначаетъ, по его опредѣленію, воспитаніе человѣка подъ вліяніемъ окружающей его среды и общества. Но разнообразіе обстоятельствъ не дозволяетъ, по мнѣнію Гердера, допустить для своего человѣчества одной и той же культурной цѣли. Человѣчество стремится къ человѣчности (Humanität), но, по мнѣнію Гердера, главный законъ этого стремленія слѣдующій: повсюду на землѣ должно произойти лишь то, что̀ можетъ тамъ получиться, частью по мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ, представляемымъ временемъ, частью по врожденному или развившемуся характеру народностей. Цѣль законовъ и государственныхъ формъ — упражнять силы человѣка. Человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и выработать себѣ положеніе сообразно тому, что̀ онъ считаетъ лучшимъ. Человѣчность можетъ проявиться во всякомъ состояніи. Всюду человѣчество представляетъ то, что̀ оно могло изъ себя сдѣлать. Остановка человѣческой исторіи въ разныхъ климатахъ на разныхъ формахъ есть ни что иное, какъ человѣчность, т. е. разумъ и справедливость. Родъ человѣческій долженъ пройти различныя степени культуры въ разнообразныхъ измѣненіяхъ. Отступленіе отъ этого закона Гердеръ считаетъ лишь кажущимся. По его мнѣнію, каковы бы ни были отклоненія, въ которыхъ извивается потокъ человѣческаго разума, каковы бы ни были углы, подъ которыми онъ преломляется, но онъ получилъ начало въ вѣчномъ потокѣ истины, и по своей природѣ не можетъ заблудиться на своемъ пути. По законамъ природы, съ теченіемъ времени долженъ разумъ и справедливость получить болѣе

мѣста между людьми и установить въ ихъ умѣ прочную человѣчность. Мы увидимъ, что эти начала, установленыя Гердеромъ, составляютъ еще точки исхода различныхъ партій и въ наше время. Только одни во имя единства человѣчества, во имя разума и справедливости, отыскиваютъ одну нормальную культуру для всего человѣчества. Другіе, напротивъ, во имя разнообразія условій природы и жизненной обстановки, предпочитаютъ различные культурные типы, какъ идеалы для различныхъ отраслей человѣчества.

Впрочемъ, надо замѣтить, что литература историческихъ трудовъ, вызванныхъ «Идеями» Гердера, стремилась несравненно болѣе къ тому, чтобы открыть ф о р м у л у исторіи и внести въ ея теченіе метафизическія начала, чѣмъ къ разработкѣ фактической области, о которой идетъ рѣчь. Тѣмъ не менѣе время оказывало свое дѣйствіе и внѣ идеалистическаго стремленія, къ которому принадлежалъ Гердеръ и въ которомъ особенно разработывалась философія исторіи, въ лагерѣ раціоналистовъ—просвѣтителей XVIII вѣка и ихъ позднѣйшихъ послѣдователей вышло не мало трудовъ въ области исторіи нравовъ, знанія, искусства, религіи и т. п. Сюда относятся въ особенности многочисленные труды Мейнерса (Geschichte des Luxus der Athenienser, 1781; Gesch. d. Ursprungs, Fortganges und Verfalls der Wissenschaften in Griechenland und Rom. 1781—82, Gesch. d. Verfalls der Sitten und Staatsverfassung der Römer, 1782; Grundriss der Gesch. aller Religionen, 1785; Gesch. des weiblichen Geschlechts, 1788—98; Historische Vergleichung der Sitten und Verfassungen etc., etc., des Mittelalters mit denen unseres Jahrhunderts, 1793—1794; Allgemeine kritische Gesch. der Religionen, 1806 - 1807 и др.). Между обширной литературой предмета упомянемъ еще Фирталера (Philosophische Gesch. der Menschen und der Völker, 1767) и сочиненіе Галетти (Allgemeine Culturgeschichte der drei letzten Jahrhunderte, 1814), замѣчательное тѣмъ, что едва-ли авторъ не былъ первымъ, поставившимъ на своей книгѣ прямо задачу в с е о б щ е й и с т о р і и к у л ь т у р ы. Между спеціальными

исторіями заслуживаетъ въ этомъ отношеніи видное мѣсто: «Исторія культуры въ Даніи и въ Норвегіи» Нируна (1804).

Впрочемъ, вся эта литература, несмотря на болѣе или менѣе громкія названія сочиненій, отличалась односторонностью. Матеріальные интересы и формы жизни большинства играли въ ней весьма малую роль, а на первый планъ выступали идеальныя стремленія, развитіе знаній, свободы мысли, нравы высшаго общества, споры ученыхъ и т. п. Къ тому же весьма немногіе изъ этихъ трудовъ имѣли собственно историческое значеніе. Въ большинствѣ случаевъ, это были сочиненія чисто-тенденціозныя, гдѣ авторы боролись противъ опредѣленныхъ общественныхъ началъ и употребляли историческіе факты лишь какъ орудіе для доказательства своихъ взглядовъ на добро и зло, на общественныя и личныя требованія, на науку и религію.

Для послѣдующаго необходимо замѣтить мѣсто, данное цивилизаціи въ философіи исторіи Шарля Фурье. Онъ съ самаго начала въ своихъ сочиненіяхъ (Theorie des quatre mouvements, 1808; Traité de l'association domestique agricole, 1822) заявилъ намѣреніе «освободить человѣчество изъ хаоса цивилизаціи», и назвавъ ц и в и л и з а ц і е ю современный общественный строй, смотрѣлъ на него лишь какъ на переходную ступень къ высшему гармоническому строю, осуществимому лишь путемъ ученія его, Фурье. Этотъ смыслъ слова «цивилизаціи» остался большею частью лишь въ предѣлахъ школы фурьеристовъ.

Несравненно важнѣе для науки было вліяніе, оказанное на историческую литературу трудомъ Гэрена (Ideen über Politik, Verkehr und Handel der Völker des Alterthums, 1793), который подвергнулъ культурные элементы древнихъ обществъ самой серьезной обработкѣ, такъ что это сочиненіе потеряло свое научное значеніе лишь потому, что нашъ вѣкъ выставилъ на видъ необозримую массу матеріаловъ относительно древняго міра, въ особенности азіатскаго, матеріаловъ совершенно неизвѣстныхъ Гэрену. Съ тѣхъ поръ въ общія

исторіи все болѣе входитъ элементъ общественной жизни въ болѣе или менѣе обширномъ объемѣ, съ болѣе или менѣе искуснымъ сплетеніемъ этого элемента съ политическими событіями. Таково было положеніе литературы въ области, о которой мы говоримъ, когда въ Парижѣ, въ 1828 г., выступилъ на каѳедру, среди аплодисментовъ восторженной молодежи, историкъ-публицистъ, удаленный уже нѣсколько лѣтъ отъ преподаванія, заявившій себя энергической оппозиціей министерствамъ Бурбоновъ, редакторъ «Globe и «Revue française», издатель обширныхъ матеріаловъ по французской исторіи, глава французскихъ доктринеровъ, Гизо. Онъ начиналъ курсъ «Исторіи цивилизаціи въ Европѣ».

Соединеніе политическаго, научнаго и литературнаго интереса привлекало всеобщее вниманіе Европы къ преподаванію знаменитаго тріумвирата профессоровъ: Кузена, Вильмена и Гизо. Блестящая рѣчь, французское искусство придать видъ новости и самостоятельности идеямъ, заимствованнымъ изъ тяжелыхъ разсужденій нѣмецкихъ и шотландскихъ мыслителей, тайное сознаніе, что именно эта партія является смѣнить устарѣлыхъ приверженцевъ ancien regime, надежда на лучшій общественный строй, намеки на который слушатели вносили собственнымъ воображеніемъ и въ лекцію о литературѣ XVIII вѣка, и въ диссертацію о свободѣ воли, и въ анализъ феодальнаго общества, — все это придавало лекціямъ трехъ знаменитыхъ профессоровъ обширное значеніе, неограничивавшееся Франціею. Отсюда то вліяніе, которое получилъ трудъ Гизо о цивилизаціи, независимо отъ его внутренняго достоинства, которое вообще было довольно значительно. Такъ какъ опредѣленіе, данное Гизо слову «цивилизація», и развитіе смысла этого слова, обусловило во многомъ послѣдующія разсужденія по этому предмету, то мы остановимся на тѣхъ выраженіяхъ, въ которыхъ на первой же лекціи Гизо пытался установить предѣлы и значеніе предмета своего курса.

Онъ прежде всего всталъ на точку фактической исторіи.

«Цивилизація, говоритъ онъ [1]), есть фактъ наравнѣ съ другими фактами, фактъ, допускающій изученіе, описаніе, изложеніе его содержанія, какъ и всякій другой фактъ...

„Слово «цивилизація» уже давно вошло въ употребленіе во многихъ странахъ; понятія, связанныя съ этимъ словомъ, болѣе или менѣе ясны, болѣе или менѣе обширны; но, какъ бы то ни было, всѣ повторяютъ это слово и понимаютъ другъ друга. Слѣдуетъ изучить именно смыслъ этого слова, смыслъ общій, человѣчественный, популярный. Обыденное значеніе самыхъ общихъ выраженій бываетъ обыкновенно вѣрнѣе опредѣленій науки, повидимому, болѣе точныхъ и строгихъ...

«Мнѣ кажется, что подъ словомъ цивилизація прежде всего слѣдуетъ подразумѣвать прогрессъ, развитіе. Въ вашемъ воображеніи тотчасъ возникаетъ представленіе о народѣ, который движется не въ смыслѣ измѣненія мѣста, а въ смыслѣ измѣненія состоянія, о народѣ, условія жизни котораго расширяются и улучшаются. Я полагаю, что идея прогресса, развитія есть основная идея, подразумѣваемая подъ словомъ «цивилизація».

«Главная трудность заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какой это прогрессъ, какое это развитіе?

«Этимологія слова даетъ повидимому, отвѣтъ ясный и удовлетворительный: это улучшеніе жизни гражданской (civile), развитіе собственно общества, отношеній людей между собою.

«И дѣйствительно, при словѣ цивилизація является прежде всего эта идея; мы сейчасъ представляемъ себѣ болѣе широкія, болѣе дѣятельныя общественныя отношенія: съ одной стороны возрастающую производительность во всемъ, что составляетъ силу и благо общества; съ другой болѣе равномѣрное распредѣленіе выработанныхъ силъ и благъ между всѣми членами общества.

«Но все ли это? Исчерпали ли мы этимъ естественный,

---

[1]) Guizot: «Histoire de la civilisation en Europe», изд. 1863, стр. 7—25.

обычный смыслъ слова «цивилизація»? Не заключаетъ ли фактъ чего-либо инаго?

«Это почти тоже, какъ бы мы поставили вопросъ: не составляетъ ли въ сущности родъ человѣческій не что иное, какъ муравейникъ? именно—общество, въ которомъ дѣло идетъ лишь о порядкѣ и благостояніи, гдѣ цѣль достигнута тѣмъ полнѣе и прогрессъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе сумма совершеннаго труда и чѣмъ справедливѣе распредѣлены продукты труда?

«Инстинктъ человѣка не хочетъ примириться съ этимъ узкимъ понятіемъ о судьбѣ человѣчества. Ему кажется съ перваго же взгляда, что, подъ словомъ цивилизація слѣдуетъ подразумѣвать нѣчто болѣе обширное, сложное, возвышенное, чѣмъ простое совершенство общественныхъ отношеній силы и благосостоянія общества.

«Инстинктъ этотъ подтверждаютъ факты, общественное мнѣніе и смыслъ, придаваемый вообще этому термину...

«Можно назвать государства, въ которыхъ сравнительно съ прочими, благостояніе значительнѣе, растетъ быстрѣе и распредѣлено между личностями равномѣрнѣе, а, между тѣмъ, непосредственный инстинктъ, общій здоровый смыслъ людей, призналъ, что эти государства стоятъ на низшей ступени цивилизаціи, въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ собственно соціальный бытъ хуже. Отчего это? Что даетъ этимъ, послѣднимъ странамъ право, съ избыткомъ пополняющее въ глазахъ человѣка всѣ остальные недостатки, въ нихъ встрѣчающіеся?

«Въ нихъ совершилось другое развитіе, развитіе жизни индивидуальной, внутренней, развитіе самаго человѣка, его способностей, чувствъ, идей... Если благоустройству общества тамъ недостаетъ многаго, — за то человѣчество проявилось тамъ съ большимъ величіемъ и могуществомъ. Общественный строй требуетъ многихъ улучшеній, за то въ области мысли и нравственности сдѣланы громадныя завоеванія; многимъ людямъ тамъ недостаетъ значительнаго числа благъ и правъ, за то тамъ много великихъ людей привлекаетъ глаза всего свѣта. Тамъ процвѣтаютъ: литература, искусства, наука. Вездѣ, гдѣ человѣчество замѣчаетъ сіяніе этихъ великихъ, прославленныхъ

проявленій природы человѣка, вездѣ, гдѣ предъ его глазами создаются эти сокровища высшихъ наслажденій, тамъ человѣкъ признаетъ существованіе цивилизаціи.

«Итакъ, въ великомъ фактѣ цивилизаціи заключается два факта; онъ требуетъ двухъ условій и высказывается двумя симптомами: развитіемъ дѣятельности общественной и дѣятельности индивидуальной, прогресомъ общества и прогресомъ человѣчества. Когда люди замѣчаютъ два признака: расширеніе, возвышеніе, улучшеніе внѣшняго быта человѣка, или яркое, величественное проявленіе самыхъ глубокихъ его способностей, то люди встрѣчаютъ эти два признака съ восторгомъ и признаютъ присутствіе цивилизаціи, часто несмотря на значительное несовершенство соціальнаго строя.

«Вотъ къ какому результату приводитъ насъ, если я не ошибаюсь, простое изслѣдованіе общечеловѣческихъ мнѣній, съ точки зрѣнія чисто-здраваго смысла. Справляясь съ исторіей, вглядываясь въ сущность великихъ кризисовъ цивилизаціи, въ сущность фактовъ, которые, по общему мнѣнію, сильно двинули ее впередъ, мы всегда встрѣчаемъ одинъ изъ двухъ вышеприведенныхъ элементовъ. Это все кризисы развитія соціальнаго или индивидуальнаго, факты, содѣйствовавшіе измѣненію или внутренняго человѣка, его вѣрованій и нравственности, или внѣшнихъ условій его жизни, его положенія въ отношеніи къ другимъ людямъ...

«Мы получили два элемента цивилизаціи. Теперь надо узнать, довольно ли одного изъ нихъ для признанія ея? Существуетъ ли цивилизація тамъ, гдѣ представляется отдѣльно: или развитіе общественнаго строя, или развитіе личности? Признало ли бы человѣчество подобное состояніе цивилизаціею? Или эти факты такъ тѣсно и неизбѣжно связаны между собою, что они, хотя и не проявляются одновременно, но тѣмъ не менѣе нераздѣльны и, рано или поздно, каждый изъ нихъ вызывается другимъ?

«Каждое великое измѣненіе въ состояніи страны, большое развитіе въ ней богатствъ и силы, переворотъ въ распредѣленіи общественнаго благосостоянія,—всегда встрѣчаетъ про-

тивниковъ и претерпѣваетъ борьбу. Иначе и быть не можетъ.— Что говорятъ вообще враги измѣненія? Они говорятъ, что улучшенія соціальнаго быта не возрождаютъ въ тоже время нравственности внутренняго міра человѣка, что прогрессъ этотъ ложенъ, обманчивъ, вреденъ для нравственности, для настоящей природы человѣка. Защитники соціальнаго развитія съ большой энергіей отражаютъ эти нападки; они утверждаютъ, напротивъ, что общественный прогрессъ непремѣнно ведетъ за собой и прогрессъ нравственности, что большая правильность во внѣшней жизни не можетъ не придать болѣе правильности, чистоты и жизни внутренней. Въ этомъ видѣ ставятъ вопросъ защитники и противники новаго состоянія общества.

«Теперь переворотимъ гипотезу: предположимъ прогрессъ нравственнаго развитія. Что обѣщаютъ обыкновенно его двигатели? Что обѣщали, при образованіи обществъ, руководители духовные, мудрецы, поэты, стремившіеся къ смягченію и исправленію нравовъ?—Они обѣщали улучшеніе общественнаго быта и болѣе справедливое распредѣленіе благъ. Какое предположеніе лежитъ въ основѣ этихъ споровъ и обѣщаній?

«Въ основѣ лежитъ предположеніе, что инстиктивное убѣжденіе людей признаетъ тѣсную связь двухъ элементовъ цивилизаціи: развитія общественнаго и развитія нравственнаго, такъ что при проявленіи одного изъ нихъ человѣкъ всегда разсчитываетъ и на другой... Итакъ очевидно, что человѣчество инстинктивно вѣритъ въ тѣсную связь двухъ элементовъ цивилизаціи и въ то, что они взаимно вызываютъ другъ друга.

«Исторія міра даетъ намъ тотъ же отвѣтъ. Мы находимъ, что всѣ значительные шаги въ развитіи личности обратились на пользу общества, всѣ значительные шаги въ развитіи общественнаго состоянія—на пользу человѣчества...

«Если отъ историческаго изслѣдованія мы перейдемъ къ сущности двухъ фактовъ, составляющихъ цивилизацію, то мы неизбѣжно придемъ къ тѣмъ же результатамъ... Провѣрьте, какая потребность является въ человѣкѣ, когда въ немъ совершилось нравственное развитіе, когда онъ выработалъ въ себѣ новую идею, новое нравственное качество, новую способ-

ность, словомъ—когда онъ поднялся ступенью выше въ личномъ развитіи? Потребность перенести свое чувство во внѣшній міръ, осуществить свою мысль внѣ себя. Какъ только человѣкъ сдѣлалъ какое-либо пріобрѣтеніе, какъ только его личность въ его собственныхъ глазахъ получила новое развитіе, новое значеніе, немедленно онъ связываетъ съ этимъ новымъ развитіемъ, съ этимъ новымъ значеніемъ идею назначенія (mission); инстинктъ, внутренній голосъ обязываетъ, побуждаетъ его распространить измѣненіе, улучшеніе, въ немъ совершившіяся, содѣйствовать ихъ торжеству и во внѣшнемъ мірѣ. Лишь это побужденіе вызвало дѣятельность великихъ реформаторовъ. Великіе люди, совершившіе міровые перевороты послѣ того, какъ они совершили переворотъ въ самихъ себѣ, дѣйствовали подъ вліяніемъ лишь этого чувства.

«Таково вліяніе измѣненія во внутреннемъ человѣкѣ; обратимся ко второму случаю. Совершился переворотъ въ общественномъ строѣ; въ немъ болѣе гармоніи; права и блага распредѣлены между личностями равномѣрнѣе; это значитъ, что міръ представляетъ картину болѣе чистую и прекрасную, практическая жизнь лучше какъ въ государствѣ, такъ и въ отношеніяхъ между личностями. Неужели вы думаете, что это зрѣлище, это улучшеніе во внѣшнихъ фактахъ не отразится на внутреннемъ состояніи человѣка, на человѣчествѣ? Все, что говорятъ о вліяніи примѣра, привычки, хорошихъ образцовъ, опирается лишь на сознаніи, что всякій внѣшній фактъ, заключающій въ себѣ добро, разумъ, стройность вызываетъ, рано или поздно, съ большею или меньшею полнотою, и внутреній фактъ того же рода, того же достоинства; что общественный міръ болѣе стройный, общественный міръ болѣе справедливый сдѣлаетъ и личность справедливѣе, что внѣшній бытъ необходимо вліяетъ на измѣненіе внутренняго человѣка точно также, какъ внутренній человѣкъ на измѣненіе внѣшняго быта; что два элемента цивилизаціи тѣсно связаны между собою; что одинъ отъ другаго можетъ отстоять на столѣтія, что ихъ могутъ раздѣлить всякія препятствія, что можетъ быть каждый изъ нихъ испытаетъ тысячи измѣ-

неній прежде, чѣмъ они будутъ въ состояніи уравняться, но что, рано или поздно, они станутъ на одинъ уровень, что таковъ законъ ихъ природы, таковъ общій фактъ исторіи, таково инстинктивное вѣрованіе человѣчества".

Я теперь не стану подвергать этой теоріи критикѣ. Я привелъ здѣсь мнѣніе Гизо довольно подробно, въ особенности потому, что оно послужило точкою исхода для многихъ писателей, и что до сихъ поръ многіе возвращаются къ нему или для поддержанія своего мнѣнія авторитетомъ историка-доктринера, или для оспариванія этого взгляда на основаніи какихъ-либо фактовъ. Для насъ особенно важны во взглядѣ Гизо два обстоятельства: во первыхъ, указаніе, что понятіе о цивилизаціи весьма часто связывается съ представленіемъ прогресса; во вторыхъ, различеніе въ историческомъ развитіи общества двухъ элементовъ: личнаго, который для Гизо какъ бы совпадаетъ съ общечеловѣческимъ элементомъ, и общественнаго, который какъ бы совершается съ меньшею сознательностью и заключается болѣе въ формахъ общественнаго строя, чѣмъ въ дѣятельности личностей.

3. Идеи въ исторіи.

Надо сознаться, что съ тѣхъ поръ сдѣлано весьма мало для уясненія термина, о которомъ говоримъ, и въ самыхъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ, въ заголовкѣ которыхъ стоитъ слово цивилизація или культура и въ которыхъ оно встрѣчается весьма часто, рѣдко мы найдемъ попытку опредѣлить его и указать читателю, въ какихъ случаяхъ его употребленіе правильно или неправильно. Но этотъ періодъ времени не прошелъ даромъ. Именно мысль прослѣдить законы развитія человѣчества и указать главнѣйшіе дѣйствующіе при этомъ двигатели, должна была привести къ уясненію понятія о прогрессѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о цивилизаціи. Съ одной стороны, въ лагерѣ идеалистовъ выставляли идеи, какъ главный движущій элементъ исторіи человѣчества. „Ра-

зумъ управляетъ міромъ", говорилъ Гегель [1]) и обращалъ особенное вниманіе на то, что подъ словомъ „разумъ" здѣсь не слѣдуетъ подразумѣвать ни самосознательный разумъ, ни духъ, въ полнотѣ его развитія. Исторія есть для Гегеля процессъ, въ которомъ духъ развиваетъ въ себѣ идею своей свободы, и разумъ исторіи заключается въ томъ, что эта идея выступаетъ болѣе и болѣе ясно въ своемъ развитіи. Но, для осуществленія своей цѣли, разумъ употребляетъ хитрость. „Ничто не совершается безъ того, чтобы личности, при этомъ дѣйствующія, не удовлетворяли и себя; онѣ — отдѣльные люди, т.-е. онѣ имѣютъ свои особенныя, имъ принадлежащія потребности, побужденія, интересы: между этими потребностями встрѣчаешь не только обособленіе потребности и воли, но еще обособленіе пониманія, убѣжденія или по крайней-мѣрѣ мнѣнія, принимаемаго за убѣжденіе, если, впрочемъ, уже пробудилась потребность разсужденія, разсудка и разума. Люди требуютъ, для дѣятельности въ пользу какой бы то ни было вещи, чтобы эта вещь имъ вообще нравилась, чтобы они участвовали въ дѣлѣ и своимъ мнѣніемъ о томъ, что вещь хороша, выгодна, справедлива, полезна... Такимъ образомъ мы говоримъ, что ничто не совершалось безъ интереса тѣхъ, которые участвовали въ процессѣ своею дѣятельностью; назовемъ этотъ интересъ страстью, въ томъ смыслѣ, что личность полагаетъ себя всю въ одинъ предметъ, со всѣми ей присущими жилами воли (Adern von Wollen), отстраняя всѣ прочіе интересы и цѣли, которые существуютъ и могутъ существовать у личностей, и сосредоточивая на эту цѣль всѣ свои потребности и силы. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что ничего великаго въ мірѣ не совершено безъ страсти... Частный интересъ страсти нераздѣленъ отъ осуществленія общаго, потому что общее получается изъ частнаго и опредѣленнаго путемъ его отрицанія. Частныя явленія сталкиваются въ борьбѣ и часть ихъ гибнетъ. Но не общая идея

---

[1]) «Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte» 2-е изд. (1840) стр. 15. Дальнѣйшая выписка тоже изъ введенія къ лекціямъ

вступаетъ въ противорѣчіе и въ борьбу, не она въ опасности: она остается въ глубинѣ сцены, внѣ нападенія и ударовъ. Это можно назвать хитростью разума, что онъ заставляетъ страсти дѣйствовать вмѣсто себя, причемъ то, что вызвано имъ къ существованію, теряется и страдаетъ... Частности большею частью ничтожны предъ общимъ: личности приносятся въ жертву и гибнутъ. Идея платитъ дань существованію и непрочности не изъ себя, а изъ страстей личностей".

Уже въ этой отвлеченной формулировкѣ процесса исторіи пришлось дать долю личностямъ рядомъ со всемогущими и неуязвимыми идеями. Пришлось дать мѣсто потребностямъ и страстямъ личностей. Для мыслителей другихъ школъ не особенно трудно было замѣтить, что идеи имѣютъ свое мѣсто лишь въ мозгу личностей.

Обративъ вниманіе на низшія потребности человѣка, легко было замѣтить, что отдѣльное ихъ изученіе представляетъ уже весьма обширную область, и труды Клэмма (Allgmeine Culturgeschichte der Menschheit, 1843—52; Allgemeine Culturwissenschaft, 1855) показали, какъ великъ матеріалъ въ этой области. Его обвинили въ томъ, что онъ ограничился внѣшними формами и проявленіями жизни народовъ, давая слишкомъ мало мѣста „внутреннимъ, высшимъ" явленіямъ общественной жизни. Но едва-ли онъ заслуживаетъ порицанія въ этомъ отношеніи, такъ-какъ спеціальная обработка этой области до тѣхъ поръ не составляла предмета особеннаго труда, между тѣмъ какъ, по сущности дѣла, эта область имѣла свои особенности. Клэмма скорѣе можно обвинить въ недостаточно искусномъ расположеніи матеріала. Во всякомъ случаѣ его книга, по смыслу, который культура получила въ ней, такъ сказать независимо отъ воли автора, заслуживаетъ особеннаго вниманія и составляетъ рѣзкую противоположность сочиненіямъ, подобнымъ труду Ваксмута (Europäische Sittengeschichte, 1831—36; Allgemeine Culturgeschichte, 1850—52), гдѣ, наоборотъ, преимущественную роль играютъ явленія, въ которыхъ мысль человѣческая оказываетъ наибольшее вліяніе, какъ и видно изъ рубрикъ, на которыя авторъ разбилъ предметъ

(церковь, право, сношенія, естествознаніе, воспитаніе, поэзія и т. д.), рубрикъ, придающихъ—надо въ томъ сознаться—чрезвычайную сухость изложенію Вакемута.

Въ распаденіи трудовъ по исторіи общественнаго развитія на двѣ группы повторилась, какъ бы сама собою, мысль Гегеля: о противоположеніи идей страстямъ или потребностямъ, и не только къ области политики можно было отнести мысль, высказанную въ прошломъ году въ Дюссельдорфѣ Шафгаузеномъ: „Если сравнимъ исторію человѣчества съ могущественною рѣкою, то политическія событія, которыя долгое время исключительно считались исторіею, представятъ лишь рябь на поверхности воды, рябь, которая, въ минуты бури, можетъ обратиться въ волны громадной высоты; но движеніе сообщается рѣкѣ непрестанной работой человѣческой мысли [1])“. Относительно политическихъ явленій это положеніе уже не ново, но въ настоящее время интересенъ вопросъ объ участіи человѣческой мысли, какъ сознательной, въ процессѣ развитія человѣческихъ обществъ, гдѣ, конечно, весьма многое должно быть отнесено къ проявленію прямыхъ потребностей или пріобрѣтенныхъ привычекъ безо всякаго вліянія сознательной мысли.

Интересно, въ этомъ отношеніи, послушать Лацаруса, котораго въ гегелизмѣ никто обвинить не можетъ и который долженъ былъ коснуться этого предмета, говоря о значеніи идей въ исторіи [2]).

«Идеи — говоритъ Лацарусъ — дѣйствуютъ въ исторіи тѣмъ путемъ, что онѣ составляютъ части проявленія психической жизни человѣка и получаютъ существенное вліяніе на всего человѣка. Налагая на волю и на дѣйствія человѣка мѣру, не истекающую (прямо) изъ природы воли и дѣйствій, придавая жизни направленіе и цѣли, онѣ наполняютъ ее

---

[1]) «Anthrop. Rev.» (1867) 278: «The struggle of man with nature».

[2]) «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft» (1865) 460 и сл. «Ueber die Ideen in der Geschichte». Такъ-какъ нѣкоторыя выраженія Лацаруса могли бы быть неясны читателямъ, мало знакомымъ съ нѣмецкою философскою терминологіею, то въ иныхъ мѣстахъ въ скобкахъ помѣщены объясненія.

новымъ содержаніемъ. Содержаніе это ново, и уже потому имѣетъ болѣе цѣны, что оно вытекаетъ изъ источника собственнаго существа, указывая на специфическую силу (Energie) и на творческую дѣятельность человѣка. Но психическая жизнь непосредственно обогащается идеями не только въ ея содержаніи, но въ ея формахъ, въ ея процессахъ, возвышаемыхъ идеями".

„Эта облагораживающая и организующая дѣятельность идей различна въ различныя времена какъ по способу, такъ и по величинѣ, и историческая психологія ставитъ себѣ задачею уяснить это и показать, почему идеи движутся по восходящимъ и по нисходящимъ кривымъ линіямъ. Возрастающее уплотненіе мышленія (накопленіе его въ отдѣльной личности) представляетъ выгоду, изъ которой развивается недостаточность его улетучиванія (распространенія мысли въ обществѣ); возвышеніе и очищеніе личности вредитъ чувству общественной связи; полнота и насыщеніе объективнаго духа (высшихъ процессовъ общественной жизни) уменьшаетъ побужденіе къ субъективной (личной) работѣ и дѣятельности; и все это лишь отдѣльные примѣры, развивающіеся на основаніи законности, которую слѣдуетъ изучать въ ея общности. Психологія должна перевести изъ эмпирическаго знанія въ сознательное пониманіе и то обстоятельство, что узкое и одностороннее преслѣдованіе одной идеи и упорное удержаніе ея, неизбѣжно влекутъ за собою въ дальнѣйшемъ развитіи разложеніе идеи самой изъ себя (слѣдовательно и народности ея поддерживающей) и что человѣчество идетъ впередъ лишь вслѣдствіе появленія новыхъ идеальныхъ элементовъ.

«Здѣсь, гдѣ дѣло идетъ лишь о постановкѣ задачъ, достаточно намекнуть, что дѣйствіе идей проявляется преимущественно въ трехъ основныхъ формахъ, которыя всегда находятся, конечно, въ необходимомъ взаимнодѣйствіи, но, вслѣдствіе перевѣса той или другой формы, даютъ совершенно иной видъ совокупности идеальной дѣятельности. Во-первыхъ, дѣйствіе идей проявляется въ выработкѣ *личности*. Изъ общаго и для всѣхъ одинаковаго уровня физиче-

скихъ потребностей, психическаго и психофизическаго механизма, работающаго прежде всего для удовлетворенія этихъ потребностей, человѣкъ возвышается лишь посредствомъ усвоенія идей. Энергія въ усвоеніи идей опредѣляетъ мѣру образованности человѣка; проникновеніе идеями и сила воли, посвященной имъ, опредѣляютъ его направленіе; оба вмѣстѣ составляютъ его личность, его характеръ. Мѣра идеальнаго элемента въ человѣкѣ есть въ то же время мѣра его личности. Но въ личности человѣка высказывается всего ранѣе и всего чище дѣйствіе идей въ исторіи; ни одна историческая эпоха, даже эпоха паденія не настолько лишены идей, чтобы въ нихъ не встрѣтились отдѣльныя особи, въ образованности и въ характерѣ которыхъ высказываются благородныя черты человѣчности. Въ высшихъ личностяхъ исторіи мы находимъ каждый разъ осуществленіе (Erfüllung) идей; въ массахъ же заключается задача исторіи, личности намъ даютъ мѣрку для этой задачи, и она непосредственно выказывается задачею безконечною.

«Вторая форма дѣятельности идей заключается въ созиданіи идеальныхъ произведеній; они переживаютъ личности и поколѣнія, сохраняютъ идеи для будущаго тѣмъ, что воплощаютъ ихъ въ себѣ и возрождаютъ въ мысли будущаго. Произведенія искусства и письменности, результаты труда и изобрѣтательности стоятъ въ исторіи какъ свидѣтели и истолкователи идей минувшаго. И здѣсь идеи дѣйствуютъ чрезъ личность, одушевляя ее къ творчеству точно также, какъ онѣ развиваютъ въ ней образованность и направленіе; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ строго различать творческій геній отъ индивидуализирующаго генія (Genie der Persönlichkeit), если можно такъ выразиться. Не всегда оба эти генія представляются въ соединеніи. Для исторіи интересно и важно разсмотрѣть времена и народы въ томъ отношеніи, развиваются ли въ нихъ болѣе личности перваго или втораго рода.

«Наконецъ, въ третьихъ, форма дѣятельности идей заключается въ творчествѣ учрежденій (Institutionen, обще-

ственныхъ формъ) общественныхъ, юридическихъ, политическихъ, обычно-нравственныхъ, религіозныхъ связей и установленій между людьми. Бракъ и семья, судоустройство для охраненія собственности, чести, здоровья и жизни, община, государство и союзы государствъ, церковь, союзы съ цѣлью благотворительности, союзы для общежитія во всѣхъ отношеніяхъ—все это выраженія идей или средства для ихъ осуществленія.

«Учрежденія (общественныя формы) представляютъ историческіе результаты идей въ высшемъ смыслѣ: они живутъ въ исторіи и исторія въ нихъ. Это не пассивныя, прочныя произведенія, какъ произведенія искусства и науки, но живыя и производительныя дѣла духа; въ нихъ мы имѣемъ не части истинной человѣческой жизни, а самую ткань ея. Во всей дѣятельности и производительности духа лишь языкъ и мысль, въ немъ непосредственно живущую, можно сравнить съ учрежденіями».

Опять таки не станемъ теперь останавливаться на критикѣ положеній Лацаруса, но укажемъ на то развитіе, которое онъ даетъ «работѣ человѣческой мысли», составляющей, по Шафгаузену, основнаго движителя исторіи человѣчества или, по общепринятому термину, человѣческой цивилизаціи. Работа мысли, т.-е. идеальный элементъ человѣчества, проявляется, по Лацарусу, прежде всего въ выработкѣ личностей; затѣмъ въ ихъ художественномъ и литературномъ твбрчествѣ; наконецъ въ развитіи общественныхъ формъ. Лацарусъ, подобно Гизо, принимаетъ, что общественная мысль (идеальная дѣятельность, какъ онъ ее называетъ) имѣетъ весьма различный видъ, смотря по тому, проявляется ли она только въ выработкѣ отдѣльныхъ лицъ, или къ этому присоединяется развитіе литературы и искусствъ, или мысль общества проявляется въ жизненности его формъ. Онъ допускаетъ, какъ Гизо, взаимодѣйствіе этихъ проявленій общественной мысли, но уже строже выдѣляетъ выработку личностей, какъ самое раннее проявленіе, самое необходимое условіе и самый постоянный фактъ ра-

боты мысли, а въ жизненности общественныхъ формъ видитъ высшее проявленіе цивилизаціи, но именно въ жизненности ихъ, такъ какъ узкая и односторонняя преданность одной идеѣ составляетъ, по его словамъ, губительное начало для общества. Мысль должна постоянно работать и можетъ возрождать общество, но формы мысли (именно идея) преходящи и должны быть сознаны какъ преходящія въ живомъ обществѣ; если общество считаетъ ихъ не преходящими и свяжетъ свою судьбу съ тою или другою формою мысли (идеею), оно умретъ вмѣстѣ съ нею.

4. Пренія антропологовъ.

Въ послѣднее время вопросъ о сущности человѣческой цивилизаціи перешелъ изъ книгъ въ словесныя пренія и получилъ возможность подвергнуться разносторонней оцѣнкѣ въ ученыхъ обществахъ двухъ передовыхъ народовъ Европы, во Франціи и въ Англіи. Антропологія разсматриваетъ человѣка, какъ группу въ разнообразіи его формъ и въ развитіи процессовъ его дѣятельности. Цивилизація слишкомъ рѣзкій фактъ въ дѣятельности зоологической группы homo, чтобы антропологическія пренія въ парижскомъ и лондонскомъ обществахъ не привели неизбѣжно и къ вопросу о сущности этого факта, о его отличительныхъ признакахъ, о его значеніи и т. п. Оно такъ и было. Много разъ антропологамъ приходилось говорить о цивилизаціи или культурѣ той или другой расы, того или другаго народа, той или другой эпохи. Наконецъ, два раза въ парижскомъ обществѣ прямо пришлось поставить вопросъ и возбудить о немъ болѣе или менѣе продолжительныя пренія.

Въ первый разъ это случилось въ самый первый годъ существованія общества, въ 1860 г. Трела представлялъ докладъ [1]) о брошюрѣ Леруа относительно путешествія по

[1]) „Bulletins“ I, 276 и сл.

Тихому океану и о брошюрѣ Мишо о Гвіанѣ. Въ той и другой антропологическаго матеріала было очень мало, но оба автора приходили къ результату, что «туземное населеніе въ Гвіанѣ и Полинезіи постоянно убываетъ въ мѣстностяхъ, гдѣ поселились европейцы, даже въ небольшомъ числѣ». Докладчикъ прибавилъ, что этотъ фактъ для Полинезіи былъ уже извѣстенъ и что его объяснили различно. «Но, прибавилъ онъ, всѣ извѣстныя объясненія нельзя считать достаточными». Это подало поводъ Брока возбудить пренія [1]) о вымираніи туземцевъ, перешедшія въ пренія о способности различныхъ расъ къ совершенствованію. Въ этихъ преніяхъ приняли участіе главные ораторы общества: Брока, Гратіоле, Перье, Катрфажъ, Прюнеръ-бей, Пуше и др. Фактъ гибели туземцевъ въ присутствіи европейской цивилизаціи не оспаривался, но все-таки никто ему не далъ надлежащаго объясненія. Указывали причины физическія, нравственныя и даже т а й н ы я (occultes), такъ что Гратіоле пришлось напомнить [2]): «Оставимъ въ сторонѣ тайныя причины; наука не должна ими заниматься: слишкомъ долго онѣ задерживали ее. Истинно-научный прогрессъ начался съ того дня, когда стало понятно, что всѣ физическіе и нравственные факты доступны наблюденію. Тайныя причины, это— причины, ускользающія отъ наблюденія; если сущность ихъ такова, что онѣ должны ускользать отъ него, то я осмѣлюсь сказать, что онѣ не существуютъ». Наибольшее число ораторовъ остановилось на мысли, что есть расы (напр. австралійцы), недоступныя цивилизаціи; другія же (напр. полинезцы Гаваіи) способны цивилизоваться, но что всѣ одинаково гибнутъ отъ прикосновенія къ европейскому строю жизни, такъ что нѣкоторые ораторы признали цивилизацію вреднымъ началомъ для иныхъ расъ. Эти пренія продолжались съ марта до августа и во время ихъ неизбѣжно было говорить о цивилизаціи дикихъ и европейцевъ, о томъ, какой смыслъ можно придать этому слову въ различныхъ

[1]) Тамъ же, 278 и сл., 327 и сл., 368 и сл., 419 и 479 и сл.
[2]) Тамъ же, 297.

случаяхъ, о томъ, наконецъ, насколько приложимо слово цивилизація къ обществамъ дикихъ островитянъ. Нѣкоторые участники въ преніяхъ прямо противоположили дикость—цивилизаціи. «Австралійцы, говоритъ О-Руркъ (O'Rorke) 21-го іюня [1]), были дики. Полинезцы не были дики; они имѣли начала цивилизаціи». При этомъ онъ указалъ у полинезцевъ общества и націи съ начальниками почти всегда наслѣдственными; на существованіе іерархіи, опредѣленнаго культа, преданій и болѣе или менѣе правильной общественной организаціи. У нихъ были, если не города, то деревни, даже дворецъ для короля. Земля была обработана и многочисленное населеніе могло жить на островахъ, имѣющихъ незначительное пространство. „При этой зародышной цивилизаціи,—говоритъ ораторъ, — полинезцы имѣли соціальныя понятія, которыя могли легко развиться при соприкосновеніи съ высшею цивилизацію“, и дѣйствительно это явленіе имѣло мѣсто. „Но когда раса совсѣмъ дика, когда она сама собою не могла получить первыхъ соціальныхъ понятій, трудно, чтобы она могла ихъ усвоить, когда они къ ней придутъ извнѣ. Таковы австралійцы. Имъ никогда не приходило на умъ построить деревню или образовать націю. Говорятъ, что они дѣлились на племена; но эти племена не заключали ничего опредѣленнаго; они составились изъ собранія небольшаго числа семей, всего чаще трехъ или четырехъ, и это собраніе было иногда временное. Австралійцы и остались, чѣмъ были“.

При этомъ противоположеніи цивилизаціи дикому состоянію, вопросъ о смыслѣ этихъ словъ неизбѣжно было поставить, и Прюнеръ-бей поставилъ его 16-го августа [2]). «Что такое цивилизація? спросилъ онъ. — Когда семьи и племена принимаютъ осѣдлый образъ жизни для составленія болѣе тѣсной связи, когда трудъ обращается въ обязанность и привычку, когда раздѣленіе труда ведетъ къ установленію различныхъ классовъ обществъ (производительнаго, админи-

[1]) Тамъ же, 380.
[2]) Тамъ же, 480.

стративнаго, интеллектуальнаго или обучающаго), когда всякій вноситъ свою долю въ общее дѣло и черпаетъ въ то же время блага въ условіяхъ этой ассоціаціи, когда образуется государство; если же прибавимъ, что тамъ допускаютъ и поощряютъ развитіе (la culture) всѣхъ человѣческихъ способностей, то тамъ существуетъ цивилизація». Но для ея развитія необходимы, по словамъ оратора, нѣкоторыя «благопріятныя условія матеріальныя и историческія». Безъ земли, допускающей обработку, безъ сѣмянъ растеній и особенно злаковъ... не существуетъ осѣдлаго населенія, а потому не существуетъ и цивилизаціи». Съ другой стороны, по мнѣнію Прюнеръ-бея, исторія доказываетъ, что для вступленія народа на путь цивилизаціи необходимо принужденіе, заключающееся или въ недостаткѣ пищи, или въ могущественныхъ личностяхъ, или въ соприкосновеніи съ высшею цивилизаціею. При этомъ онъ призналъ, что австралійцы не были цивилизованы и не усвоили себѣ европейской цивилизаціи, но представилъ значительное число фактовъ, доказывающихъ ихъ способность цивилизоваться. Для негра же нашелъ совершенно неприложимымъ эпитетъ дикій [1]).

Въ февралѣ 1867 г. вопросъ о смыслѣ цивилизаціи былъ вызванъ и въ Лондонѣ въ преніяхъ, возникшихъ по поводу статьи Уэка (Wake) о древности человѣка и сравнительной геологіи [2]), гдѣ авторъ пустился въ довольно странныя гипотезы, и сказалъ, что цивилизація есть „окончательный продуктъ человѣческой умственной дѣятельности“. Колингвудъ замѣтилъ [3], что это опредѣленіе не представляетъ для него ничего яснаго. Въ обработкѣ ли науки или искуства состоитъ цивилизація? Есть ли это соціальная наука? Есть ли это матеріальное улобство? Или это не что иное, какъ занятіе человѣческаго ума и полное развитіе всѣхъ его способностей? Уэкъ склонился къ первому опредѣленію, и вопросъ дальше не пошелъ.

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возникъ въ Парижѣ

---

[1]) Тамъ же. 491.
[2]) „Anthr. Rev.» V, «Journal of the A. S.» CV и слѣд.
[3]) Тамъ же, CXIII.

и далъ поводъ къ разностороннему разбору его [4]). Гарригу читалъ 2-го мая записку о людоѣдствѣ у доисторическихъ людей [5]) и пришелъ къ выводамъ, что на югѣ Франціи люди, жившіе въ періодъ шлифованнаго камня, были людоѣды; относительно же современниковъ сѣвернаго оленя на югѣ Франціи (людей болѣе ранняго періода) нашелъ, что этотъ обычай вѣроятно существовалъ и между ними.

Онъ заключилъ свою записку мнѣніемъ, что „собственно нѣтъ ничего удивительнаго, если первобытный человѣкъ былъ въ состояніи ѣсть себѣ подобныхъ. Въ наше время существуютъ дикари, которые умѣютъ обработывать самородки металловъ, шлифовать камни, выдѣлывать весьма усовершенствованныя оружія, плести цыновки, приручать домашнихъ животныхъ; эти дикари, по степени цивилизаціи (au point devue de leur civilisation), настоящіе представители періода шлифованнаго камня въ Европѣ; но и теперь, не будучи побуждаемы къ тому сильнымъ голодомъ, пожираютъ не только бѣлыхъ, но и своихъ соплеменниковъ. Слѣдовательно, совершенно натурально допустить, что доисторическій человѣкъ былъ людоѣдомъ. Человѣческія кости, найденныя между кухонными остатками, могутъ вполнѣ подтвердить это предположеніе.

Что же касается людей, современныхъ древнему слону или медвѣдю и третичнымъ формаціямъ, то они тоже, вѣроятно, по мнѣнію Гарригу, поѣдали другъ друга, хотя рѣже, нежели наши ближайшіе предшественники.

„Чѣмъ болѣе — заключилъ онъ — организація человѣка подходила къ организаціи человѣкообразной обезьяны, тѣмъ болѣе, вѣроятно, ему было свойственно питаться плодами. Я вижу въ людоѣдствѣ, какъ и въ привычкѣ питаться исключительно мясомъ, уже плодъ нѣкоторой цивилизаціи или, лучше сказать, слѣдствіе измѣненій въ нравственныхъ и умственныхъ привычкахъ, измѣненій мало по малу происшедшихъ въ первобытномъ человѣкѣ, въ человѣкѣ-обезьянѣ“.

[4]) «Bulletins» 2-me ser. II. Такъ какъ до сихъ поръ у меня въ рукахъ лишь кн. «Bulletins» за 1867 г., то я не могу сказать навѣрное, не продолжались ли пренія далѣе, чѣмъ здѣсь показываю.

[5]) Тамъ же, 326 и слѣд.

Немедленно Далли спросилъ Гарригу, считаетъ ли онъ человѣкообразную обезьяну, о которой онъ говорилъ, современною или предшествовавшею пещерному человѣку древнѣйшаго времени? Гарригу отвѣтилъ: „на мой взглядъ первая усовершенствованная обезьяна заслуживала названія человѣка и должна была, слѣдовательно, быть современною обезьянамъ, ей предшествовавшимъ“.

Далли снова предложилъ вопросъ о разницѣ по артистическому достоинству между первобытными орудіями человѣка и палками, употребляемыми обезьянами. Лартэ возразилъ, что палки обезьянъ не могутъ считаться произведеніями искусства или ремесла; онѣ просто сломаны, а не изготовлены.

„Впрочемъ—прибавилъ онъ—вѣроятно и между людьми періодъ (age) дерева предшествовалъ періоду камня, о чемъ даже преданіе сохранилось у нѣкоторыхъ племенъ Сѣверной Америки. Въ немъ говорится, что ихъ предки прежде употребляли только деревянныя орудія, но однажды одинъ изъ нихъ вздумалъ употребить камень, и это обозначило эру паденія. Что касается до возможнаго родства между человѣкомъ и обезьяною, я замѣчу, что человѣкъ каменнаго періода вовсе не былъ покрытъ шерстью. Люди, современные сѣверному оленю, были даже, по моему, гораздо цивилизованнѣе, чѣмъ это думаютъ. Ихъ общественное состояніе должно было приближаться къ состоянію современныхъ эскимосовъ, весьма кроткихъ по нраву и никогда не нападающихъ. Капитанъ Россъ встрѣтилъ даже племя эскимосовъ болѣе цивилизованныхъ, чѣмъ мы, съ точки зрѣнія нравственности, такъ какъ они не имѣли понятія о войнѣ“.

На эти слова Брока, остающійся до сихъ поръ главнымъ руководителемъ преній парижскаго общества, заявилъ, что онъ еще въ 1859 г. высказалъ предположеніе о періодѣ исключительнаго употребленія дерева, но что онъ не согласенъ съ Лартэ относительно цивилизаціи. „Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—сказалъ онъ—эскимосы и даже собаки выше насъ, особенно съ точки зрѣнія нравственной, но слѣдовало бы опредѣлить смыслъ слова ц и в и л и з а ц і я, и я желалъ бы, чтобы

общество поставило это очереднымъ вопросомъ. Сильно населять страну, увеличивая сильно и средства пропитанія—вотъ одинъ изъ результатовъ того, что я называю цивилизаціею. Я признаю, что это общественное состояніе вызываетъ борьбу бѣднаго съ богатымъ, когда число народонаселенія относительно слишкомъ велико. Это одна изъ язвъ нашего цивилизованнаго общества. Но я думаю, что цивилизація можетъ найти въ самой себѣ средства уменьшить или устранить это несчастіе. Но недостатки и бѣдствія цивилизаціи даютъ ли право осуждать ее? Я не думаю, потому, что, если она не доставляетъ счастіе всѣмъ своимъ членамъ, то распространяетъ счастье на цѣлые милліоны".

Лартэ остался при мнѣніи, что цивилизація есть умственный и общественный прогрессъ", что наша эпоха еще оставляетъ громадное мѣсто желанію лучшаго, когда, между прочимъ, война періодически коситъ населеніе, не считая другихъ бѣдствій. „Конечно—сказалъ онъ—мы доставили себѣ много наслажденій; но не въ этомъ цѣль цивилизаціи".

Конечно, предыдущее показало, на сколько неопредѣленно употребленіе слова „цивилизація", когда для одного оратора людоѣдство составляло *успѣхъ цивилизаціи*; когда она допускалась у людей каменнаго періода, а другіе въ то же время оспаривали ее у племенъ, живущихъ семьями; одинъ считалъ эскимосовъ цивилизованнѣе современной Европы въ нѣкоторомъ отношеніи, а другой видѣлъ въ цивилизаціи только развитіе наукъ и искуствъ; третій—условія умноженія населенія и средствъ пропитанія; а четвертый—принималъ, что она существуетъ только въ государствѣ при допущеніи и поощреніи развитія всѣхъ человѣческихъ способностей. Къ сожалѣнію, собственно *преній* по этому предмету не было и только 3 оратора развили свои мысли о цивилизаціи. Ораторы эти, Летурно, Кудро и Пелларенъ, далеко не изъ самыхъ замѣчательныхъ членовъ общества и, повидимому, болѣе строгіе ученые не рѣшились разобрать вопроса, для котораго ни спеціалисты-естествоиспытатели, ни спеціалисты-археологи, ни спеціалисты-филологи не имѣютъ достаточныхъ

данныхъ. Тѣмъ не менѣе три рѣчи, при этомъ произнесенныя, если и высказали еще рѣзче разнообразіе взглядовъ на употребляемое слово, то вмѣстѣ съ тѣмъ показали обширность вопроса, связь его съ другими, и уяснили для внимательнаго читателя хотя нѣсколько причины упомянутаго разнообразія взлядовъ.

Летурно въ своей запискѣ: „Объ общественныхъ фазисахъ“ [1]) сталъ апологетомъ прогресса въ человѣчествѣ противъ Лартэ, хотя въ понятіи о цивилизаціи согласился съ нимъ, именно Летурно опредѣлялъ цивилизацію „прогрессивнымъ развитіемъ общественнаго союза“, охватилъ ею всѣ фазисы человѣческаго общественнаго развитія, но оставилъ, повидимому, въ сторонѣ вопросъ о правильности приложенія термина къ тому или другому данному общественному состоянію.

Кудро, въ своей запискѣ о цивилизаціи [2]), поставилъ вопросъ еще шире, но смыслъ слова опредѣленнѣе. Онъ прямо приступилъ къ основному затрудненію: „Здѣсь часто произносятъ слова народы цивилизованные, народы дикіе; слова эти приняты въ разговорномъ языкѣ и, подобно весьма многимъ словамъ, употребляемымъ болѣе или менѣе часто, не имѣютъ весьма точнаго и опредѣленнаго значенія. Уже во многихъ случаяхъ нѣкоторые сочлены наши протестовали противъ названія дикій, приложеннаго къ низшимъ группамъ человѣчества. Желательно, чтобы разъ навсегда условились въ истинномъ значеніи этого слова и чтобы выраженія: цивилизованный и дикій представили намъ въ будущемъ опредѣленный смыслъ... Что такое цивилизація? въ чемъ состоитъ она? существуетъ ли человѣкъ гдѣ либо въ дикомъ состояніи? существовалъ ли онъ въ немъ когда либо?» Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, Кудро расширилъ его, привлекши къ нему весь животный міръ, и напомнилъ о фактахъ, сближающихъ образъ жизни низшихъ животныхъ съ образомъ жизни человѣка. «Слово цивилизація—сказалъ онъ—должно бы обозначать состояніе, въ

[1]) „Bull. 2-meser,II, 378 и слѣд.
[2]) Тамъ же, 411 и сл.

которомъ живутъ существа, находящіяся въ общественныхъ отношеніяхъ». Онъ свелъ поэтому вопросъ о цивилизаціи на вопросъ о существованіи общественныхъ отношеній между особями, что̀ нисколько не легче рѣшить, чѣмъ и задачу о цивилизаціи. Затѣмъ онъ выразилъ мнѣніе, что слѣдуетъ относить начало цивилизаціи къ эпохѣ, «когда въ животномъ пробуждается размышленіе и животное отдаетъ себѣ отчетъ въ совершившемся прогрессѣ, и въ томъ, который можетъ еще для него имѣть мѣсто».

Пелларенъ сталъ на совершенно противоположную точку зрѣнія [1]). Онъ не только захотѣлъ придать слову цивилизація опредѣленное значеніе, не только отнялъ у него всякое отношеніе къ человѣческому прогрессу, но даже свелъ его, вслѣдъ за Ш. Фурье, на одну изъ преходящихъ ступеней человѣческой исторіи.

„Изъ тѣхъ, кто ограничиваетъ вопросъ (о цивилизаціи) человѣчествомъ (не привлекая къ нему, подобно Кудро, низшихъ животныхъ), многіе, какъ напр. Гизо, употребляли слово цивилизація, какъ обозначеніе самаго совершеннаго типа общественной организаціи, „наилучшей организаціи общественныхъ отношеній“. Таковы слова Гизо въ его „Исторіи европейской цивилизаціи“. Но это опредѣленіе предрѣшаетъ вопросъ... Оно стѣсняетъ изслѣдованіе общественной организаціи предѣлами частной формы и кругомъ распредѣленій, существующихъ около насъ подъ именемъ цивилизаціи. Это значитъ ставить преграду прогрессу человѣческой общественности; но эта преграда столь же мало, какъ и всякая другая, остановитъ движеніе человѣчества къ лучшимъ и высшимъ судьбамъ, къ такой ступени благополучія и свободы, которая, по моему мнѣнію, невозможна въ общественной формѣ, сравнительно несовершенной, представляемой цивилизованнымъ состояніемъ“.

Собственно, полученные результаты были не особенно важны, и нельзя сказать, чтобы который либо изъ орато-

---

[1]) Тамъ же, 443 и слѣд.

ровъ исчерпалъ вопросъ надлежащимъ образомъ; тѣмъ менѣе можно сказать, чтобы ученое общество пришло къ какимъ-нибудь положительнымъ результатамъ. Но изъ различныхъ точекъ зрѣнія, здѣсь выставленныхъ, становилось очевидно, что вопросъ о человѣческой культурѣ или человѣческой цивилизаціи имѣетъ весьма различныя стороны; что для его полной оцѣнки надо имѣть въ виду и нравы общественныхъ животныхъ, и различныя ступени развитія человѣческихъ обществъ, и то странное явленіе, что нѣкоторыя человѣческія расы скорѣе гибнутъ, чѣмъ принимаютъ строй настоящей европейской жизни, и то соображеніе, что въ современной европейской цивилизаціи мы имѣемъ строй еще далекій отъ идеала человѣческаго общества, наконецъ тотъ фактъ, что въ цивилизаціи есть элементъ общій съ обществами животныхъ и низшихъ расъ, элементъ, не заключающій въ себѣ по необходимости понятія о прогрессѣ, а затѣмъ, что и тѣ мыслители, для которыхъ понятіе о цивилизаціи нераздѣльно съ идеею прогресса, имѣютъ основаніе для своихъ положеній, то-есть что понятіе о цивилизаціи заключаетъ элементъ прогресса. Мы постараемся разобрать этотъ вопросъ какъ на основаніи аргументовъ, представленныхъ въ упомянутыхъ преніяхъ, такъ и еще другихъ матеріаловъ послѣдняго времени. Такъ, относительно обществъ животныхъ можно найти прекрасный матеріалъ въ психологическихъ лекціяхъ Вундта [1]). Относительно сближенія быта современныхъ дикихъ племенъ съ первобытнымъ человѣкомъ немало данныхъ встрѣчается у Лэббока [2]) и у Тэйлора [3]), который указалъ также любопытные слѣды міросозерцанія дикихъ въ обществахъ высшей цивилизаціи. Для современ-

[1]) W. Wundt: «Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele» (1863) II. Есть русскій переводъ подъ названіемъ „Душа человѣка и животныхъ“.

[2]) J. Lubbock: „Pre-historic Times“ (1865).

[3]) Главное сочиненіе Тэйлора „Researches into the early history of mankind“ etc. (1865) недавно появилось въ переводѣ подъ названіемъ: „Доисторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаціи“, но мы будемъ преимущественно пользоваться его журнальными статьями.

наго состоянія низшихъ расъ важна и статья Шафгаузена [1]), помѣщенная въ нѣмецкомъ „Архивѣ“. Относительно дѣйствія европейцевъ и въ особенности миссіонеровъ на дикихъ, весьма интересны пренія въ лондонскомъ антропологическомъ обществѣ 1865 г. [2]). Мы постараемся извлечь изъ всего этого матеріала возможно ясный результатъ.

5. Происхожденіе общественной связи у животныхъ.

Кажется, всего удобнѣе начать съ самой низшей точки, представляющейся для сравненія человѣческой цивилизаціи, то-есть со строя жизни животныхъ, и потому намъ прежде всего приходится обратиться къ разсужденіямъ Кудро.

Изъ предыдущихъ указаній уже можно было замѣтить, что онъ выказалъ въ развитіи своей мысли нѣкоторую непослѣдовательность. Дѣйствительно, онъ то отрицалъ всякое участіе понятія о прогрессѣ въ понятіи о цивилизаціи, то приходилъ къ результату, что въ цивилизаціи заключается понятіе дѣятельности, слѣдовательно элементъ прогресса. Надо отдать ему справедливость, что здѣсь онъ пожертвовалъ логикою неясному сознанію сложности разсматриваемаго имъ процесса.

Онъ сначала обратился [3]) къ этимологіи и сказалъ, что на основаніи ея, слова, связанныя съ выраженіемъ цивилизація, обозначаютъ скопленіе, общественность, вообще, что «съ точки зрѣнія этимологіи, ассоціація и цивилизація—два нераздѣльные термина». Слово «дикій» (sauvage отъ silva—лѣсъ) обозначаетъ жителя лѣсовъ, живущаго одиноко безъ общественныхъ отношеній. Далѣе [4]), какъ было уже указано,

---

[1]) H. Schaaffhausen: „Ueb. d. Zustand der wilden Völker“ въ „Archiv v. Anthr.“ I. (1860) 161 и слѣд.

[2]) „Anthr. Rew.“ III. „Journ. of the A. S.“ CLXIII и сл., CLXXVI и слѣд., CCXVI и сл., CCXLVIII и сл., CCXC и сл.,

[3]) Bulletins de 2-me ser. II, 414.

[4]) Стр. 426.

онъ прямо говоритъ: «Слово цивилизація должно бы обозначать состояніе, въ которомъ живутъ существа, находящіяся въ общественныхъ отношеніяхъ».

Цитируя приведенныя выше опредѣленія Гизо, онъ полемизируетъ противъ нихъ, указывая, что трудно приложить эти опредѣленія къ конкретнымъ обществамъ, и потомъ найти разграничивающую черту, за которою этотъ терминъ уже неприложимъ. «Будемъ ли мы считать цивилизованными всѣ европейскія народности? Вѣроятно, хотя бы по сосѣдскимъ отношеніямъ... Перейдемъ въ Африку. Скажемъ ли мы, что обитатели Дагомея цивилизованы? Пожалуй, нѣтъ». При этомъ онъ указываетъ, что, съ одной стороны, допуская цивилизацію въ Дагомеѣ, мы нигдѣ не можемъ остановиться; съ другой, что и въ Европѣ часть населенія, по умственному и нравственному развитію, стоитъ не выше жителей Дагомеи. «Общественная форма для нихъ — говоритъ Кудро — повидимому та же, что для личностей развитыхъ, но первые ей только подчиняются, и я не думаю, чтобы это давало право на высшее мѣсто» [1]).

На этомъ основаніи онъ предлагаетъ отказаться вовсе отъ научнаго употребленія слова цивилизація, такъ какъ нѣтъ иной границы между различными строями человѣческихъ обществъ и даже между человѣческимъ обществомъ и обществомъ животныхъ. «Въ отношеніи цивилизаціи, какъ въ отношеніи ума, всякая разграничивающая черта, которую бы пробовали провести между человѣкомъ и животнымъ, была бы —говоритъ Кудро—совершенно произвольна. Человѣкъ есть лишь наиболѣе способное животное, наиболѣе склонное къ развитію цивилизаціи, хотя не всегда самое цивилизованное» [2])... Всюду, гдѣ есть общество, тамъ есть и цивилизація. Муравьи, бобры, обезьяны, французы живутъ въ обществѣ: они цивилизованы [3])... Спускаясь по зоологической лѣстницѣ отъ человѣка, мы встрѣчаемъ

[1]) Стр. 425—426.
[2]) Стр. 424.
[3]) Стр. 424.

обезьяну, т.-е., по мнѣнію приверженцевъ теоріи преобразованія видовъ, то существо, которое въ весьма дальнюю геологическую эпоху произошло изъ одного корня съ человѣкомъ и было равно ему. Но обезьяны живутъ обществами. Ихъ племена имѣютъ начальниковъ, которые весьма рѣшительно заставляютъ признавать свой авторитетъ. Онѣ имѣютъ соціальную организацію, особенную тактику для грабежа или войны. Американскія обезьяны-ревуны собираются въ большія общества, гдѣ ораторы произносятъ рѣчи... Племена обезьянъ обладаютъ настоящей цивилизаціей, которая, по солидарности членовъ общества, вовсе не уступаетъ нѣкоторымъ низшимъ группамъ человѣчества».

По мнѣнію Кудро, всѣ важныя учрежденія человѣческихъ обществъ встрѣчаются въ обществахъ низшихъ животныхъ въ зародышевомъ состояніи. Оно иначе и быть не можетъ, такъ какъ эти учрежденія вызываются потребностями, потребности же не составляютъ исключительной принадлежности человѣка. Мы встрѣчаемъ потребности на всѣхъ ступеняхъ зоологической лѣстницы; онѣ опредѣляются органическимъ строеніемъ существъ, окружающею средою, и въ свою очередь, опредѣляютъ инстинктъ, привычки и учрежденія, назначенныя для ихъ удовлетворенія. «Потребность— вотъ истинный, единственный двигатель, влекущій къ прогрессу. Она есть истинный, единственный создатель наукъ, искусствъ, промышленности».

Кудро старался показать, что общественность и семья не составляютъ врожденныхъ началъ въ какой-либо породѣ животныхъ, но развиваются подъ вліяніемъ потребностей.

Есть ли общежительность врожденный инстинктъ, вызванный органическою потребностью животнаго? спрашиваетъ онъ, и склоняется къ мысли, что это — качество, выработанное накопленіемъ опытовъ длиннаго ряда поколѣній, — опытовъ, хотя и безсознательныхъ, но дѣйствительно повторенныхъ и неизбѣжно пришедшихъ къ опредѣленному результату.

Предположимъ, что извѣстная порода животныхъ живущая охотой обитаетъ на мѣстности, гдѣ много дичи. Каждая

особь безъ труда находитъ себѣ пищу и пріютъ. Если только она не боится сдѣлаться жертвою сильнѣйшаго, то и не почувствуетъ потребности улучшить способы защиты или нападенія. Общество ей не нужно и инстинктъ общежительности никогда не разовьется при подобныхъ условіяхъ. Животныя будутъ сближаться для совокупленія и для ухода за дѣтенышами; но едва эти послѣднія подростутъ и будутъ способны къ самостоятельной жизни, они разбредутся сами или мать прогонитъ ихъ.

Но дичь постоянно подвергается опасностямъ, и потребность избѣжать опасности заставляетъ ее непремѣнно совершенствоваться или въ быстротѣ полета и бѣга, или въ изобрѣтеніи новыхъ хитростей и уловокъ. Теорія Дарвина въ этомъ случаѣ несомнѣнно справедлива; усовершенствованія перейдутъ отъ поколѣнія въ поколѣніе, путемъ естественнаго подбора; такъ какъ болѣе слабыя падутъ жертвою охотниковъ, а болѣе сильныя будутъ совершенствоваться и размножаться.

Но, по мѣрѣ истребленія дичи и возрастанія ея хитрости, охотникъ тоже долженъ совершенствоваться въ искусствѣ нападенія, и только тѣ, которые поборютъ всѣ трудности жизни, будутъ жить и размножаться.

Тогда, подъ опасеніемъ совершеннаго уничтоженія, дичь должна пойти далѣе по пути прогресса и вотъ она собирается въ общества, чтобы силою или хитростью отразить опасность. Подобныя обстоятельства побудили зайцевъ и оленей придти къ ассоціаціи для смѣны одного другимъ при бѣгствѣ отъ преслѣдователей. Птицы представляютъ намъ замѣчательные примѣры ассоціацій для защиты. Вотъ что говоритъ объ этомъ Туссенель въ своей „Орнитологіи по страстямъ“ (Ornithologie passionelle, 260): „Можно ежедневно встрѣтить пары draines, готовыхъ на бой, которыя не только не уступаютъ союзамъ соекъ и сорокъ, многочисленныхъ и дерзкихъ, но сами нападаютъ на нихъ, разбиваютъ, обращаютъ въ бѣгство и отнимаютъ на нѣкоторое время у этихъ разбойниковъ всякую охоту къ хищничеству. Но мятежники имѣютъ особенно блестящій успѣхъ, когда искусные вожаки,

соединивъ всѣхъ draines, находящихся въ окрестностяхъ, въ одно общество взаимнаго страхованія, побудятъ ихъ подписать трактатъ оборонительнаго и наступательнаго союза. Первый результатъ подобнаго трактата есть организація особенной наблюдательной стражи, члены которой должны, при первомъ появленіи врага, объявлять о томъ остальнымъ, треща безъ милости и вообще производя какъ можно больше шуму. При этомъ сигналѣ вся республика вооружается, кидается разомъ на врага; пораженный этой неожиданностью, онъ обращается въ бѣгство, и уже болѣе не возвращается. Я видалъ настоящихъ хищныхъ птицъ, съ крючковатыми челюстями и цѣпкими когтями, которыя должны были покинуть свои наслѣдственныя владѣнія, вслѣдствіе непріятностей, причиняемыхъ имъ этой строгой полиціей, и должны были откровенно сознаться, какъ плохо приходится сильнымъ, когда слабыя вступаютъ въ союзъ".

Описывая одинокую жизнь оленя, за исключеніемъ времени течки и кормленія, Леруа, [1]) говоритъ: „Можно бы отсюда заключить, что животныя соединяются въ общества только для взаимной помощи". Но едва-ли и между людьми это иначе.

Въ то время, какъ слабыя соединяются для отпора нападенія, охотники тоже составляютъ ассоціацію для добыванія пищи; какъ олени смѣняютъ другъ друга при бѣгствѣ, такъ волки при преслѣдованіи. Ассоціація не всегда имѣетъ въ виду только добычу пищи; она часто направляется и на сторожа, оберегающаго добычу. Вотъ фактъ, почерпнутый у Туссенеля (382), — фактъ, доказывающій послѣдовательное размышленіе и въ которомъ Кудро видитъ признаки дѣйствительной цивилизаціи: „Я видалъ,—говоритъ Туссенель,— какъ три или четыре волка соединялись, чтобы умертвить собаку пастуха, бдительный надзоръ которой мѣшалъ имъ; разорвавъ ее на клочки, они разбрасывали ея члены, голову и внутренности по всѣмъ наиболѣе посѣщаемымъ перекрест-

[1]) Leroy: „Lettres sur les animaux".

камъ, какъ бы для примѣра другимъ. Очевидно, что не голодъ, а жажда мести побуждала ихъ къ убійству, такъ какъ они оставляли въ цѣлости всѣ части тѣла собаки".

Конечно, не вдругъ достигаютъ такихъ успѣховъ; ихъ не ищутъ и не желаютъ; они происходятъ отъ необходимости, путемъ естественнаго подбора, при вымираніи слабыхъ особей. Потребность, необходимость, истребленіе — вотъ истинные двигатели всякаго умственнаго и физическаго прогресса, истинные творцы инстинктовъ и потребностей.

Слѣдуетъ замѣтить, что вездѣ, гдѣ какая-нибудь порода стремится удовлетворить своимъ потребностямъ, первые попытки, дѣлаемыя ею, всегда внушены самымъ узкимъ эгоизмомъ. Прежде всѣхъ другихъ средствъ, всегда употребляется грубая сила или низкая хитрость. Прежде чѣмъ настоящій опытъ и размышленіе явились дѣятелями прогресса, породы должны были уже значительно улучшиться подъ грубымъ вліяніемъ естественныхъ побужденій.

Когда въ мѣстностяхъ, населенныхъ животными, живущими охотою, дичь становится рѣже, то многія особи преслѣдуютъ одну и ту же добычу. Побуждаемыя одинаковымъ инстинктомъ и одинаковой силой привычки, онѣ соединяются для преслѣдованія, и каждый изъ охотниковъ дѣйствуетъ только для себя. Но вотъ цѣль достигнута; всякій хочетъ получить вознагражденіе за свой трудъ, и на трупѣ жертвы начинается война.

Въ совершенно дикомъ состояніи возможна только война между отдѣльными особями. Но ненависть или месть за прежнее пораженіе можетъ побудить двухъ или нѣсколькихъ особей соединиться для борьбы противъ сильнѣйшаго врага; можетъ быть, еще чаще слабыя помогаютъ сильному и добровольно признаютъ его своимъ вождемъ. Только испытавъ много разъ пользу союзовъ, временныхъ ассоціацій, особи должны были основать ассоціаціи прочныя, подъ двойнымъ вліяніемъ: накопившагося опыта и органическихъ измѣненій, произведенныхъ привычкой. Послѣ длиннаго ряда поколѣній

могли родиться существа, одаренныя инстинктомъ общежительности, котораго вовсе не было у ихъ предковъ.

Но въ одной и той же породѣ не всѣ особи имѣютъ одинаковыя способности. Смотря по различію способностей и по вліянію окружающей среды, иногда образуется нѣсколько, совершенно различныхъ, расъ: иныя чисто воинственныя, другія болѣе или менѣе миролюбивыя. Въ каждой расѣ все опредѣленнѣе обозначаются инстинкты, развиваясь, какъ вслѣдствіе привычки, такъ и путемъ естественнаго подбора, и потому являются, какъ, напримѣръ, у муравьевъ, цѣлые виды, живущіе исключительно войной. По отвращеніи или неспособности иъ труду, они предпочитаютъ время отъ времени грабить своихъ сосѣдей и обращать побѣжденныхъ въ рабство.

„Такимъ образомъ—говоритъ Кудро—происходитъ множество соціальныхъ формъ или различныхъ цивилизацій, которыя всѣ не что иное, какъ слѣдствія послѣдовательнаго проявленія необходимыхъ условій“.

Даже самое невольничество сдѣлалось необходимымъ для рыжаго муравья (polyèrgen roussatre), который способенъ только къ войнѣ, и даже, при изобиліи припасовъ, можетъ умереть съ голоду, если его не накормятъ невольники. Причины происхожденія первыхъ прочныхъ союзовъ среди животныхъ должны былп быть весьма разнообразны, и притомъ для каждой группы опредѣляющимъ поводомъ союза должны были быть мѣстныя неудобства.

Однимъ словомъ, необходимость, одна необходимость создаетъ ассоціаціи и, смотря по обстоятельствамъ, обусловливаетъ первоначальную ихъ форму. Изъ того же источника вытекаютъ улучшенія, распространеніе ассоціацій и, наконецъ, искусства, науки, промышленность.

Леруа въ своихъ „Письмахъ о животныхъ“ (Lettres sur les animaux, 46) описываетъ слѣдующимъ образомъ соціальные успѣхи животныхъ, подъ двойнымъ вліяніемъ необходимости и стремленія къ благосостоянію: „Часто—говоритъ онъ—принимаютъ въ нихъ за естественный инстинктъ

то, что въ сущности есть не что иное, какъ развитіе себялюбія, необходимаго слѣдствія способности о щ у щ а т ь. Всякое чувствующее существо испытываетъ удовольствіе и страданіе; оно желаетъ одного и стремится избавиться отъ другаго. Ощущенія приносятъ ему сознаніе его существованія въ настоящемъ, память — въ прошедшемъ; особенность испытываемаго или припоминаемаго имъ аффекта заставляетъ его страдать или наслаждаться, порождаетъ въ немъ желанія или опасенія, и такимъ образомъ опредѣляетъ его дѣйствія. Инстинктъ же совершенно зависитъ отъ организаціи: такъ, олень щиплетъ траву, а лисица питается мясомъ по инстинкту. Но средства, употребляемыя животными для удовлетворенія ихъ природныхъ стремленій, внушаются животнымъ только способностью ощущать и ея слѣдствіями. Инстинктъ опредѣляетъ желаемый предметъ; желаніе возбуждаетъ вниманіе; вниманіе заставляетъ примѣчать обстоятельства дѣла и запечатлѣвать факты въ памяти; изъ фактовъ, удерживаемыхъ въ памяти, образуется опытность; опытность указываетъ средства. Если эти средства сколько нибудь удаются, они образуютъ знаніе; если нѣтъ, то неудачи возбуждаютъ размышленіе, комбинацію новыхъ фактовъ и придумываніе новыхъ средствъ".

Человѣкъ поступаетъ точно такъ же.

Подобныя же разсужденія Кудро прилагаетъ и въ частномъ случаѣ, къ семейной связи.

Семья составляетъ, безспорно, весьма естественную группу. Не слѣдуетъ заключить изъ этого, что она есть основаніе всякаго общества, какъ дѣлаютъ многіе, приступая къ изслѣдованію этого предмета съ предвзятой теоріей и опираясь на примѣры, заимствованные изъ развитія человѣчества. Кудро находитъ это мнѣніе несостоятельнымъ. Семья такъ же, какъ и общежительность, по его мнѣнію, не истекаетъ изъ врожденнаго животнаго инстинкта. Въ различныхъ животныхъ породахъ мы видимъ различныя ступени и различныя формы семейной связи. Въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ нѣтъ и признака семьи.

У рыбъ оплодотвореніе совершается послѣ метанія икры, половое совокупленіе не имѣетъ мѣста и яйца предоставляются на произволъ случая. У многихъ насѣкомыхъ происходитъ простое совокупленіе, но яйца оставляются маткой. Теплота солнца развиваетъ ихъ, и рождающіяся существа сами заботятся о своемъ пропитаніи. У другихъ (напримѣръ у муравьевъ и пчелъ) мы находимъ прекрасно организованныя общества, цивилизацію и обычаи, которые могли бы, по мнѣнію Кудро, „въ иныхъ случаяхъ служить примѣромъ человѣку“. Здѣсь мы встрѣчаемъ многомужіе при одной самкѣ. До эпохи совокупленія самцы содержатся на счетъ государства, но тотчасъ по оплодотвореніи ихъ умерщвляютъ, въ видахъ экономіи. Уходъ за личинками предоставляется безполымъ; мать о нихъ нисколько не заботится. Когда новое поколѣніе развовьется въ совершенныхъ насѣкомыхъ, мать ревнуетъ свою единородную дочь, у домашняго очага начинается распря и, наконецъ, мать вытѣсняетъ своихъ дѣтей изъ жилища. „Итакъ—говоритъ Кудро—вотъ совершенно цивилизованное общество, гдѣ семейную связь, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, можно разсматривать, какъ несуществующую“.

У птицъ и млекопитающихъ союзъ самца и самки постояненъ въ нѣкоторыхъ видахъ, но большею частью этотъ союзъ временной. Почти всегда самка одна заботится о дѣтенышахъ до эпохи, когда они сами въ состояніи удовлетворять своимъ потребностямъ; тогда она оставляетъ ихъ, и семья разрушается. Лишь у обезьянъ семья, повидимому, дѣлается постояннымъ союзомъ, но нельзя сказать утвердительно, чтобы семья тамъ была основою племеннаго союза.

Въ отношеніи семейныхъ чувствъ между животными, Кудро указываетъ, по Туссенелю, на фактъ, что маленькія лисицы иногда убиваютъ и съѣдаютъ свою мать, если она не довольно искусна на охотѣ и доставляетъ имъ мало пищи. Съ другой стороны, синица иногда убиваетъ своихъ дѣтенышей, чтобы полакомиться ихъ мозгомъ, и это дѣлается не изъ голода, а изъ гастрономической прихоти.

Кудро считаетъ дозволительнымъ заключить изъ предъ-

идущаго, что семейная связь, во всѣхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, была вызвана необходимостью, какъ и всѣ остальныя общественныя формы, и что спеціальная форма ея проявленія обусловливается въ каждомъ случаѣ тѣми необходимыми условіями, которыя ее вызываютъ. „Какъ и всякая другая общественная форма говоритъ Кудро—семья составляетъ одинъ изъ элементовъ цивилизаціи, но это не болѣе, какъ частность, нисколько не необходимая для существованія цивилизаціи“.

6. Культура животныхъ.

Такъ какъ Вундтъ несравненно полнѣе и обстоятельнѣе развилъ тѣ данныя, которыя наука имѣетъ уже относительно общественности животныхъ и ихъ семейной жизни, то, для сравненія, предлагаемъ читателю нѣкоторыя мѣста изъ главы, сюда относящейся [1]):

„Если человѣкъ воплощаетъ свое нравственное сознаніе въ форму семьи и общины—говоритъ Вундтъ—форму, которою онъ стремится дополнить свое существованіе, то и у значительнаго числа животныхъ мы находимъ семейную и даже государственную жизнь. Слѣдовательно, многія животныя не лишены именно тѣхъ обычныхъ формъ (Sitten), которыя всегда тѣсно связаны съ нравственнымъ сознаніемъ. Если одинаковыя явленія всегда происходятъ отъ одинаковыхъ причинъ, то должно заключить, что животныя не лишены нравственнаго развитія...

„Общественное сожительство встрѣчается уже на низшихъ ступеняхъ животной жизни. Многіе Quallen, молюски, насѣкомыя, рыбы живутъ временно или постоянно стаями. Животное узнаетъ и ищетъ себѣ подобныхъ. Но здѣсь знаютъ одна другую не особи, а только породы (Arten). Лишь на высшей ступени развитія сближаются отдѣльныя существа и между

[1]) W. Wundt: «Vorlesungen über die Menschen und Thierseele» II, (1863), 42-я лекція, стр. 186 и слѣд.

опредѣленными особями пробуждается чувство связи: тогда животныя соединяются въ семьи и государства.

„У большей части безпозвоночныхъ нѣтъ слѣда семейной жизни, точно такъ же, какъ и въ двухъ низшихъ классахъ позвоночныхъ: у пресмыкающихся и у рыбъ. Сближеніе половъ происходитъ только во время совокупленія и безъ выбора особей. Даже въ государствахъ насѣкомыхъ нельзя говорить о связи собственно семейной, потому что эти государства хотя и суть не что иное, какъ распространенныя семьи, но господствуетъ въ нихъ законъ государственнаго строя.

„Между птицами и млекопитающими семейная жизнь составляетъ почти общее правило. Если наши домашнія животныя составляютъ въ этомъ отношеніи поразительное исключеніе, то оно, вѣроятно, происходитъ отъ приученія. Животное, вступая въ тѣсную связь съ человѣкомъ, теряетъ связь съ существомъ себѣ подобнымъ. Часто это происходитъ только до тѣхъ поръ, пока животныя изолированы. Кобель и сука, находящіеся на одномъ дворѣ, часто живутъ въ супружествѣ; самецъ ревниво охраняетъ самку, а иногда она и по собственному побужденію остается ему вѣрна.

„Гораздо сильнѣе сказывается потребность семьи и вообще чувство общежитія у звѣрей въ естественномъ состояніи. Большая часть ихъ живетъ въ одноженствѣ; обыкновенно сожительство самца и самки не ограничивается эпохою совокупленія, вывода дѣтей и ухода за ними; самецъ и самка защищаютъ другъ друга и помогаютъ другъ другу, и бракъ разрушается лишь смертью. Лишь у немногихъ животныхъ существуетъ многоженство, а примѣры сожительства самки со многими самцами чрезвычайно рѣдки въ животномъ царствѣ.

„Изъ описаній, сдѣланныхъ достовѣрными наблюдателями, извѣстно, что у многихъ птицъ бракъ есть вполнѣ дѣло свободнаго выбора. Не всегда совокупляются самецъ и самка, запертыя въ одной клѣткѣ. Мы встрѣчаемъ здѣсь довольно непонятныя для насъ отвращенія или предпочтенія... У болѣе дикихъ звѣрей это заискиваніе не проходитъ мирно, но влечетъ за собою, большею частью, кровавую борьбу между

самцами. Особенно жестоко бываетъ соперничество самцевъ, живущихъ въ многоженствѣ, потому что тамъ уже о свободномъ выборѣ со стороны самки нѣтъ и рѣчи.

„Всѣ птицы, вьющія гнѣзда въ нашихъ странахъ, какъ-то: сороки, журавли, ласточки, воробьи, голуби и пр., живутъ въ одноженствѣ. Гнѣздо большею частью — мѣстопребываніе семьи; самецъ и самка общими силами устраиваютъ гнѣздо и заботятся вмѣстѣ о яйцахъ и птенцахъ; только у ласточекъ существуютъ отдѣльно гнѣзда для самца и самки. Кромѣ нашего пѣтуха, многоженство встрѣчается у страуса и казуара; они всѣ—экзотическія животныя, такъ-какъ и нашъ пѣтухъ восточнаго происхожденія. Это даетъ поводъ думать, что схожія естественныя условія порождаютъ схожіе обычаи, какъ у людей, такъ и у животныхъ.

„Супружескія отношенія животныхъ, при одноженствѣ и при многоженствѣ, совершенно различны. Пѣтухъ чрезвычайно заботится о своихъ курицахъ; онъ отыскиваетъ для нихъ пищу; онѣ послушны его призыву; онъ ихъ полновластный повелитель. Но курица ничего сама не дѣлаетъ для пѣтуха; она только повинуется ему, она къ нему, повидимому, совершенно равнодушна и держитъ себя чисто пассивно. Только съ вылупленіемъ цыплятъ начинаются ея семейныя обязанности. Съ самоотверженіемъ бережетъ она своихъ цыплятъ, кормитъ и охраняетъ ихъ; между тѣмъ, какъ пѣтухъ вовсе не заботится о нихъ. При одноженствѣ супружескія отношенія совершенно другія. Голубь и голубка дѣлаютъ все сообща: попеременно высиживаютъ птенцовъ, вмѣстѣ заботятся о ихъ прокормленіи. Привязанность ихъ взаимная. Они всего охотнѣе сидятъ другъ подлѣ друга и безпрестанно клюются. Часто одинъ изъ сожителей не переживаетъ смерти другаго. Подобныя же отношенія встрѣчаемъ у большинства другихъ птицъ, живущихъ въ одноженствѣ.

„У млекопитающихъ отношенія супруговъ обыкновенно менѣе тѣсны. Они живутъ независимѣе; рѣдко сами себѣ устраиваютъ постоянныя жилища, и потому менѣе связаны другъ съ другомъ. Къ тому же, у этихъ животныхъ половая по-

хоть сильнѣе и потому легко переступаетъ стѣснительныя правила брака. Уходъ за дѣтенышами у млекопитающихъ обыкновенно предоставляется почти исключительно самкѣ, что обусловливается уже самымъ кормленіемъ. Но у многихъ породъ мы находимъ самую тѣсную супружескую связь. Такъ киты всегда живутъ попарно. Волкъ и волчица, левъ и львица вѣрно стоятъ другъ за друга. Слонъ добровольно слѣдуетъ за своей самкой въ неволю. Между лисицами, пользующимся такою дурною репутаціей въ отношеніи честности, самецъ остается вѣренъ своей самкѣ и раздѣляетъ съ ней попеченія о дѣтенышахъ и доставку имъ пищи. Вмѣстѣ съ семьей возникаетъ и потребность устройства жилища. Такъ лисица устраиваетъ себѣ логовища и волкъ отыскиваетъ себѣ тайный притонъ.

„Обычай супружества вовсе не зависитъ отъ умственнаго развитія животнаго. Между птицами и млекопитающими, тѣ, у которыхъ тѣснѣе другихъ семейный союзъ, большею частью вовсе не самыя развитыя. Голубь по умственнымъ способностямъ стоитъ ниже ворона, волкъ—ниже собаки. Вѣрность проистекаетъ изъ чувства, слѣдовательно, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ разсудительностью; хотя, съ другой стороны, безспорно, что лишь для животныхъ съ высшими способностями доступны отношенія личной склонности.

«Любовь къ дѣтямъ главнымъ образомъ обусловливаетъ прочность брака животныхъ и выступаетъ тѣмъ опредѣленнѣе, чѣмъ старательнѣе и продолжительнѣе должны быть заботы о дѣтенышахъ. Кромѣ того потребность взаимной помощи и защиты связываетъ самца и самку и послѣ періода ухода за дѣтьми. Это въ особенности оправдывается у всѣхъ животныхъ, вьющихъ гнѣзда, устроивающихъ себѣ норы или живущихъ въ пещерахъ. На столько супружество животныхъ зависитъ существенно отъ условій ихъ физическаго устройства; но выводить исключительно всѣ явленія изъ этихъ условій было бы, конечно, неумѣстно. Въ сущности супружескій союзъ между людьми имѣетъ то же основаніе. Взаимная потребность защиты и безпомощность дѣтей и здѣсь

обращаетъ супружество почти въ физическую необходимость. Тѣмъ не менѣе побуждающая причина здѣсь чисто психическая. Выборъ для брака обусловливается у животнаго, какъ у человѣка, не только случайною встрѣчею, но и склонностью личности. Явленія, въ которыхъ проявляется эта склонность, повсюду одинаковы, и не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что дѣлаетъ супружество физически необходимымъ. Если удовлетвореніе психическаго влеченія здѣсь тѣсно связано съ физическою необходимостью, то это не болѣе, какъ совпаденіе, подобное совпаденіямъ, встрѣчающимся сотни разъ.

„Мы привели примѣры въ доказательство тому, что супружество животныхъ всегда опирается на свободный выборъ, который бываетъ или взаимный, или только съ одной стороны. Любовь къ дѣтямъ представляетъ явленіе иного рода. Вообще мы встрѣчаемъ ее только въ самкѣ. Если находимъ ее и у самца, то она переходитъ на него отъ самки.

„И такъ, между связями, вызванными принудительностью природы, и связями, происшедшими отъ свободнаго выбора, существуетъ рѣзкое различіе. Первыя совершаются какъ бы по слѣпой необходимости, хотя и онѣ окончательно восходятъ къ психическому побужденію. Иное видимъ мы въ свободныхъ союзахъ: здѣсь чувство склонности на первомъ планѣ и составляетъ дѣйствующую причину.

„Весьма характеристическое явленіе въ отношеніи свободнаго выбора по склонности представляетъ дружба животныхъ. Собаки проявляютъ весьма опредѣленныя взаимныя склонности и антипатіи. Такъ же дружатся между собою и кобылы, стоящія въ одной конюшнѣ. Но въ особенности замѣчательна подобная дружба между животными совершенно различныхъ видовъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дружба оказывается исключительно личною: собака узнаетъ тотчасъ своего товарища изъ тысячи ему подобныхъ, и если она привязалась къ кошкѣ или гусю, то всѣхъ прочихъ кошекъ и гусей преслѣдуетъ столь же враждебно, какъ и прежде.

„Хотя супружество животныхъ большею частью происходитъ на основаніи свободнаго выбора, подтверждающагося и другими выраженіями чувства животнаго, тѣмъ не менѣе впродолженіе супружества замѣчаются и явленія, доказывающія, что и въ супружествѣ животныхъ не существуетъ той неизмѣнной принудительности, которую часто считаютъ нужнымъ допустить. И у нихъ существуютъ различныя степени вѣрности. Одна голубка умираетъ съ тоски послѣ смерти своего мужа, другая утѣшается и выбираетъ себѣ новаго. Между птицами встрѣчается даже прелюбодѣяніе и, повидимому, онѣ смотрятъ на него, какъ на важный проступокъ [1]).

„И такъ, мы встрѣчаемъ у животныхъ не только сближенія съ цѣлью половаго совокупленія, но и нѣкоторое нравственное чувство, скрѣпляющее ихъ союзъ. Стремленіе къ половому совокупленію можетъ легко удовлетворяться помимо супружества, и объяснять супружество лишь этимъ стремленіемъ немыслимо. Къ половому влеченію присоединяется личная склонность и даетъ ему личное направленіе. У животнаго, живущаго въ супружествѣ, влеченіе ограничивается товарищемъ его супружества. Но кромѣ половаго сближенія, супружество животныхъ имѣетъ и другія цѣли. Вся жизнь супруговъ становится общею. Взаимная защита, взаимная помощь, дополненіе одного другимъ пріобрѣтаютъ у высшихъ животныхъ все болѣе и болѣе значенія. Заботы о дѣтяхъ становятся общими. Конечно, связь между родителями и дѣтьми порывается, когда послѣднія становятся самостоятельными; но вѣдь и между дикими народами Южной Америки и Новой Голландіи происходитъ то же самое.

„И такъ, мы видимъ, что супружество у животныхъ есть первообразъ человѣческаго брака. Оно представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ относительно человѣческаго брака предшествующую ступень. Въ немъ встрѣчаемъ, хотя бы въ зародышѣ, тѣ нравственныя цѣли, которыя у человѣка выступаютъ все болѣе и болѣе впередъ“.

---

[1]) Замѣчательный примѣръ приведенъ ниже, въ гл. 16.

Вундтъ возводитъ человѣческія государства къ двумъ разнымъ началамъ: къ семейству и къ союзу съ опредѣленною цѣлью; онъ находитъ то же самое и у животныхъ.

„Если чувство связи, сближающее въ супружество отдѣльныя особи, распространяется на большее число животныхъ, тогда возникаетъ государство животныхъ... Всякое сожительство большаго числа животныхъ полагаетъ начала ихъ государству, а склонность соединяться въ стаи или стада, встрѣчается у большей части птицъ и млекопитающихъ. Многія животныя соединяются только для особенныхъ цѣлей, напримѣръ, для хищническаго набѣга или для добыванія пищи, но и тогда общество часто собирается изъ опредѣленнаго круга особей, которыя знаютъ другъ друга и обращаются со всякимъ постороннимъ, какъ съ чужимъ. Перелетныя птицы соединяются только для перелета, предпринимаютъ путешествія большими стаями и немедленно, по достиженіи цѣли, разлетаются въ разныя стороны для того, чтобы на будущую осень снова соединиться. Въ остальное время нѣкоторая связь между ними ограничивается тѣмъ, что особи одной стаи поселяются недалеко другъ отъ друга.

„Такимъ образомъ у большей части этихъ животныхъ мы видимъ, кромѣ семейной жизни, занимающей главное мѣсто, еще нѣкотораго рода государственную организацію. Конечно, эта организація весьма первобытная. Она часто ограничивается одною какою-либо цѣлью и, по достиженіи ея, государство распадается.

„Животныя, устроивающія общественныя постройки или логовища, назначенныя не для одной только семьи, но для цѣлаго общества, уже дѣлаютъ шагъ впередъ. Эта наклонность къ устройству большихъ пріютовъ возникаетъ непосредственно изъ побужденія къ строительству у отдѣльныхъ особей и семей. Барсукъ всегда любитъ поселяться вблизи другихъ барсуковъ. То же извѣстно и о хомякѣ. По разсказамъ, бобры воздвигаютъ свои искусныя постройки всегда неподалеку другъ отъ друга. Общежительныя животныя, какъ и человѣкъ, селятся вмѣстѣ и строятъ деревни и го-

рода. Часто устроивается связь между отдѣльными жилищами. Такъ норки мышей служатъ общимъ убѣжищемъ для большаго числа особей. У мышей и крысъ чрезвычайно развито чувство общественности; старыхъ, слѣпыхъ онѣ прячутъ въ самыя отдаленныя части норъ и проходовъ, и другія мыши или крысы кормятъ ихъ.

Мы уже приближаемся къ государствамъ животныхъ, въ истинномъ значеніи этого слова. Эти государства тоже замѣчательны общественными постройками, обитаемыми вмѣстѣ всѣми членами государства. Но къ этому присоединяется еще и раздѣленіе труда, различное употребленіе особей, смотря по ихъ физическимъ особенностямъ. Лишь здѣсь государство организовано и строго обособлено отъ всего, лежащаго внѣ его. Послѣдствія рѣзкаго раздѣленія кастъ, существующія между людьми, именно враждебное обособленіе членовъ государства и неподвижность въ сохраненіи однажды принятыхъ формъ жизни, встрѣчаются и въ государствахъ животныхъ. Тотъ результатъ, котораго достигаетъ въ человѣческомъ обществѣ деспотичный законъ, имѣющій въ виду исключительно государственныя цѣли, и здѣсь окончательно достигнутъ; именно — личная свобода совершенно разрушена и семья уничтожена.

„Государства насѣкомыхъ непосредственно развились изъ семьи; они представляютъ ея расширеніе. Строенія, въ которыхъ живутъ колоніи, суть гнѣзда болѣе или менѣе сложнаго устройства, смотря по величинѣ и по сложности государства. Большею частью къ семействамъ животнаго царства, въ которыхъ встрѣчаются виды, живущіе въ государствахъ, принадлежатъ и другіе виды, гдѣ общественная жизнь развита лишь до устройства гнѣздъ. То и другое встрѣчается и внутри одного и того же рода въ родственныхъ видахъ“. Вундтъ приводитъ при этомъ въ примѣръ различные виды осъ. „Нѣкоторые виды пчелъ тоже живутъ особнякомъ.

„Если государство осъ представляется союзомъ, получившимся неизбѣжно изъ естественныхъ условій, то въ строѣ государства обыкновенныхъ пчелъ нельзя не признать

произвольной дѣятельности". Вундтъ открываетъ въ этомъ строѣ даже нѣчто болѣе человѣческое, именно признаки несомнѣннаго историческаго развитія. Такъ какъ мы его находимъ, государство пчелъ возникнуть не могло. Историческое измѣненіе, до сихъ поръ приписанное одному человѣку, здѣсь имѣло мѣсто, но привело къ государству столь прочному, что его строй болѣе не измѣняется.

„Государство пчелъ—говоритъ Вундтъ—отличается отъ обществъ осъ, шершней и шмелей болѣе строгимъ раздѣленіемъ труда. Пчелы-работницы принимаютъ совершенно на себя, какъ постройку улья, такъ поддержку его и уходъ за личинками; самцы и самки не заботятся ни о чемъ, кромѣ расположенія. Существованіе въ ульѣ одной матки представляетъ сходство съ гнѣздами вышеупомянутыхъ насѣкомыхъ. Но способъ происхожденія общества въ обоихъ случаяхъ различенъ. У осъ матка устраиваетъ гнѣздо, и потому само собою оказывается, что она въ немъ одна. Но пчелиный улей есть уже, при самомъ его возникновеніи, государство, которое только расширяется, не измѣняясь по сущности. Въ немъ единичность матки достигается силой. Но именно связь, существующая между различными пчелиными ульями, изъ которыхъ каждый составляетъ какъ бы колонію другого, дозволяетъ понять происхожденіе этого государства и его различіе отъ общественныхъ союзовъ другихъ родственныхъ насѣкомыхъ. У осъ, при постройкѣ каждаго гнѣзда, повторяется одинъ и тотъ же естественно-историческій процессъ: матка должна положить яйца и приготовить для нихъ пріютъ. Поэтому она начинаетъ строить гнѣздо; а при дальнѣйшей постройкѣ ей помогаетъ новорожденное поколѣніе. Напротивъ, государство пчелъ связано съ метрополіей—государствомъ, отъ котораго первое отдѣлилось, то государство связано со своею метрополіею и т. д. Государство пчелъ имѣетъ какъ бы историческое существованіе. Допустивъ, что эти животныя не лишены средствъ взаимнаго пониманія... необходимо признать и то, что каждая колонія не начинаетъ свое развитіе съ самаго начала,

но что нѣкоторое преданіе связываетъ метрополію съ колоніею. Обычаи, составляющіе законъ колоніи, должны были быть перенесены въ нее изъ метрополіи.

„Мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода думать, что организація пчелинаго государства была съ самаго начала такою же, какою мы ее находимъ теперь. Мы по опыту знаемъ, что привычки животныхъ могутъ измѣняться. Именно у пчелъ мы встрѣчаемъ подобныя явленія. Прирученныхъ пчелъ можно отучить роиться, образовывать колоніи, расширяя по мѣрѣ надобности ихъ улей. Многочисленныя пчелиныя государства оставляютъ иногда трудъ собиранія меду и, сознавая свою силу, грабятъ сосѣдніе маленькіе ульи. Подобные хищники рѣдко покидаютъ свою дурную привычку“. Здѣсь Вундтъ приводитъ изъ естественной исторіи Ленца анекдотъ, доказывающій, что пчелы, раздраженныя случайно противу какого-либо человѣка, могутъ не только сами сохранить это раздраженіе впродолженіе многихъ лѣтъ, но и передать его по наслѣдству роямъ, отъ нихъ отдѣлившимся.

„Если предъ нашими глазами мѣняются привычки животныхъ, если достовѣрныя наблюденія показываютъ намъ, что пріобрѣтенная опытность связываетъ рои пчелъ одного происхожденія, и ничто не мѣшаетъ допустить, что законы пчелинаго улья суть обычаи, происшедшіе постепенно и сдѣлавшіеся прочными вслѣдствіе передачи изъ рода въ родъ. Это предположеніе тѣмъ убѣдительнѣе, что происхожденіе нынѣшняго пчелинаго улья уже указываетъ на первобытное государство, происшедшее другимъ способомъ. Самый первый общественный союзъ этихъ животныхъ никакъ не могъ отдѣлиться отъ союза уже существовавшаго. Но какъ же могъ произойти этотъ самый первый союзъ.

«Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ нынѣшнемъ состояніи насѣкомыхъ, близко родственныхъ пчеламъ. Каждая матка, у осъ, основываетъ свою собственную семью. Вѣроятно, точно также и каждая пчела основывала первоначально свою семью. Матка, вмѣстѣ съ тѣмъ и работница, она приготовляла

первыя ячейки для своихъ личинокъ. Перемѣна этихъ отношеній, вѣроятно, произошла вслѣдствіе большей продолжительности жизни пчелъ. Какъ лишь въ одномъ роѣ явилось нѣсколько матокъ, ревность между ними не допускала дальнѣйшаго мирнаго сожительства: побѣжденнымъ оставался выборъ лишь между смертью и выселеніемъ, и выселеніе предпочли тѣмъ скорѣе, что недостатокъ мѣста стѣснялъ дальнѣйшее размноженіе. Это побудило и массу работницъ обдумать, какъ бы матки не гибли въ безполезныхъ поединкахъ.

«Для объясненія происхожденія государства пчелъ, конечно, должно допустить участіе въ нѣкоторой степени размышленія и преднамѣренности; но обширныя наблюденія, произведенныя съ другой цѣлью, доказали, что эти животныя не лишены ни того, ни другаго. Впрочемъ, основный мотивъ, дѣйствующій при происхожденіи государства, не имѣетъ ничего общаго съ сознательнымъ размышленіемъ. Ревность матокъ—дѣло инстинкта, но и признаніе, что пространство стараго государства становится недостаточно для увеличивающагося народонаселенія, тоже совершается скорѣе инстинктивно, нежели сознательно. И такъ, общія явленія въ государственной жизни пчелъ опираются на дѣйствія инстинктивныя. Но, конечно, встрѣчаются нѣкоторые факты, которые, повидимому, нельзя признать результатами инстинктивнаго познанія, въ томъ смыслѣ, который мы придаемъ этому слову. Какъ, напримѣръ, объяснить себѣ, что матка по произволу кладетъ яйца, изъ которыхъ развиваются трутни, въ болѣе просторныя ячейки улья, а тѣ, изъ которыхъ образуются работницы, въ менѣе просторныя? Или то, что работницы уничтожаютъ личинки матокъ, если погода не благопріятствуетъ роенію? Въ обоихъ случаяхъ, мы отреклись бы отъ всякаго заключенія по аналогіи съ человѣческими дѣйствіями, еслибы хотѣли отрицать участіе сознательно поставленной цѣли. Но мы, конечно, составили бы себѣ ложное представленіе, еслибы подумали, что эта сознательно поставленная цѣль возникаетъ въ каждой маткѣ, и въ каждомъ отдѣльномъ роѣ заново, потому что въ жизни особей нигдѣ мы не можемъ доказать существованіе мотивовъ, способныхъ

вызывать подобную цѣль. При началѣ кладки яицъ, отдѣльная матка еще не имѣетъ никакой опытности относительно вліянія оплодотворенія на происхожденіе самцевъ или самокъ изъ личинокъ. Но ничто не противорѣчитъ мнѣнію, что здѣсь, какъ и всегда, обычай возникаетъ постепенно, что онъ представляетъ продуктъ естественно-историческаго развитія. Напримѣръ, величина ячеекъ, въ которыхъ развиваются личинки, должна была опредѣлиться потребностью послѣднихъ. Если всѣ ячейки и были вначалѣ одинаковы по величинѣ, то скоро должно было оказаться, что для личинокъ, хуже кормленныхъ, изъ которыхъ развиваются только работницы, требуется менѣе простора, чѣмъ для личинокъ, изъ которыхъ развиваются матки или трутни. Но когда однажды была найдена выгодная форма ячеекъ, она могла и быть удержана, такъ какъ государство пчелъ имѣетъ непрерывную связь съ прошедшимъ, которое передаетъ ему правила. Для того, чтобы слѣдовать этимъ правиламъ, молодыя особи должны лишь брать примѣръ съ старшихъ, примѣръ, который у нихъ передъ глазами. Поэтому государство пчелъ никогда не возвращается къ своей исходной точкѣ, на которой ему пришлось бы заново воспроизвести всю свою организацію. Подобно государству всякаго культурнаго народа, оно опирается на всѣ поколѣнія, жившія до него.

«Существованіе такой же непрерывной связи можно доказать и въ другихъ государствахъ животныхъ; такъ, муравьи и термиты распространяютъ свои государства, основывая новыя колоніи... Выселенія для основанія ихъ начинаются въ срединѣ лѣта, и выселяются всегда молодыя особи. Раздѣленіе труда въ государствѣ муравьевъ распространяется и на работницъ. Однѣ роютъ углубленія и ходы въ жилища; другія выбрасываютъ вырытую землю; еще иныя тащатъ части растеній, служащія матеріаломъ для построекъ; большая часть стоитъ просто на стражѣ. У термитовъ или бѣлыхъ муравьевъ, водящихся преимущественно въ Африкѣ и въ Южной Азіи, это раздѣленіе труда идетъ еще далѣе. У этихъ животныхъ, воздвигающихъ постройки, доходящія иногда до нѣсколькихъ футовъ вышины, классу работниковъ противополагается осо-

бенная каста солдатъ. И здѣсь обычаи животныхъ напоминаютъ подобныя же учрежденія человѣческихъ государствъ тѣхъ же странъ.

«Чувство общественности сильно развито въ муравьяхъ. Часто наблюдаютъ, что отдѣльные работники помогаютъ другъ другу въ трудахъ. Молодыхъ и слабыхъ особей при переселеніи иногда переносятъ сильнѣйшія. Особи одного муравейника знаютъ другъ друга, не смотря на то, что онѣ иногда считаются тысячами. Если въ муравейникъ пустить чужія особи того же вида, то ихъ выгоняютъ или умерщвляютъ. Уже давно извѣстно, что между различными колоніями часто происходятъ кровопролитныя войны. Эти войны, повидимому, происходятъ обыкновенно изъ-за владѣнія какой-нибудь территоріей или даже совершенно готовой постройкой, потому что и муравьи знаютъ, что удобнѣе заставлять работать за себя другихъ, чѣмъ работать самому. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи муравьи-амазонки. Въ государствахъ этихъ муравьевъ утвердился обычай предоставлять невольникамъ всѣ работы, какъ-то: постройку муравейника, собираніе пищи и заботы о куколкахъ. Въ іюнѣ колоніи амазонокъ начинаютъ обыкновенно свои походы, нападаютъ на другія колоніи муравьевъ, нѣкоторыхъ меньшихъ видовъ. Они похищаютъ куколки послѣднихъ, и перетаскиваютъ ихъ въ свой муравейникъ, съ тѣмъ, чтобы воспитать изъ нихъ себѣ рабочихъ невольниковъ. Сами же муравьи-амазонки проводятъ большую часть года въ пріятномъ бездѣйствіи, занимаясь только охотой на невольниковъ". Упомянемъ здѣсь опытъ Гюбера. Онъ заперъ 30 амазонокъ съ достаточнымъ количествомъ пищи, съ личинками и куколками для поощренія ихъ къ труду. Онѣ впали въ совершенную апатію, работа прекратилась, и насѣкомыя начали одно за другимъ умирать съ голоду, но сами не искали пищи. Тогда Гюберъ впустилъ къ нимъ одного невольника. Онъ немедленно началъ кормить тѣхъ, которыя остались въ живыхъ, заботился о куколкахъ и спасъ колонію [1].)

---

[1]) Pouchet: „L'Univers" 1865, p. 109.

„Еще болѣе распространенъ въ колоніи муравьевъ обычай держать домашнихъ животныхъ. Именно доказано, что многіе муравьи держатъ травяную вошь, какъ домашнее животное [1])...

„Безъ сомнѣнія, государство муравьевъ какъ и государство пчелъ, возникло изъ семьи. Именно для государства муравьевъ мы имѣемъ здѣсь фактъ, что иногда и теперь весной встрѣчаютъ одинокую самку, которая, какъ и матка у осъ, полагаетъ самостоятельное начало новой колоніи. Но существенная разница въ устройствѣ государства произошла отъ того, что здѣсь самцы и самки находятся вмѣстѣ въ большемъ числѣ. Быть можетъ, болѣе миролюбивый характеръ муравьиной самки скорѣе допускаетъ соперницъ, чѣмъ ревнивая королева пчелъ и что, поэтому, становятся сами собой ненужными мѣры предосторожности, необходимыя въ государствахъ пчелъ, ограничивающихся одною маткой. Единственное побужденіе, для основанія новыхъ колоній есть здѣсь, повидимому, увеличеніе народонаселенія въ метрополіи. Но вмѣстѣ съ появленіемъ въ государствѣ муравьевъ самцевъ и самокъ въ большемъ числѣ прекращается и всякая аналогія съ семьею. Если и здѣсь государство развилось изъ семьи, то оно ее вполнѣ поглотило, и даже уничтожило. Поэтому лишь государство му-

---

[1]) Весьма интересны замѣчанія Леспэ (Lespès), сдѣланныя имъ въ засѣданіи парижскаго антропологическаго общества 21 мая 1868 г. о томъ, что́ онъ назвалъ „нѣкотораго рода цивилизаціею муравьевъ“. Держа въ заключеніи цѣлое общество муравьевъ, онъ къ нимъ потомъ вводилъ или муравьевъ другаго общества (первое общество было накормлено карминомъ для отличенія) или домашнихъ муравьиныхъ животныхъ (claviger). Муравьи разныхъ породъ всегда истребляли другъ друга. Муравьи одной породы, но разныхъ обществъ выказывали разные нравы: одни дрались съ чужеземцами, другіе кормили ихъ своимъ кушаньемъ (съ карминомъ) и принимали въ свою среду. Относительно своихъ домашнихъ животныхъ, муравьи поступали различно; общества имѣвшія уже домашнихъ животныхъ, удерживали ихъ въ неволѣ; тѣ же, которыя не имѣли ихъ у себя въ муравейникѣ, по введеніи ихъ въ муравейникъ испытателемъ, немедленно умерщвляли ихъ и съѣдали. Леспэ заключаетъ изъ этого, что муравьи не инстинктивно пользуются своими домашними животными, но что въ муравьиныхъ обществахъ совершился прогрессъ и одомашненіе породы claviger есть для муравьевъ нѣчто пріобрѣтенное.

равьевъ есть государство животныхъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ немъ находимъ даже то одностороннее осуществленіе принципа государства, которое не допускаетъ рядомъ съ собой самостоятельнаго распредѣленія членовъ общества.

„Оглядывая еще разъ въ цѣломъ союзы, которые мы сочли нужнымъ подвести подъ понятіе о государствѣ животныхъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, мы не можемъ не признать, что находимъ двѣ формы союзовъ, различныхъ по сущности, и намекающія на существенную разницу ихъ происхожденія. Собственно государства возникли, какъ мы уже доказали, непосредственно изъ семьи,—это расширенныя семьи. Напротивъ того, союзы перелетныхъ птицъ и другихъ животныхъ, соединяющихся въ большомъ числѣ, имѣютъ совершенно иное начало; они произошли для достиженія опредѣленныхъ цѣлей, для общаго перелета, для общихъ набѣговъ, вообще для оказанія взаимной помощи. Въ опредѣленной цѣли заключается все ихъ значеніе, и, съ ея достиженіемъ, они распадаются; они не имѣютъ ничего общаго съ интересами семьи, и потому тамъ, гдѣ она встрѣчается у тѣхъ же животныхъ, она существуетъ рядомъ съ этимъ союзами, совершенно независимо отъ нихъ, и не встрѣчая въ нихъ себѣ помѣхи.

„Такимъ образомъ, изслѣдованіе семьи и государства животныхъ представляетъ существенное дополненіе... разсмотрѣнію нравственной жизни. Вопросъ о существованіи нравственнаго чувства у болѣе совершенныхъ животныхъ получилъ изъ этого самъ собою опредѣленный отвѣтъ. И въ этомъ случаѣ, царство животныхъ не стоитъ внѣ человѣческаго развитія, но представляетъ для него ступень, непосредственно ему предшествующую“.

Факты, собранные въ предъидущемъ Кудро и Вундтомъ—весьма важны. Они показываютъ, что именно въ человѣческой цивилизаціи невозможно отдѣлить отъ прочихъ животныхъ обществъ и государствъ. Конечно, данныя эти не отличаются ни особенною полнотою, ни точностью въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Такъ, напримѣръ, объ обезьянахъ Кудро говоритъ, что у нихъ семья дѣлается постоянной группою, а Вундтъ приво-

дить ихъ въ примѣръ отсутствія семейной связи. Зоологи спеціалисты могли бы, вѣроятно, подмѣтить многія неточности, но въ главныхъ особенностяхъ данныя эти на столько вѣрны, что въ нихъ выступаютъ черты весьма опредѣлительныя и связывающія общественный бытъ человѣка съ обществомъ животныхъ. Физическія потребности или личныя влеченія производятъ сближеніе особей, въ большемъ или меньшемъ числѣ. Физическія условія или случайности обстановки устанавливаютъ обычай, обращаютъ его въ привычку, иногда видоизмѣняютъ его и даютъ начало новой системѣ обычаевъ и привычекъ, обращающихся въ столь неизмѣнное преданіе, что естествоиспытатель можетъ принять его за инстинктъ животнаго. Развитіе общественной жизни влечетъ за собой болѣе или менѣе обширную технику, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе подробное раздѣленіе труда. Какъ только обычай установился, особь ему подчиняется безусловно, тамъ гдѣ общественная жизнь наиболѣе развита (у осъ, пчелъ, муравьевъ). Всякая личная свобода немыслима; всякая личная критика невозможна; всякое отступленіе отъ обычая ведетъ за собою смерть. Обычай измѣняется и можетъ измѣняться лишь отъ внезапнаго измѣненія общихъ условій. Въ высшихъ породахъ (напр. у птицъ) личная склонность высказывается несравненно болѣе значительнымъ элементомъ общественности и проявляется свободнѣе во многихъ случаяхъ, можетъ быть потому, что форма общественности не такъ прочно установилась. Здѣсь впервые указываютъ примѣры (впрочемъ, еще недостаточно строго доказанные) значительнаго отступленія отъ обычая вслѣдствіе личнаго влеченія, затѣмъ слѣдующаго суда, и наказанія. Хотя и тутъ обычай поддерживается страхомъ смерти, но уже возможность нарушить его по личному произволу, существуетъ. Мы видимъ, что животный міръ, стоящій ниже человѣка, могъ создать общество, семью, государство и технику въ формѣ обычая и преданія, опирающихся на потребности и привычки.

7. Возрасты человѣчества.

Кудро заключилъ [1]) свое разсужденіе „О томъ, что понимаютъ подъ цивилизаціею?“ слѣдующими мыслями о происхожденіи обществъ, какъ у животныхъ, такъ и у человѣка:

Главныя потребности, обусловливающія сгруппированіе особей, суть слѣдующія: потребность пропитанія, размноженія и устраненія какой-нибудь внѣшней опасности. Подъ вліяніемъ этихъ трехъ потребностей мы видимъ, что прежде всего формируются группы для удовлетворенія мгновенной необходимости: для половаго совокупленія, для кормленія дѣтенышей, для войны, для защиты другъ друга при бѣгствѣ, или для помощи при преслѣдованіи. Группы расходятся тотчасъ по достиженіи цѣли. Во всѣхъ этихъ временныхъ группахъ уже видѣнъ зачатокъ обществъ, хотя общества, собственно, еще не существуетъ. Только то общество можетъ назваться организованнымъ, которое прочно и постоянно. Существа, сближающіяся между собою отъ времени до времени, доказываютъ нѣкоторую способность къ общественной жизни; но способность эта проявляется лишь въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ, не распространяясь на всю ихъ жизнь.

Всѣ существа, живущія въ постоянныхъ обществахъ, не исключая и человѣка высшихъ расъ, проводятъ большую или меньшую часть своего дѣтства въ совершенно дикомъ состояніи. Въ первый періодъ жизни, особь не сознаетъ ничего, кромѣ своихъ физическихъ потребностей. Для нея не существуетъ никакихъ общественныхъ отношеній; почти единственныя ея сообщенія съ внѣшнимъ міромъ суть попеченія матери о ней, попеченія, которымъ новая особь отдается совершенно поссивно. Настоящія отношенія къ обществу начинаются только тогда, когда животное получаетъ первыя начала воспитанія. Точная граница должна быть проведена тамъ,

[1]) «Bulletins» II (serie 2-me) 427 и сл.

гдѣ фактъ возможный переходитъ въ дѣйствительно осуществленный, гдѣ способность, еще не употреблявшаяся въ дѣлѣ, находитъ себѣ практическое приложеніе.

Какъ только эта граница преступлена, то общественныя отношенія существуютъ, но животное еще не сознаетъ своихъ успѣховъ и не обладаетъ размышленіемъ, которое побудило бы его стремиться къ успѣхамъ еще дальнѣйшимъ.

Теперь остается вопросъ: когда слѣдуетъ опредѣлить начало цивилизаціи въ животномъ:

а) Тогда ли, когда появляются временныя ассоціаціи особей?

б) Тогда ли, когда ассоціаціи стали постоянны, но сознаніе совершившихся и возможныхъ успѣховъ еще не существуетъ?

в) Тогда ли, когда является размышленіе, и животное отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, на сколько оно уже подвинулось впередъ, и на сколько оно можетъ еще подвинуться?

Изъ этихъ трехъ моментовъ, повидимому, удобнѣе отдать предпочтеніе моменту появленія размышленія, по слѣдующимъ причинамъ:

Мы связываемъ со словомъ цивилизація понятіе о дѣятельности того, кто цивилизуется, но, какъ сказано выше, прежде чѣмъ опытъ и размышленіе принимаютъ участіе въ прогрессивномъ движеніи, породы животныхъ только подчиняются улучшеніямъ, совершаемымъ грубымъ процессомъ природы. Лишь съ размышленіемъ является прогрессъ, какъ цѣль, которую мы хотимъ, и къ которой стремимся. Тогда особь начинаетъ добровольную борьбу съ природою, и сама придаетъ этой борьбѣ направленіе. Изъ страдательной она становится дѣйствующей особью.

Очевидно, что Кудро, несмотря на свою непослѣдовательность въ опредѣленіи понятія, которое онъ взялся развить, счелъ удобнѣйшимъ приложить названіе цивилизаціи только къ тому состоянію общества, гдѣ особь или личность участвуетъ въ жизни общества своею мыслію, своею критикою, гдѣ, слѣдовательно, не существуетъ той подавляющей

прочности обычаевъ и преданій, которая составляетъ сущность жизни въ ульѣ или въ муравейникѣ, обычаевъ и преданій, способныхъ измѣниться лишь въ томъ случаѣ, когда значительное измѣненіе обстоятельствъ принуждаетъ отступать отъ привычнаго рода жизни, чуть ли не противъ воли.

Обращаемся къ различіямъ, представляемымъ человѣческими обществами въ ихъ развитіи. Упомянутая выше фраза Лартэ, поставившаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, человѣка каменнаго періода и эскимоса выше современнаго европейца, побудила Летурно провести, съ нѣкоторою подробностью, параллель между различными фазисами общественнаго развитія вообще [1]).

Чтобы набросать сколько-нибудь удовлетворительную картину постепеннаго развитія человѣчества, слѣдуетъ сначала прослѣдить это развитіе у отдѣльной личности, а затѣмъ уже обратиться къ собранію единицъ, къ обществу. Изъ этихъ изслѣдованій Летурно получаетъ результатъ, что у человѣка, въ разные періоды его жизни, какъ единичной, такъ и коллективной, являются различныя потребности и способности, и что ему невозможно развиваться въ одномъ отношеніи, не отставая, нѣсколько, въ другомъ.

Постараемся опредѣлить, по какому естественному закону слѣдуютъ потребности человѣка одна за другой, поочередно господствуя, но составляя непрерывный рядъ, при возрастаніи личности или при слѣдованіи вѣковъ одинъ за другимъ.

Человѣка можно сравнить съ растеніемъ, въ которомъ послѣдовательно развивается листъ за листомъ, почка за почкой. Точно такъ же и человѣкъ постоянно пріобрѣтаетъ способности и потребности. Черезъ рядъ промежуточныхъ ступеней переходитъ онъ отъ растительной и безсознательной жизни—къ жизни сознательной, къ потребностямъ прочувствованнымъ, и выражающимся болѣе или менѣе продуманными желаніями.

Не трудно доказать, что человѣкъ, со дня своего рожде-

---

[1]) «Bulletin» II (2-me serie) 379 и слѣд.

нія, проходитъ сначала періодъ, когда онъ не что иное, какъ существо питающееся, простой пищеварительный механизмъ; что впослѣдствіи пробуждается въ немъ спеціализированная чувствительность, и совершенствуется по мѣрѣ развитія нервныхъ центровъ, происходящаго очень быстро въ первый періодъ жизни; ребенокъ нуждается тогда преимущественно въ упражненіи своихъ чувствъ (sens), въ испытаніи и накопленіи ощущеній, вызывающихъ появленіе и развитіе умственныхъ и нравственныхъ способностей. Онъ тогда существо, преимущественно чувствующее (sensitif).

По мѣрѣ развитія мозговой дѣятельности, съ дѣтства до зрѣлаго возраста, ребенокъ становится болѣе склоннымъ къ чувствамъ (sentiments) нравственнымъ, къ аффектамъ.

Медленно развиваются въ немъ его способности, быстрѣе всѣхъ остальныхъ впечатлительность въ области нравственной. Ребенокъ становится менѣе подвиженъ, менѣе раздражителенъ, менѣе эгоистиченъ, болѣе способенъ къ прочной привязанности. Полное развитіе этого періода, преимущественно нравственнаго и аффективнаго, совершается въ въ эпоху возмужалости. Страстныя увлеченія юности, у большинства людей, скоро уступаютъ мѣсто менѣе романическимъ стремленіямъ: честолюбію, жаждѣ къ пріобрѣтеніямъ и пр., у лучшихъ образчиковъ породы—любви къ умственному труду научному, философскому или общественному. Это умственный фазисъ, столь же неизбѣжный и естественный, у хорошо одаренныхъ личностей, какъ и всѣ остальные.

Повидимому, можно легко прослѣдить и въ общественныхъ фазисахъ тотъ же рядъ естественныхъ потребностей, который мы видѣли въ ребенкѣ. Человѣчество, подобно отдѣльной личности, переживаетъ рядъ возрастовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ самомъ строгомъ порядкѣ. Посмотримъ на человѣка, когда онъ начинаетъ выдѣляться изъ животнаго міра и вступаетъ въ сколько-нибудь человѣчную жизнь; онъ можетъ уже произносить нѣсколько звукоподражаній, знаетъ сотню словъ, можетъ кое-какъ обдѣлать себѣ изъ кремня

оружіе. Тогда главная забота его заключается въ томъ, чтобы поѣсть и самому не быть съѣденнымъ. Безъ одежды и пристанища онъ терпитъ отъ непогодъ и испытываетъ мученія голода, страшнаго голода. У него нѣтъ никакихъ общественныхъ связей, нѣтъ даже семьи, потому что едва-ли можно назвать семьей временной союзъ, гдѣ на женщину смотрятъ, какъ на вьючное животное; гдѣ она рискуетъ быть съѣденной мужемъ или дѣтьми, когда пройдетъ ея краткая молодость или когда охота будетъ слишкомъ долго неудачна.

Даже въ періодѣ дальнѣйшаго общественнаго развитія, ненасильственная смерть—исключеніе, иногда отцеубійство вошло въ привычку, даже въ обязанность; такъ, напримѣръ, въ Фиджи, дѣти закапываютъ своихъ престарѣлыхъ родителей живыми въ землю, чтобъ избавиться отъ нихъ.

Но надо взглянуть на эти несчастныя существа тамъ, гдѣ имъ приходится бороться со всѣми ужасами жестокаго климата. Бо̀льшая часть эскимосовъ („которымъ нашъ почтенный сочленъ Лартэ слишкомъ удивляется“, замѣтилъ Летурно) подвержены полифагіи, этой отвратительнѣйшей болѣзни, изучаемой патологами. Ліонъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ, когда они поймали нерпа или какую-нибудь другую добычу: „Квойлиттукъ познакомилъ меня съ новымъ родомъ эскимоской оргіи; онъ наѣлся до опьяненія и засыпалъ поминутно съ открытымъ ртомъ и воспаленнымъ, краснымъ лицомъ. Возлѣ него сидѣла Арналоoа (его жена) и наблюдала за мужемъ, то-есть, съ помощью своего указательнаго пальца втискивала ему въ ротъ, сколько могла, огромные куски недоваренаго мяса. Когда ротъ наполнялся до невозможности, она грызла то, что̀ висѣло у него съ губъ. Онъ жевалъ медленно, и какъ только оставалось свободное мѣсто, оно тотчасъ же замѣщалось кускомъ сыраго жира. Впродолженіе всей этой операціи, счастливый смертный былъ совершенно неподвиженъ, не раскрывая даже глазъ; только челюсти его двигались; но время отъ времени, когда пища позволяла проходить звуку, онъ

издавалъ, для изъявленія своего удовольствія, какое-то выразительное ворчанье. Глядя на жиръ отъ этого вкуснаго пира, въ обиліи текшій по его лицу и шеѣ, я убѣдился, что человѣкъ еще болѣе приближается къ животному, когда ѣстъ слишкомъ много, чѣмъ когда слишкомъ много пьетъ. Жены, накормивъ своихъ мужей такъ, что они тутъ же уснули, не забыли и себя, и снова принялись болтать и нищенствовать по обыкновенію".

Конечно, эти полифаги очень плохо развиты въ отношеніи нравственномъ, аффективномъ; у нихъ существуетъ обыкновеніе дѣтей, у которыхъ умерла мать, зарывать живыми вмѣстѣ съ нею; стариковъ или людей болѣзненныхъ тоже зарываютъ живыми въ землю, или оставляютъ ихъ въ ледяныхъ домахъ (иглоо), которые запираютъ, какъ могильный склепъ. Они положительно не понимаютъ, что такое сдержать слово, или отдать что нибудь даромъ; чувство благодарности имъ тоже совершенно чуждо.

Нумерація ихъ можетъ дать ясное понятіе о ихъ умственныхъ способностяхъ. Для бо́льшей части изъ нихъ сосчитать до десяти—большой трудъ; до пятнадцати — положительная невозможность.

Австралійцы живутъ въ подобномъ же общественномъ состояніи. Какой праздникъ, говоритъ капитанъ Грей [1]), когда волны выкинутъ на берегъ мертваго кита. Зажженные костры разносятъ далеко по окрестностямъ радостную вѣсть о счастливомъ событіи. Австралійцы натираютъ себѣ все тѣло китовымъ жиромъ, и точно также вымазываютъ имъ любимыхъ своихъ супругъ; послѣ того, они прокладываютъ себѣ дорогу сквозь слой жиру и достигаютъ мяса; они ѣдятъ его сырымъ, или жарятъ на оконечностяхъ острыхъ палокъ. Новые туземцы, прибывая, тоже усердно проѣдаютъ себѣ путь въ кита, и виднѣются тамъ и сямъ, на вонючемъ остовѣ, отыскивая вкусный кусокъ. Отвратительное зрѣлище представляютъ они, цѣлые дни не покидая трупа, вымазанные съ

[1]) Grey: «Explorations in North-West and Western Australia». 263.

ногъ до головы зловоннымъ жиромъ, пожирая испорченное мясо до пресыщенія, раздраженные несваренiемъ въ желудкѣ до безпрестанныхъ ссоръ, и зараженные отъ этой гнилой пищи накожными болѣзнями". Ничего не можетъ быть возмутительнѣе, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Грей,—какъ видѣть молодую туземку съ граціозными формами [1]), выходящую изъ остова гніющаго кита".

Въ оправданіе австралійцевъ нельзя привести и тѣхъ смягчающихъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть высказаны въ защиту эскимосовъ и обитателей Огненной земли, представляющихъ намъ еще болѣе интереса для изученія, такъ какъ они напоминаютъ доисторическихъ европейцевъ, оставившихъ груды раковинъ въ кухонныхъ остаткахъ Даніи.

У жителей Огненной земли, пока мужчина преслѣдуетъ крупную дичь, женщина собираетъ ракообразныхъ, молюсковъ, и ныряетъ въ море во всякое время года для поисковъ. Такъ-какъ крупная дичь встрѣчается не часто, главную пищу составляютъ ракушки, улитки, ракообразныя. Средства пропитанія здѣсь скудны, и потому война здѣсь хорошо извѣстна. Каждое племя, или, лучше сказать, каждая маленькая группа людей, находится въ постоянной войнѣ съ сосѣдней группой, и побѣдители всегда поѣдаютъ побѣжденныхъ: мужчинамъ отдаютъ ноги, женщинамъ руки и грудь; остальное выбрасываютъ въ море.

Въ суровыя зимы, или когда не находятъ другой пищи, выбираютъ самую старую женщину всего общества, держатъ ея голову надъ густымъ дымомъ отъ зажженнаго сыраго дерева и душатъ ее за горло. Потомъ пожираютъ кусокъ за кускомъ ея мясо, не исключая и туловища. На вопросъ, отчего, въ случаѣ голода, они не ѣдятъ лучше собакъ, они отвѣчаютъ: „собаки охотятся за яппо" (выдрой) [2]).

Летурно́ полагаетъ, что таитяне и полинезцы, во время

---

[1]) Не совсѣмъ понятно, о какихъ это граціозныхъ формахъ говоритъ Грей, когда, какъ мы увидимъ ниже, женщины этого племени отличаются особеннымъ безобразіемъ.

[2]) Fitzroy: «Voyage of the Adventure and Beagle II, 183 и сл.

путешествія Кука, принадлежали ко второму чувствующему періоду соціальнаго развитія. Отличительную черту ихъ характера составляла необыкновенная подвижность. Въ одну минуту они переходили отъ спокойнаго, даже веселаго состоянія духа, къ вспышкѣ гнѣва. Все, что поражаетъ чувство, все, что блеститъ или отличается яркими красками, возбуждало ихъ желанія. Они охотно обмѣнивали поросенка на красное перо. Пулаго, одинъ изъ вождей на островахъ Дружбы, съ восторгомъ и благодарностью принялъ въ подарокъ отъ Кука оловянную тарелку, и объявилъ, что если ему нужно будетъ куда нибудь отлучиться, онъ всегда будетъ оставлять эту тарелку въ Тугатобоо, какъ своего представителя. Стыдливость имъ была совершенно неизвѣстна. Они не знали уваженія къ старости и не имѣли никакого чувства справедливости (?). Слово законъ (по Эллису) и слово благодарю (по Уильсону) не существуетъ на ихъ языкѣ. Общество Ареоисовъ ставило распутство и дѣтоубійство въ обязанность каждому члену.

Въ этомъ періодѣ любятъ танцы, пѣніе, сценическія или, лучше сказать, мимическія представленія. Существуютъ уже инструменты, хотя весьма грубой работы, а поэзія воспѣвающая, конечно, только то, что они любятъ, чѣмъ восхищаются: войну, чувственную любовь и различныхъ боговъ, грубо созданныхъ по образу человѣка. Существуетъ вѣра въ загробную жизнь, но не какъ въ возмездіе за хорошіе или дурные поступки, совершенные здѣсь, а какъ въ продолженіе земной жизни; въ ней сохраняются даже касты.

Замѣтна уже нѣкоторая промышленность; существуетъ большая склонность къ нарядамъ, къ татуировкѣ; люди уже умѣютъ себѣ строить дома, памятники, и выдѣлываютъ хорошее оружіе. Обработываютъ нѣкоторыя съѣдобныя растенія. Въ этотъ періодъ соціальнаго развитія вообще пища довольно изобильна, потому ли, что много дичи, или потому, что почва плодородна. Встрѣчаются даже домашнія животныя (собаки, свиньи).

Впрочемъ, у туземцевъ Сѣверной Америки, находившихся

на той же общественной ступени, домашнихъ животныхъ не было; они были такъ равнодушны къ нравственнымъ наслажденіямъ, что на альгонканскомъ языкѣ не существовало слово любить. Въ 1661 году, когда Элліотъ переводилъ библію для этого народа, онъ долженъ былъ изобрѣсти новое слово для выраженія этого понятія. Впрочемъ, начала общественной организаціи проявлялись уже и здѣсь; многочисленныя племена подчинялись одному предводителю, существовала даже іерархія. Многіе народы и въ наше время принадлежатъ еще къ этому періоду развитія, какъ, напримѣръ, негры, живущіе около источниковъ Нила, о которыхъ разсказываетъ капитанъ Спикъ.

Слѣдующій фазисъ развитія есть періодъ нравственныхъ или аффективныхъ потребностей. Слѣдствіемъ лучшей общественной организаціи и распространенія промышленности является относительное изобиліе и улучшеніе жизни. Половое влеченіе уже болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто нравственной привязанности, мозговому наслажденію. Семья лучше устроена и въ ней болѣе внутренней связи; появляется уваженіе къ старческому и дѣтскому возрасту, доведенное иногда до религіознаго благоговѣнія. Личность и собственность болѣе или менѣе обезпечены. Есть опредѣленные законы, и существуетъ идея справедливости. Бо́льшею частью уже введено одноженство, и, во всякомъ случаѣ, на женщину уже перестали смотрѣть, какъ на вьючное животное, или только какъ на средство къ наслажденію. Люди скопились въ обширные союзы. Существуютъ общіе интересы, общія обязанности, существуетъ отечество, идеи славы и патріотизма. Это время кровавыхъ, продолжительныхъ войнъ, составляющихъ, по мнѣнію Летурно́, неизбѣжный бичъ этого фазиса соціальнаго развитія. Религія продолжаетъ играть важную роль, но уже нѣсколько очищается. Многобожіе предшествующаго періода упрощается. Боги облагораживаются, становятся чище, вмѣстѣ съ человѣкомъ, который ихъ создалъ и поклоняется имъ. Они все еще могучіе деспоты, но все-таки уже

стали кротче и человѣчнѣе. Въ концѣ этого періода достигаютъ даже монотеизма и пантеизма.

Этотъ періодъ, который Летурно называетъ нравственнымъ или аффективнымъ, обнимаетъ, по его мнѣнію, почти всю нашу прошедшую исторію; чѣмъ болѣе отодвигаемся мы въ прошедшее, восходя къ началу этого періода, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ элементовъ, характеризующихъ періоды питанія и чувства. Средина періода имѣетъ опредѣленно нравственный характеръ, наконецъ, къ концу его, мы видимъ стремленіе перейти въ высшій умственный фазисъ. „Но до этого послѣдняго не достигло еще ни одно человѣческое общество,—говоритъ Летурно,—это дѣло будущаго“.

Въ этомъ будущемъ періодѣ „усилія всѣхъ будутъ направлены на полнѣйшее и полнѣйшее владычество надъ природою, на безпрепятственное улучшеніе организаціи, разрѣшая научно всѣ ея задачи,—словомъ, на доставленіе человѣку всевозможнаго количества благополучія, къ которому онъ только способенъ“.

Резюмируя свое разсужденіе, Летурно сказалъ: «по моему мнѣнію, человѣкъ индивидуально и коллективно проходитъ послѣдовательно рядъ фазисовъ, порождающихъ другъ друга. Сначала онъ существо только питающееся, потомъ становится особенно чувствующимъ и, наконецъ, нравственнымъ и умственнымъ существомъ. При полномъ развитіи человѣка, очевидно, что въ немъ существуютъ всѣ эти способности всѣ эти потребности, но онѣ проявляются съ различной относительною силою».

Мы уже говорили, что Летурно опредѣлилъ при этомъ цивилизацію «прогрессивнымъ развитіемъ общественнаго союза».

Это послѣднее опредѣленіе въ высшей степени неясно, потому что собственно для процесса прогрессивнаго развитія общества нѣтъ нужды употреблять особый терминъ, а, кромѣ того, это опредѣленіе совершенно отходитъ отъ обычнаго употребленія слова, что, во всякомъ случаѣ, крайне неудобно. Когда мы говоримъ о цивилизиціи арабовъ, о цивилизаціи

времени возрожденія, то здѣсь мы подразумѣваемъ не только процессъ прогрессивнаго развитія, но еще нѣкоторыя реальныя явленія въ жизни негровъ. Наконецъ, тѣ, которые признаютъ, что періодъ императоровъ въ Римѣ, періодъ среднихъ вѣковъ, періодъ романтизма, представляютъ упадокъ, а не прогрессъ человѣчества, все-таки имѣютъ право говорить о цивилизаціи эпохи Константина, эпохи Гильдебранта или эпохи идеализма. Какъ Кудро не могъ устоять на своемъ положеніи, что цивилизація есть не что иное, какъ состояніе общественной связи, и самъ перешелъ къ тому, что она появляется лишь въ минуту, когда человѣкъ ставитъ себѣ сознательною цѣлью прогрессъ въ какомъ-либо отношеніи и къ нему стремится,—такъ Летурно, навѣрно, при употребленіи слова цивилизація пришелъ бы къ обозначенію ею и нѣкотораго общественнаго состоянія.

8. Слѣды дикости въ цивилизаціи.

Гораздо важнѣе та параллель, которую провелъ Летурно. Въ картинахъ жизни эскимосовъ, австралійцевъ предъ нами возникаетъ общество, для котораго мы гораздо болѣе аналогій находимъ въ роѣ мухъ, нападающихъ на падаль, и въ боа, медленно переваривающемъ пищу, проглоченную цѣликомъ, чѣмъ въ жизни европейскаго цивилизованнаго меньшинства; хотя и тутъ, среди блестящаго общества европейскихъ столицъ, можно найти оргіи и разгулъ чувственности, который отличается отъ обжорства эскимоса и австралійца лишь тѣмъ, что представляетъ болѣе изящную техническую обстановку. Еще болѣе сходное явленіе можно признать въ пьяномъ замозабвеніи личностей, принадлежащихъ къ большинству европейскаго населенія и ищущихъ въ алкоголѣ временнаго облегченія своей безъисходно-трудовой жизни. Но все-таки, сознавая, что наше европейское общество заключаетъ еще много элементовъ, ставящихъ его на одинъ уровень съ такъ-называемыми дикими, нельзя не сознаться, что въ немъ,

кромѣ общественныхъ явленій, обусловливаемыхъ побужденіями питанія и чувственности, по терминологіи Летурно, существуютъ еще явленія, обусловливаемыя высшими аффективнымъ и умственнымъ процессомъ. Что же именно отличаетъ то, что мы называемъ цивилизаціею современной Европы отъ состоянія дикихъ народовъ? Этотъ вопросъ тѣмъ интереснѣе, что накопляющіеся факты, относительно быта древняго человѣка, даютъ намъ съ каждымъ годомъ все болѣе право заключить, что и жители Европы въ прежнее время находились на той же ступени развитія, на которой находятся теперь самые жалкіе дикіе народы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ новыя открытія доказываютъ, что эти доисторическіе люди выработали себѣ нѣкоторую технику, даже имѣли произведенія искусства [1]), что не мѣшало имъ быть людоѣдами, не знать домашняго скота и даже собаки. Чтобы судить объ успѣхахъ, дѣланныхъ Европою, и о томъ, насколько отъ нея отстали племена, поставленныя въ менѣе выгодныя обстоятельства, или достигшія не столь совершеннаго физіологическаго развитія, весьма полезно обратить вниманіе на факты, представляемые строемъ жизни дикихъ племенъ, намъ современныхъ, какъ сравнительно со строемъ жизни доисторическаго человѣка, такъ и сравнительно со многими чертами жизни современной Европы.

Одинъ изъ англійскихъ ученыхъ, обратившихъ наиболѣе вниманія на эти вопросы, Эдуардъ Тэйлоръ, посвятилъ отдѣльную статью вопросу о «явленіяхъ высшей цивилизаціи, зародышъ которыхъ можно найти между дикими племенами [2]).

[1]) Такъ Лартэ нашелъ въ 1864 г. въ Перигорѣ вырѣзанное на кости изображеніе бѣгущаго мамонта. (См. les Comptes rendus de l'Acad. des Sc. T. LXI и *Le Hon*: «L'homme fossile» (1867). Около тѣхъ же мѣстъ Вибрэ (Vibraye) нашелъ изображеніе головы слона, сдѣланное изъ рога сѣвернаго оленя; также найдены многочисленныя изображенія сѣвернаго оленя и другихъ животныхъ; найдено наконецъ, изображеніе женщины «d'une impudique naiveté». (*Le Hon*, 56—70 и слѣд.).

[2]) «Anthr. Rev.» V 305 и слѣд. Объ интересѣ, который можно ожидать отъ статьи, имъ прочитанной на Норвичскомъ конгресѣ доисторической археологіи: «О доисторическихъ расахъ и современныхъ дикихъ» (Quart. Journ of Sc. № XX, 546) можно заключить по недавно переведенной его книгѣ.

Замѣтимъ, что Тэйлоръ употребляетъ слова „цивилизація“ и „культура“ совершенно безразлично въ примѣненіи къ низшему и высшему развитію общественной жизни.

Въ статьѣ, на которую мы указали, Тэйлоръ высказываетъ мнѣніе, что лишь въ послѣднее время мы начали понимать, какое важное значеніе имѣетъ изученіе низшихъ расъ не только какъ удовольствіе, доставляемое интересными подробностями и занимательными разсказами, тѣшащими нашъ досугъ, не только какъ дополненіе картины человѣчества, помощью сравненія высшаго и низшаго умственнаго его развитія. Но, что еще важнѣе, изученіе это можетъ доставить намъ весьма важныя свѣдѣнія о насъ самихъ, о смыслѣ нашихъ обычаевъ, привычекъ, законовъ, правилъ и предразсудковъ.

Употребляя наши свѣдѣнія объ обществахъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, для объясненія явленій высшей цивилизаціи, мы прежде всего должны слѣдовать одному простому правилу. Положимъ, мы встрѣчаемъ въ высшей расѣ мнѣніе или обычай, о которыхъ знаемъ только, что это — преданіе, обрядъ или инстинктъ, но обстоятельства, при которыхъ мы встрѣчаемъ этотъ фактъ, не объясняютъ намъ его; положимъ еще, что въ низшихъ расахъ мы встрѣчаемъ то же мнѣніе или тотъ же обычай, но легко объяснимый теоретическими соображеніями или практическою цѣлью, находящимися въ связи съ общимъ состояніемъ мысли народа; въ такомъ случаѣ мы имѣемъ право думать, что прослѣдили этотъ предметъ близко къ его началу. Подобный пріемъ есть отысканіе твердой опоры здраваго смысла сквозь кажущуюся безсмыслицу; и прежнія изслѣдованія доказываютъ, что этотъ пріемъ можетъ повести къ успѣшнымъ результатамъ.

Если мы освоимся со строемъ мысли низшихъ расъ, будемъ смотрѣть на вещи ихъ глазами и дѣлать умозаключенія по ихъ логикѣ, то мы откроемъ смыслъ и цѣлесообразность въ жизненныхъ явленіяхъ, которыя гораздо труднѣе объяснить съ точки зрѣнія высшихъ расъ, хотя между послѣдними мы встрѣчаемъ подобныя же явленія. Возьмемъ

для примѣра два религіозные обычая, существовавшіе почти во всѣ времена и почти во всѣхъ извѣстныхъ странахъ: жертвоприношенія и посты.

Цѣль и значеніе этихъ религіозныхъ постановленій въ періоды высшей культуры намъ извѣстны; они исполняются, частью какъ обряды, которые должно исполнять, потому что они предписаны человѣку; частью какъ дѣйствія, которыя производятъ впечатлѣніе на воображеніе вѣрующаго, налагающаго на себя добровольно лишенія и страданія. Но тѣ же обычаи, въ низшихъ расахъ, представляются намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Для ума этихъ народовъ подобныя дѣйствія совершаются съ цѣлями совершенно простыми и положительными. Мы находимъ здѣсь строй мысли, при которомъ столь же практично и нравственно-обязательно сжигать или зарывать въ землю жертву, приносимую какому-нибудь духу, какъ отдавать долгъ или дѣлать подарки живымъ друзьямъ, а поститься—дѣло столь же простое, какъ и ѣсть. Современный европеецъ, признающій за собой душу, но не признающій ее ни въ лошади, ни въ собакѣ, долженъ перенестись въ совершенно иную сферу философскихъ воззрѣній при изученіи дикихъ народовъ. У нихъ не только люди, собаки, лошади, птицы, но и деревья, зерновый хлѣбъ, плоды, топоры, копья, даже лодки, все одарено душою. Когда человѣкъ умираетъ, душа его, нѣчто неосязаемое и обыкновенно невидимое, уходитъ, подобно тѣлу, куда-то, въ невѣдомую, будущую жизнь. Жены и невольники, которые окружали его и прислуживали ему на землѣ, должны продолжать служить ему, вслѣдствіе чего ихъ убиваютъ, чтобы души ихъ могли послѣдовать за его душою; точно такимъ же образомъ и съ тою же самою цѣлью предаются смерти собака и лошадь покойника, чтобъ ихъ души могли быть полезными душѣ ихъ владѣльца; трупъ, одежды, лукъ и стрѣлы, трубка и кисетъ, все это сжигается или зарывается въ землю, съ той же цѣлью, чтобъ ихъ душа или духъ отправились туда, гдѣ могутъ ими пользоваться духи покойниковъ. Такъ между индіанцами Сѣверной

Америки племена рыболововъ и лодочниковъ хоронятъ своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ каноэ и веслами, совершенно готовыми спуститься на воду на томъ свѣтѣ. Душа покойнаго слѣдуетъ за душами каноэ, веселъ и багра, къ которымъ ему стоитъ только протянуть руку. Племена звѣролововъ зарываютъ вмѣстѣ съ умершимъ лукъ и стрѣлы или ружье, такъ что онъ можетъ охотиться вволю, въ счастливыхъ долинахъ загробнаго міра. Было бы скучно перечислять всѣ подобные похоронные обряды; низшія расы, у которыхъ они не встрѣчаются, составляютъ исключенія изъ правила. Для употребленія умершаго приносятъ въ жертву все, чѣмъ онъ владѣлъ на землѣ: женъ, невольниковъ, родныхъ, лошадей, домъ, одежду, оружія, пищу, украшенія, лодки, припасы для путешествія, собаку, какъ путеводителя на трудномъ пути къ тому свѣту, деньги для уплаты за перевозъ черезъ водяное пространство, отдѣляющее этотъ міръ отъ будущаго, или за пропускъ черезъ мостъ, ведущій въ небо. И нѣтъ ни малѣйшаго разрыва въ цѣли, для которой эти предметы приносятся въ жертву; не существуетъ мнѣнія, что жены и невольники сжигаются для сопутствованія мертвецамъ, а остальныя вещи по какой-либо иной причинѣ. Философія низшихъ расъ въ высшей степени послѣдовательна; тутъ нѣтъ различій; цѣль при сожиганіи женъ, невольниковъ, лошадей, каноэ и оружія, одна и та же— польза умершаго; дикіе твердо вѣрятъ, что когда невольники, лошади, лукъ и стрѣлы восходятъ къ небу въ дымѣ горящаго костра, или когда они зарыты въ землю и сгніютъ тамъ, то души ихъ послѣдуютъ за душой усопшаго. Жена Евкрата вернулась съ того свѣта за туфлей, которая завалилась какъ-то за шкафъ, и такимъ образомъ избѣгла сожженія. Призракъ Мелиссы явился ея мужу, дрожа отъ холода, потому что не сожгли одежду, которая ей была нужна на томъ свѣтѣ.

На Востокѣ, и въ наше время, уроженцы острововъ Сулу покупаютъ за большія деньги преступника, приговореннаго къ смерти, съ тѣмъ, чтобы самимъ убить его, и пріоб-

рѣтаютъ, такимъ образомъ, въ будущей жизни, душу-невольницу, для прислуживанія своей душѣ. Душа императора Кохинхины и на томъ свѣтѣ окружена всей утварью и роскошью, которой пользовался онъ здѣсь, и которую сожми послѣ его смерти, а огромные запасы пищи поддерживаютъ его духовное существованіе.

Мы находимъ, что въ Южной Америкѣ этотъ обычай сталъ помѣхою общественному развитію, такъ какъ, по смерти человѣка, все его имущество исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ съ лица земли, и накопленіе собственности дѣлается невозможнымъ. Мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ племенъ Сѣверной Америки обычай, что полированные камни и шары, употребляемые въ національной игрѣ, объявлены собственностью общины, и лишь такимъ образомъ избѣгаютъ участи быть зарытыми въ землю вмѣстѣ съ другими вещами покойника. Изъ этого мы можемъ нѣсколько понять всю силу этого обычая, существовавшаго, какъ видно изъ тысячи свидѣтельствъ, во всѣ времена на противоположнѣйшихъ концахъ земнаго шара. Жертвоприношеніе усопшихъ играетъ, безспорно, главную роль между обычаями низшихъ расъ.

Мы можемъ прослѣдить это жертвоприношеніе при обращеніи его въ символическое дѣйствіе и въ пустую церемонію, какъ обыкновенно бываетъ съ обрядами, когда они войдутъ въ религію болѣе развитыхъ расъ.

Всѣмъ извѣстно, что китайцы сжигаютъ съ своими покойниками бумажныя изображенія монеты, бумажныя изображенія платья и разныхъ другихъ подарковъ; такимъ образомъ дѣйствительныя приношенія замѣнились символическими, и этотъ переходъ дѣйствія, имѣющаго практическое значеніе, въ символическое встрѣчаемъ и въ приношеніяхъ мертвымъ, вошедшихъ въ римскія погребальныя церемоніи, и въ маленькихъ игрушкахъ и украшеніяхъ, находимыхъ въ гробахъ христіанъ перваго времени, и въ наше время, въ цвѣтахъ, бросаемыхъ въ могилы и въ гирляндахъ, которыми ихъ украшаютъ.

Жертвоприношенія духамъ воды и лѣса, богамъ высшаго

и низшаго разряда, происходятъ совершенно въ томъ же порядкѣ, имѣютъ ту же цѣль, и то же основаніе, какъ и жертвоприношеніе покойникамъ, но они чаще встрѣчаются въ видѣ пустой церемоніи въ высшихъ расахъ, нежели въ низшихъ, какъ дѣйствіе, имѣющее практическую цѣль. Однако, едва-ли можно указать опредѣленную разницу душъ умершихъ, о которыхъ думаютъ, что онѣ обращаются въ духовъ, въ демоновъ или въ боговъ, отъ духовныхъ существъ вообще; слѣдовательно, повидимому, справедливо употреблять одно и то же объясненіе для жертвъ, приносимыхъ тѣмъ и другимъ. Китаецъ устраиваетъ свой пиръ для покойниковъ, ожидаетъ пока ихъ души наѣлись досыта душою кушаній, и затѣмъ приступаетъ самъ къ оставшемуся ихъ тѣлу. Точно также жители Фиджи устраиваютъ пиры для утоленія голода ихъ прожорливыхъ боговъ; но эти боги—духи, и пожираютъ не вещество нами видимое, а душу пищи, душу, которая можетъ быть отдѣлена отъ самой пищи. Такъ племена раджимахаловъ приносятъ въ жертву богу мясо и рисъ, ставятъ все это въ шатеръ, и нѣсколько времени спустя, когда по ихъ соображенію, богъ могъ уже насытиться, входятъ въ шатеръ и поѣдаютъ приготовленныя яства. Вообще, почти вездѣ существуетъ обыкновеніе, что вѣрующіе сами пользуются своими приношеніями богамъ, и это весьма разумно съ точки зрѣнія вышеприведенной теоріи о душахъ.

И такъ, мы видимъ, что въ низшихъ расахъ приношенія богамъ или душамъ усопшихъ суть вовсе не исполненіе простаго обряда, и даже не актъ самоотверженія, какъ въ высшихъ расахъ, которыя внесли подобныя дѣйствія въ свои религіозныя системы. У низшихъ расъ это дѣло весьма простое, имѣющее практическій смыслъ; онѣ просто отдаютъ душамъ усопшихъ, или другихъ духовныхъ существъ, души людей, животныхъ и другихъ нужныхъ предметовъ, какъ бы онѣ давали подарокъ живому человѣку, или платили подати государю.

Другой обрядъ, о которомъ мы говорили, именно постъ, тоже весьма распространенъ между низшими расами. Для

нихъ весь міръ наполненъ духами. Дикій философъ вполнѣ убѣжденъ, что все въ природѣ имѣетъ двойное существованіе: тѣлесное и духовное; деревья, рѣки, звѣзды, вѣтеръ, все это имѣетъ душу. Душа не всегда обитаетъ въ тѣлѣ, она можетъ покидать его и возвращаться снова. Души, населяющія міръ этихъ людей, для нихъ большею частью невидимы на яву, за то во снѣ эти души вещей являются далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пребываютъ сами вещи. Тогда душа спящаго оставляетъ его тѣло и посѣщаетъ другія души вещей, или онѣ посѣщаютъ ее. Въ современномъ цивилизованномъ мірѣ развѣ спиритисты могутъ представить себѣ это постоянное общеніе человѣка низшихъ расъ съ душами вещей; къ нимъ обращаются они за совѣтомъ, какъ поступать въ извѣстномъ случаѣ; отъ нихъ узнаютъ прошедшее и настоящее. И вотъ, чтобы достигнуть желаннаго сообщенія съ духовнымъ міромъ, человѣкъ употребляетъ способъ, которому научилъ его опытъ и который безошибочно ведетъ къ цѣли: онъ нѣкоторое время совершенно отказывается отъ пищи. Скоро наступаетъ бредъ, появляются галлюцинаціи... Онъ видитъ тѣхъ, кого хотѣлъ видѣть. Когда онъ извлекъ желаемую пользу изъ этого сообщенія съ духовнымъ міромъ, онъ снова принимаетъ пищу и приходитъ въ нормальное состояніе.

Во многихъ племенахъ Сѣверной Америки, у каждаго человѣка есть свой особенный духъ, охраняющій его; это обыкновенно какое-нибудь животное. Но чтобъ узнать, какому существу предназначено быть его хранителемъ, онъ постится до тѣхъ поръ, пока не увидитъ его призракъ. Шарльвуа разсказываетъ, что дѣтей часто заставляютъ поститься, когда отцы ихъ отправляются на охоту; бѣдныя существа становятся прорицателями, видятъ души убитыхъ звѣрей, и вообще все случившееся. У абипоновъ Южной Америки заклинатели всегда постятся до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ состояніе, въ которомъ считаютъ возможнымъ прозрѣвать будущее. Каждому индусу хорошо извѣстно, какъ довести себя постомъ до религіознаго экстаза, въ которомъ возможно со-

общеніе съ высшимъ міромъ. Средство это употребляется и въ болѣе развитыхъ религіозныхъ системахъ; въ исламѣ, напримѣръ, постъ составляетъ отличительную черту религіи; онъ былъ учрежденъ въ глубокой древности, и Мухаммедъ только удержалъ его. Даже въ Европѣ встрѣчаются случаи употребленія поста, для того, чтобы довести человѣка до полнѣйшей экзальтаціи, чтобы имѣть сообщеніе съ духовнымъ міромъ. Психіатрія смотритъ, конечно, на это совершенно иначе, и только на основаніи реалистическаго міросозерцанія, эти явленія получаютъ раціональное объясненіе, и вызываютъ раціональную практику. Впрочемъ, борясь съ истощеніемъ тѣла пощеніемъ, медикъ въ Европѣ борется съ обрядомъ, потерявшимъ свое первобытное значеніе и обратившимся лишь въ преданіе. Но для людей низшихъ расъ, поститься для того, чтобы сообщаться съ духами, такъ же просто и практично, какъ ѣсть, чтобы утолить голодъ.

Еще одно вѣрованіе, чрезвычайно распространенное между людьми различной степени культуры, и тоже легко объясняющееся младенческой степенью развитія у низшихъ расъ—это магія. Мы не станемъ подробно останавливаться на этомъ предметѣ, но очень хорошо извѣстно, что она еще существуетъ въ разныхъ видахъ и въ наше время. Это слабые остатки весьма обширной техники колдовства, остатки, потерявшіе смыслъ въ настоящемъ. Читатели, знакомые съ послѣднимъ трудомъ г. Афанасьева [1]) могутъ видѣть, въ какой мѣрѣ эти остатки еще существуютъ между славянами; а что Германія не уступаетъ славянамъ въ этомъ отношеніи, доказываетъ сочиненіе Вутке объ этомъ предметѣ [2]) и еще лучше появившійся въ 1868 году въ Лейпцигѣ сборникъ Кербера [3]) симпатическихъ средствъ для всякихъ случай-

[1]) А. Афанасьевъ: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» (1866—1868).

[2]) A. Wuttke: «Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart». (1860).

[3]) K. Fr. Körber: «Die Sympathie und ihre Anwendung bei menschlichen Krankheiten und Gebrechen, od. der sympathetische Hausarzt» (Leipzig, 1868). Замѣтимъ, что Русъ (Rusz) въ своихъ статьяхъ о предразсудочныхъ способахъ леченія («Unsere Zeit» 1868,

ностей. Другіе народы Европы стоятъ совершенно на той же ступени. Астрологическіе календари еще въ ходу въ Европѣ. Гаданіе помощью ключа и библіи весьма распространено еще до сихъ поръ. Въ деревняхъ цивилизованныхъ странъ Европы дѣлаютъ сердца, и втыкаютъ въ нихъ булавки, желая поразить сердце извѣстныхъ личностей; то же самое дѣлаетъ дикарь.

Но дикарь, даже дикарь нашего времени, видитъ все это въ иномъ свѣтѣ; все это кажется ему очень понятно, потому что вытекаетъ изъ той теоріи первобытной философіи, изъ которой онъ еще не выступилъ. Его теорія представленій шире нашей; онъ усвоилъ себѣ мысль, что представленіе связано съ предметомъ представляемымъ, и потому онъ заключаетъ, какъ мы это сдѣлать не можемъ, что все, что дѣйствуетъ въ немъ на представленіе предмета, должно производить соотвѣтственное дѣйствіе и на предметъ, внѣ его находящійся, и соотвѣтствующій представленію.

Преданіе, что существуетъ низшая раса людей съ хвостами, очень распространено, и въ одномъ изъ племенъ Ю. Америки есть слѣдующее обыкновеніе: на свадьбахъ, отецъ одного изъ новобрачныхъ рубитъ дерево, — символическое дѣйствіе, имѣющее цѣлью предохранить будущихъ внуковъ отъ могущаго вырости у нихъ хвоста. Это настолько же разумно, какъ и обыкновеніе среднихъ вѣковъ, существующее, кажется, еще и въ наше время, погружать образъ какого нибудь святаго въ воду, омочить его для того, чтобъ полилъ дождь въ достаточномъ количествѣ, и смочилъ землю. Мы называемъ это символическимъ обрядомъ, и думаемъ, что этимъ объяснили все. Изученіе же низшихъ расъ показываетъ намъ, что дѣйствіе, которое мы называемъ символическимъ обрядомъ, и къ чему относимся какъ къ фантазіи воображенія не вполнѣ искренней, составляетъ для дикаго дѣйствительный элементъ его обычнаго убѣжденія, и занимаетъ

1 Nov.) на первой же строкѣ говоритъ объ употребленіи заговоровъ и другихъ подобныхъ пріемовъ, что они встрѣчаются in jeder Gegend unsers deutschen Vaterlandes.

важное мѣсто въ его высшихъ философскихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ. Вся эта техника колдовства послѣдовательно вытекаетъ изъ его теоріи представленій; мы уже не слѣдуемъ этой теоріи, но она присутствуетъ среди насъ, въ нашихъ обычаяхъ и мнѣніяхъ, и на сколько она еще сильна среди насъ, мы можемъ узнать лишь помощью весьма тщательныхъ и обширныхъ розысканій.

И такъ мы открываемъ между самыми дикими племенами міросозерцаніе, которое въ весьма сильной степени оставило слѣды и въ нашемъ обществѣ. Если низшія расы представили намъ въ предъидущемъ нѣчто весьма близкое къ животнымъ, то теперь мы не можемъ не признать въ нихъ существа, близкія намъ по обычаямъ, вліявшія на насъ по строю своихъ мыслей. Для того, чтобы ознакомиться съ результатами послѣднихъ изслѣдованій, относительно ихъ развитія, воспользуемся данными, встрѣчающимися у Шафгаузена въ статьѣ нѣмецкаго антропологическаго журнала [1]), гдѣ резюмированы упомянутые результаты, а также въ книгѣ Лэббока [2]), главная цѣль которой—сравнить бытъ доисторическаго человѣка съ бытомъ низшихъ племенъ новѣйшаго времени.

9. Низшая ступень человѣчества.

«Кто желаетъ изучать человѣка — говоритъ Шафгаузенъ—тотъ не долженъ ограничиваться собой или разсматривать ту или другую личность, какъ истинный образецъ человѣка; онъ долженъ изучать человѣка всѣхъ странъ и временъ, на всѣхъ ступеняхъ ризвитія, не пренебрегая при этомъ какъ утонченнымъ жителемъ европейскихъ городовъ, такъ и грубымъ сыномъ дикихъ странъ».

«Какъ часто приписываютъ человѣку вообще то, что вовсе не составляетъ достояніе каждаго человѣка! Человѣче-

[1]) H. Schaaffhausen: «Ueber den Zustand der wilden Völker» въ «Archiv f. Anthropologie» II, 161 и слѣд.
[2]) J. Lubbok: «Pre-historical Times» 1885. Chap. XI—XIII.

скій разумъ, облагораживающій насъ, такъ же различно развитъ, какъ и строеніе тѣла, то поразительно схожее съ обезьяной, то выказывающее божественную красоту».

«Природа, населившая всякую страну различными животными и растеніями, разнообразила и человѣческій образъ, смотря по мѣстностямъ, и, чтобы правильно оцѣнивать человѣка, мы не должны отдѣлять его отъ природы, его окружающей».

Обращаясь къ изученію спеціально тѣхъ народовъ, которыхъ называютъ дикими, Шафгаузенъ спрашиваетъ себя: каково тѣлесное и умственное развитіе дикихъ племенъ? Которое изъ нихъ занимаетъ низшую ступень въ человѣчествѣ?

Въ этомъ отношеніи мнѣнія различны. Африканскіе негры, которые долго считались низшей расой изъ всѣхъ по общественности, и еще Вайцомъ были поставлены на низшую ступень, давно уже нашли болѣе достойныхъ соперниковъ въ этомъ отношеніи. По словамъ Лэббока [1]), Кукъ, Дарвинъ, Фицрой и Уоллэсъ склонились на сторону жителей Фиджи. Бурчель—на сторону африканскихъ бушменовъ. Д'Юрвиль находитъ, что австралійцы и тасманійцы всѣхъ ниже. Дампьеръ считалъ австралійцевъ «несчастнѣйшимъ народомъ міра»; Форстеръ сказалъ, что островитяне на Малликало «приближаются болѣе другихъ къ обезьянамъ»; Оуэнъ склонялся на сторону андаманцевъ, другіе на сторону сѣверо-американскихъ корнероекъ (root diggers), и одинъ французскій писатель находилъ, что даже обезьяны человѣчнѣе лапландцевъ. Шафгаузенъ поддерживаетъ въ этомъ отношеніи печальное преимущество австралійцевъ и нѣкоторыхъ островитянъ Южнаго океана, а затѣмъ, бушменовъ. О нѣкоторыхъ черныхъ туземцахъ Индіи мы имѣемъ тоже отрывочные, въ высшей степени странные разсказы, требующіе еще подтвержденія.

«Нетрудно—говоритъ Шафгаузенъ—нарисовать портретъ этихъ дикарей въ общихъ чертахъ: узкая голова, съ низкимъ лбомъ, сплюснутый носъ, выступающія челюсти, глубоко

[1]) Стр. 445.

впавшіе маленькіе глаза, наклоненное впередъ тѣло, длинныя руки, съ узкими кистями, нога безъ икры, ступни безъ подъема; отдѣленный большой палецъ на ней—вотъ главнѣйшіе признаки, встрѣчающіеся въ самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой странахъ, въ Австраліи, какъ и въ Африкѣ. Всѣ эти особенности анатомъ не можетъ не признать за приближеніе къ типу животныхъ, какую бы пропасть ни находили между человѣкомъ и обезьяной. Но именно то обстоятельство, что ученый профессоръ пытается начертить о б щ і й портретъ для расъ весьма различныхъ, не можетъ не удивить читателя, и въ подобныхъ случаяхъ частныя описанія представляютъ гораздо болѣе вѣроятности.

Мы говорили уже, что, по Шафгаузену, какъ и по многимъ другимъ авторамъ, едва-ли не самая жалкая порода людей населяетъ нѣкоторыя части Новой Голландіи. «Ничего не можетъ быть отвратительнѣе—говоритъ одинъ путешественникъ—какъ видѣть уроженку Новой Голландіи, съ высохшими кривыми ногами, съ грушевидными грудями, которыя она можетъ, по произволу, перекидывать черезъ плечо, съ впавшими, воспаленными глазами, часто съ ранами на головѣ, изъ которыхъ постоянно сочится гной, совершенно нагую, нагруженную дѣтьми и домашней утварью» [1]). **Вообще эти племена** отличаются исхудалымъ тѣломъ, и морщинистымъ, обезьяннымъ лицомъ, съ полузакрытыми глазами; покрытые всевозможною нечистотою, бродятъ они небольшими шайками, вооруженные щитами изъ древесной коры и длинными копьями, на оконечностяхъ которыхъ насаженъ обыкновенно или кусокъ твердаго дерева, или рыбья кость. Кукъ нашелъ, что они не умѣли даже охотиться за кенгуру, питались моллюсками и морскими животными, не имѣя другаго жилища, кромѣ дупла дерева или сплетеннаго изъ вѣтвей шалаша. Они, по словамъ Шафгаузена, «настоящіе сыны своей скупой родины, недавшей имъ даже гибкаго дерева, изъ котораго они могли бы сдѣлать себѣ лукъ, родины,

[1]) И въ этомъ-то племени, Грей говоритъ о граціозности.

которая, со своими лишенными тѣни лѣсами, со своими двуутробками и утконосами, представляетъ столько поразительныхъ явленій, что наблюдатель готовъ принять страну за первобытное состояніе земнаго шара, оставшееся безъ измѣненія».

Немного лучше въ безплодныхъ степяхъ Южной Африки должна быть жизнь несчастныхъ бушменовъ, презираемыхъ сосѣдями, бушменовъ, которые, на сѣверо-западѣ отъ Наталя живутъ въ земляныхъ ямахъ, вырытыхъ просто руками, питаясь насѣкомыми, отвратительными гадами и маленькими птицами, которыхъ они пожираютъ неощипанными. Крапфъ разсказываетъ, со словъ одного невольника, что на югѣ отъ Шоа, одной изъ неизслѣдованныхъ до сихъ поръ странъ Абиссиніи, живетъ племя доко, которое ростомъ не выше четырехъ футовъ (средній ростъ десятилѣтняго ребенка). Они темно-оливковаго цвѣта, и живутъ совершенно въ животномъ состояніи; безъ жилищъ, безъ всякаго храма или священнаго дерева, безъ предводителей, безъ оружія. Они питаются кореньями, плодами, мышами, муравьями, змѣями и лазятъ по деревьямъ не хуже обезьянъ. У нихъ толстыя, выдающіяся губы, сплюснутый носъ, маленькіе глаза, длинные, вьющіеся волосы; длинные когти служатъ имъ для вырыванія кореньевъ и муравьевъ и для разрыванія змѣй, которыхъ они пожираютъ сырыми. Огонь имъ неизвѣстенъ [1]). Они размножаются быстро, но безъ всякаго понятія о супружествѣ или семьѣ. Оба пола ходятъ совершенно нагими и живутъ отдѣльно. Ихъ часто ловятъ сосѣднія, сильнѣйшія расы и обращаютъ ихъ въ рабовъ. „При этомъ описаніи— говоритъ Шафгаузенъ—невольно припомнятся пигмеи Геродота, которые, по его словамъ, обитали во внутренности Африки“.

Маленькіе, черные минкопіи на Андаманскихъ островахъ Бенгальскаго залива, которыхъ Фитче (Fytche) считаетъ [2])

---

[1]) Какъ увидимъ ниже, всѣ подобныя свѣдѣнія переданы не очевидцами.

[2]) „Aussland“ 1862 № 20.

папуасами, выказываютъ дикость, рѣдко гдѣ встрѣчающуюся, и не знаютъ семьи; но то, что говоритъ Р. Оуэнъ [1]) о строеніи ихъ черепа и тѣла, заставляетъ думать, что они скорѣе принадлежатъ къ племени, весьма отсталому по замкнутости жизни, нежели къ племени, оставшемуся въ первобытномъ состояніи; у нихъ хорошо сформированная передняя часть головы, красивыя маленькія уши, не толстыя губы, волосы ихъ ростутъ прядями. Но Оуэнъ думаетъ, что это одна изъ древнѣйшихъ первобытныхъ расъ нашего рода. Они ходятъ нагими, не имѣютъ, какъ слышно, никакого понятія о Богѣ или будущей жизни, лишены всякой стыдливости, но они не людоѣды. Одинъ изъ индѣйскихъ синаевъ прожилъ между ними около году, и отъ него имѣемъ первое подробное описаніе ихъ жизни. Они вообще похожи на черныхъ обитателей Филиппинскихъ острововъ Явы, Борнео и Цейлона, встрѣчающихся и до сихъ поръ, и безспорно составляющихъ отдѣльную расу. Изъ изслѣдованіи Оуэна видно, что, по строенію тѣла и черепа, андаманцы не представляютъ признаковъ, близкихъ къ животному типу.

Де-ла-Жироньеръ, проведшій нѣсколько дней между ахетасами (ajetas), обитающими во внутреннихъ горахъ Люсона, говоритъ о нихъ [2]): „Народъ показался мнѣ скорѣе похожимъ на большое семейство обезьянъ, нежели на человѣческія существа, ихъ языкъ походилъ на отрывистые крики этихъ животныхъ; движенія тоже совершенно напоминали обезьянъ, единственное ихъ отличіе состояло въ томъ, что они употребляли лукъ и стрѣлы, и умѣли добывать огонь“.

Въ неприступныхъ мѣстностяхъ Индіи живутъ, какъ слышно, еще люди до того похожіе на животныхъ, что дали поводъ предполагать въ ихъ существованіи источникъ мифа объ обезьянѣ Гануманѣ, которая помогла Рамѣ завоевать Ланку, то-есть Цейлонъ.

Въ журналѣ бенгальскаго азіатскаго общества сказано,

[1]) «Report of the Britt. Assoc». 1861.
[2]) W. Earl: Native races of Indian Archip. (1853).

что между кулисами-дхангуръ, работавшими на кофейной плантаціи, находились въ 1824 г. два человѣка, мужчина и женщина, которыхъ называли людьми-обезьянами. Они не понимали дхангурскаго языка, и объяснялись на особенномъ нарѣчіи. Пиддингтонъ говоритъ, что мужчина былъ малъ ростомъ, со сплюснутымъ носомъ и со странными, дугообразными морщинами около угла рта и на щекахъ. По его шероховатой, черной кожѣ, росли рыжеватые волосы; руки были очень длинны. Эти люди показывали кулисамъ знаками, что живутъ далеко въ горахъ, гдѣ находятся деревни ихъ племени. Позже, Пиддингтонъ узналъ, что Трайль, британскій уполномоченный въ Кумаонѣ, видѣлъ одного подобнаго же человѣка, изъ живущихъ на деревьяхъ въ лѣсахъ Тераи, и нашелъ его совершенно схожимъ съ обезьяной. Подобные же люди встрѣчаются, какъ слышно, и въ Читагонгѣ. Фонъ-Гюгель, сдѣлавшій такое невыгодное описаніе новоголландцевъ, ставитъ [1]) нѣкоторыхъ обитателей гористыхъ мѣстностей Индіи еще ниже ихъ, потому что эти существа не дошли еще даже до образованіи какой-либо общины, и въ нихъ едва-ли найдемъ организованную семью. Мужъ и жена живутъ отдѣльно, и при случайной встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь, тотчасъ ищутъ убѣжища на деревьяхъ. Есть еще одно извѣстіе о дикаряхъ Индостана, встрѣчающихся въ джонгляхъ на югѣ отъ Нильгеррійскихъ горъ. Путешественникъ видѣлъ два женскія существа, живущія въ дуплѣ дерева, и сначала не могъ опредѣлить, люди ли это или обезьяны; въ особенности показались ему замѣчательными маленькіе живые глаза и морщинистыя лица.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ американскимъ путешественникомъ Джибсономъ, на островѣ Банса, близъ Суматры, живутъ въ лѣсахъ цѣлыя стада дикихъ обезьянъ и человѣческое племя, называемое орангъ-кообосъ, которое ходитъ нагимъ, покрыто волосами, и имѣетъ весьма несовершенный языкъ. Малайцы, живущіе на Суматрѣ, кладутъ на окраинѣ

[1]) «Amtlicher Bericht der Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte in Prag. 1851.

лѣсовъ куски краснаго сукна и другіе привлекательные предметы, но при появленіи дикихъ, удаляются и находятъ, на на мѣстѣ положенныхъ ими предметовъ, росной ладонъ и камфору. То же разсказываютъ и про племя веддахъ, на островѣ Цейлонѣ, съ которымъ аравійскіе купцы ведутъ такую же нѣмую торговлю, какъ, по словамъ Геродота, уже въ его время вели финикіяне съ народами западнаго берега Африки. Джибсонъ упоминаетъ еще объ одномъ племени, называемомъ орангъ-гугуръ, которое находится въ еще болѣе дикомъ состояніи, почти не имѣетъ подбородка, тѣло покрыто волосами, ноги безъ икръ съ длинными пятками, длинныя руки, уходящій назадъ лобъ и выдающіяся челюсти.

Можетъ быть многое преувеличено въ существующихъ свѣдѣніяхъ насчетъ тѣлосложенія и сходства съ обезьянами этихъ дикихъ народовъ, но нельзя отвергать и возможности, что полученныя свѣдѣнія вѣрны. Ученое изслѣдованіе этихъ малоизвѣстныхъ остатковъ древнихъ обитателей Южной Азіи можетъ дать не мало указаній, весьма важныхъ для антрополога. Старое, но до сихъ поръ повторяющееся, сказаніе о людяхъ съ хвостами опирается на весьма сомнительныя данныя, хотя, конечно, удлиненіе спиннаго хребта можетъ встрѣчаться у отдѣльныхъ личностей. Относительно абиссинскихъ ніамъ-ніамъ, оно оказалось ошибочно, но на Зондскихъ островахъ эта особенность въ строеніи тѣла, по свидѣтельству Кэгеля [1]), встрѣчается часто.

Таковы свѣдѣнія, собранныя до сихъ поръ учеными относительно племенъ, которыя оспариваютъ одно у другаго печальное право занимать мѣсто на низшей ступени человѣческаго развитія. Подымаясь нѣсколько выше и сравнивая свѣдѣнія о народахъ, которыхъ мы привыкли обобщать однимъ названіемъ «дикіе», мы должны признать за ними весьма различную степень развитія. Отдѣлка языка, половыя и семейныя отношенія, устройство жилищъ, пища, оружіе,

[1]) «Ausland» 1858, № 46; 1862, № 31.

обычаи и обряды—все въ нихъ различно. Кромѣ того, извѣстія объ нихъ и недостаточны и противорѣчивы въ отношеніи всего, что̀ касается умственнаго и нравственнаго развитія племенъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что лучшіе и самые ученые путешественники: Кукъ, Форстеръ, принцъ Максимиліанъ фонъ-Видъ, Александръ фонъ-Гумбольдтъ сообщаютъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ неблагопріятныхъ свѣдѣній о дикихъ племенахъ, съ которыми они были въ сношеніяхъ. Обратимся сначала къ худшимъ явленіямъ жизни этихъ народовъ.

Относительно лѣдоѣдства, повидимому, наиболѣе оскорбляющаго человѣческое достоинство, и на которое указываютъ обыкновенно какъ на самое глубокое извращеніе человѣческой природы, Шафгаузенъ говоритъ, что не вездѣ этотъ обычай обусловливается первобытною грубостью быта; часто онъ уже является результатомъ нужды, а потомъ переходитъ въ обычай или въ религіозный обрядъ. Новозеландцы, по свидѣтельству Гохштетера [2]), дошли до людоѣдства только по истребленіи всѣхъ большихъ птицъ своей страны. Свиньи, введенныя уже Кукомъ, картофель и христіанство, какъ слышно, уничтожили этотъ обычай, послѣдній случай котораго упоминается въ 1843 году. Но въ іюнѣ 1865 года въ Англіи получили извѣстіе о безчеловѣчномъ убійствѣ миссіонера Фолькнера маорисами. Они бросили его внутренности собакамъ, сами пили его кровь и раздѣлили между собой сердце, печень и другія части его тѣла. Впрочемъ, людоѣдство, въ случаѣ нужды, довольно обыкновенно. Безчисленные примѣры того, что, въ виду голодной смерти, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ прибѣгали къ этому послѣднему средству, представляются намъ въ голодные года, при осадѣ городовъ и при кораблекрушеніяхъ. Людоѣдство господствовало въ древнія времена у всѣхъ древнихъ наро-

---

[2]) Это сочиненіе вышло въ оригиналѣ въ 1863 году, но недавно вышелъ англійскій переводъ «New Izealand etc.», by Ferd. v. Hochstetter, съ добавленіями автора, доведенными до 1866 г.

довъ Европы; оно было очень распространено въ Америкѣ, отчего и произошло названіе племени атакопасъ; и еще Александръ фонъ-Гумбольдтъ слышалъ близь Кассиквіаре объ одномъ алькадѣ, который, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, нарочно откормилъ одну изъ своихъ женъ, чтобы потомъ ее съѣсть. Людоѣдство существуетъ до сихъ поръ на островахъ Южнаго океана, въ Бразиліи, въ Западной Африкѣ и даже въ Индостанѣ.

Обитатели острововъ Фиджи, по словамъ Мэтью (Matthew), пріучаютъ съ малолѣтства своихъ дѣтей рубить на куски дѣтей враговъ, взятыхъ въ плѣнъ. Это племя считаютъ самымъ способнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ кровожаднымъ изъ всѣхъ океанійцевъ. Когда строятъ домъ для господина, рабовъ его зарываютъ живыхъ подъ фундаментъ; при погребеніи господина всегда истребляютъ множество рабовъ; при спускѣ лодки, назначенной для войны, эти несчастные служатъ живымъ скатомъ.

Въ округѣ Дрекетъ весь низшій классъ народонаселенія предназначается исключительно для жертвоприношеній или для угощенія на офиціальныхъ обѣдахъ въ торжественныхъ случаяхъ. Жизнь этихъ несчастныхъ такъ ужасна, что, разсказываютъ, будто они ждутъ своей смерти не только съ покорностью, но даже рады ей. Слово б о к о л а обозначаетъ на языкѣ туземцевъ и трупъ и съѣстной товаръ. Лучшимъ подаркомъ, который только можно поднести друзьямъ, считается изжаренное и приправленное человѣческое тѣло. Трупъ кладутъ на носилки, придаютъ ему сидячее положеніе, тщательно сложивъ и привязавъ члены, вымазываютъ красной краской, украшаютъ голову перьями, даютъ въ руки трупу палку или вѣеръ, и такимъ образомъ доносятъ до мѣста назначенія [1]). Но по свѣдѣніямъ, полученнымъ десять лѣтъ тому назадъ съ этихъ острововъ, извѣстно, что методисты-проповѣдники жили тамъ нѣсколько лѣтъ, между кровожаднѣйшимъ народомъ земнаго шара, не имѣя ни малѣйшаго повода къ жа-

[1]) „Ausland“, 1885 по „Quarterly Review“.

лобѣ. Они были такъ увѣрены въ своей безопасности, что, однажды, жены миссіонеровъ мистриссъ Лисъ (Lith) и мистриссъ Кальвертъ, узнавъ, что въ извѣстный день нѣсколько военноплѣнныхъ должны быть зарѣзаны и съѣдены на одномъ изъ сосѣднихъ острововъ, отправились однѣ, въ лодкѣ, на мѣсто убійства. Онѣ опоздали, но не совсѣмъ: уже пало десять жертвъ, но еще трое оставались въ живыхъ. Смѣло выступили обѣ женщины предъ собраніемъ и требовали пощады для оставшихся въ живыхъ. Пораженный ихъ мужествомъ, начальникъ людоѣдовъ тотчасъ согласился на ихъ просьбу. «Да будетъ такъ, сказалъ онъ: — мертвые умерли, живые останутся живы!». Б. Зээманъ, посѣщавшій Фиджи въ 1860 и 1861 гг., разсказываетъ [1]), будто впродолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ передъ тѣмъ, въ Самосомо, самомъ извѣстномъ по варварству изъ острововъ Фиджи, не съѣденъ ни одинъ человѣкъ, и что королева сдѣлалась ревностною христіанкою. Съ 1854 г. людоѣдство прекратилось и въ столицѣ Бау, благодаря стараніямъ методистовъ. Зээманъ видѣлъ огромные желѣзные котлы, въ которыхъ когда-то варились человѣческія жертвы. Но какъ сомнительны подобные успѣхи, видно изъ новѣйшихъ извѣстій, сообщенныхъ К. А. Эгерштремомъ [2]), который уже пять лѣтъ живетъ на островахъ Фиджи, совершенно, по его словамъ, оставленныхъ европейцами. Они считаютъ до 300,000 жителей, вполнѣ предоставленныхъ самимъ себѣ. Кофейныя и хлопчатниковыя плантаціи остаются необработанными, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, а горныя племена ведутъ постоянную войну съ береговыми. Враговъ, захваченныхъ въ плѣнъ, рубятъ на мелкіе куски, жарятъ въ печкѣ и съѣдаютъ. Шумъ этихъ празднествъ, по словамъ свидѣтеля, раздавался день и ночь. Изъ записки Причарда, помѣщенной въ первомъ томѣ записокъ «Лондонскаго антропологическаго общества» [3]) видно тоже, что людоѣдство на Фиджи существуетъ. Кромѣ того, онъ при-

---

1) Seemann „Viti“.
2) По «Westermann's illustrir. deutsche Monatschrifte», 1864.
3) «Memoirs» etc. I. (1865) 195 и слѣд.

шелъ къ заключенію, на основаніи существующихъ преданій, что оно, въ отношеніи къ иностранцамъ, не составляетъ остатка первобытнаго времени, а введено не особенно давно, какъ религіозно-политическій обычай, относительно всѣхъ иностранцевъ, приносимыхъ теченіемъ къ берегамъ Фиджи. Впрочемъ, дѣлаютъ исключенія для островитянъ группы Самоа и Тонга, съ которыми туземцы Фиджи давно смѣшиваются.

Французамъ, занявшимъ въ 1853 году Новую Каледонію, никакъ не удавалось искоренить людоѣдство между туземцами до тѣхъ поръ, пока они не объявили, что каждый случай людоѣдства будетъ наказанъ смертью. Самымъ же вѣрнымъ средствомъ уничтоженія людоѣдства оказалось, какъ въ Новозеландіи, такъ и у ботокудовъ, введеніе животныхъ, способныхъ замѣнять человѣка. Одинъ изъ главныхъ начальниковъ на островѣ Южнаго океана отвѣчалъ слѣдующими словами на упреки англійскаго капитана въ этомъ отношеніи: „Вамъ хорошо говорить; въ вашей землѣ много быковъ; у насъ нѣтъ быковъ, есть только люди“. „Для такихъ земель—говоритъ Шафгаузенъ—свинья, распространеніе которой не встрѣчаетъ препятствій, сдѣлалась истиннымъ проводникомъ высшей культуры“. Привычка имѣетъ слѣдствіемъ, что эти народы относятся совершенно иначе къ обычаямъ, приводящимъ насъ въ ужасъ. Такъ Ридъ (Reade) разсказываетъ, что одинъ негръ, изъ западно-африканскаго племени, горько жалѣлъ, умирая вдалекѣ отъ своей родины, что тѣло его будетъ съѣдено червями, тогда какъ оно могло бы служить пищей для его родныхъ и друзей. Какъ только дикіе народы оставятъ этотъ обычай, они стыдятся его, и увѣряютъ, что онъ не былъ извѣстенъ и ихъ предшественникамъ. Многія племена негровъ внутренней Африки увѣряютъ, что людоѣдство есть клевета, взведенная на нихъ охотниками на невольниковъ. Но, по словамъ Маджіара (Madgyar), людоѣдство существуетъ между неграми Бихе (Bihe), и, по словамъ дю-Шалью, между неграми Габуна. Когда Форстеръ былъ свидѣтелемъ случая людоѣдства въ Новозеландіи, одинъ молодой человѣкъ съ острововъ Товарищества, гдѣ уже вывелся

этотъ обычай, выказалъ къ нему болѣе отвращенія, нежели матросы-европейцы; онъ убѣжалъ и залился слезами.

Не всегда людоѣдство есть слѣдствіе особенной дикости; оно иногда, какъ сказано выше, удержалось, какъ древній обычай, или даже получило характеръ богослуженія. Въ Австраліи, по свидѣтельству Прюперъ-бея [1]), колдунъ долженъ вкусить однажды человѣческаго мяса, чтобы пріобрѣсти сверхъестественное могущество. Воинъ погружаетъ копье въ свѣжую кровь или жиръ человѣка, чтобы удары оружія были болѣе смертоносны. Мать съѣдаетъ своего мертваго ребенка, чтобы поддержать свое плодородіе. У иныхъ племенъ ѣдятъ умершихъ родителей изъ благочестія, такъ какъ существуетъ обычай уносить ихъ кости. Едва-ли не крайній предѣлъ людоѣдства представляетъ празднество, которое справляютъ батты на Суматрѣ. Они приговариваютъ своихъ преступниковъ или военно-плѣнныхъ быть съѣденными заживо, какъ писалъ Юнгунъ (Junghuhn) въ 1874 году [2]). Жертву привязываютъ къ столбу; раджа вынимаетъ свой ножъ и отрѣзываетъ первый кусокъ тѣла приговореннаго; съ восторгомъ поднимаетъ онъ кусокъ кверху, обсасываетъ, съ блестящими отъ наслажденія глазами, текущую кровь, потомъ подноситъ кусокъ къ огню, чтобы нѣсколько его поджарить и жадно проглатываетъ его. Затѣмъ бросаются на окровавленную жертву всѣ присутствующіе, отдираютъ отъ костей куски мяса, жарятъ его на огнѣ и ѣдятъ, приправленное солью и перцомъ, не обращая вниманія на раздирающіе вопли несчастнаго, который, предъ смертью, видитъ еще, какъ жарятъ и ѣдятъ его собственное мясо. Наконецъ, кости зарываютъ въ землю. О баттахъ слышно, что они не настоящіе малайцы, но индо-европейскаго происхожденія и ихъ богослуженіе считаютъ древнѣе религіи Брахмы и Будды. Ни одинъ европеецъ не проникалъ во внутренность страны баттовъ. Ф. Эппъ говоритъ, что они крѣпко сложены, воинственны, но искусны и въ ремеслахъ: умѣютъ

---

[1]) „Bulletins". 1, 489.
[2]) Junghuhn: «Die Battaländer auf Sumatra» (1847).

плавить металлы, обработываютъ желѣзо и мѣдь и пишутъ на бамбукѣ.

Съ людоѣдствомъ связанъ обычай приношенія людей въ жертву богамъ, обрядъ, слѣды котораго встрѣчаются у всѣхъ древнихъ народовъ. Ю. Цезарь сообщаетъ, что у британцевъ былъ обычай человѣческихъ жертвоприношеній. Германскія племена тоже приносили своихъ плѣнныхъ въ жертву Одину до VIII вѣка. Въ Швеціи обыкновенно для этого бросался жребій, котораго не избѣгали и короли. Ибн-Фоцланъ и Массуди свидѣтельствуютъ о сожженіи живыхъ вмѣстѣ съ покойниками у славянъ и у русскихъ, при погребеніи. При освященіи одного большаго храма въ Мексикѣ въ 1486 году, говорятъ, до 72,000 человѣкъ принесено въ жертву жрецами. Подобные же примѣры рѣзни во время праздниствъ повторяются при торжествахъ королей Дагомея, какъ слышно, лишь съ цѣлью доставить забаву народу, и несмотря на всѣ требованія англичанъ, дагомейцы до сихъ поръ не оставляютъ этого обычая. Когда Жиро присутствовалъ при праздникѣ подобнаго рода въ 1836 году, было убито только отъ 500 до 600 человѣкъ; инымъ изъ нихъ рубили головы, другихъ бросали съ высокой стѣны и подхватывали на штыки; все это дѣлалось для увлеченія. Въ „West African Herald“ 1861 года разсказываютъ, что король принесъ въ жертву памяти своего отца до 2,000 человѣкъ; иные говорятъ до 7,000. Голландскій купецъ Эушартъ послалъ миссіи въ Попо подробное описаніе своего пребыванія въ Дагомеѣ 1862 г. Онъ былъ принятъ королемъ перваго іюля, король сидѣлъ на платформѣ у своего дворца, окруженный своими амазонками; протянулъ ему по-европейски руку и разговаривалъ съ нимъ на португальскомъ языкѣ; потомъ Эушартъ былъ отпущенъ съ приказаніемъ не оставлять въ теченіе трехъ дней своего дома. Пятаго числа его снова призвали къ королю, который сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, окруженный головами жертвъ, умерщвленныхъ въ предыдущую ночь, и произносилъ воинственныя рѣчи; вся площадь, надъ которой возвышалась платформа, была залита кровью. Первый пред-

метъ, бросившійся въ глаза разскащику, былъ распятый трупъ одного миссіонера изъ Сіерра-Леоне, Уильяма Доперти. Его лобъ, грудь, руки и ноги, были пробиты гвоздями; подъ мышкой трупъ имѣлъ большой дождевой зонтикъ убитаго. Эушартъ былъ скоро отпущенъ со внушеніемъ не выходить изъ дома до заката солнца и не глядѣть на улицу. Десятаго іюля его снова привели къ королю; этотъ разъ при немъ на площади были отрублены головы трехъ предводителей племени Ишага. Потомъ притащили двадцать-четыре огромныхъ корзины; въ каждой изъ нихъ находился плѣнникъ, такъ что выглядывала только его голова; сначала поставили эти корзины передъ королемъ, а потомъ стали бросать ихъ ревущей и пляшущей толпѣ, и тотъ, кто успѣвалъ схватить корзину и отрубить голову несчастнаго, получалъ денежный подарокъ (около 70-ти копеекъ). Одинадцатаго числа повторялись тѣ же сцены; послѣ этого впродолженіе десяти дней казней не было, хотя онѣ, кажется, продолжались по ночамъ. На двадцать-второе число назначена была главная рѣзня. На двухъ эстрадахъ, нарочно для этого построенныхъ около дворца, помѣщались по шестнадцати жертвъ, назначенныхъ къ убіенію, и по четыре лошади; на третьей эстрадѣ, внутри дворца, помѣщались шестнадцать женщинъ, четыре лошади и аллигаторъ. Всѣ люди были уроженцы Сіерра-Леоне и взяты въ плѣнъ въ Итагѣ. Одѣтые по-европейски, каждые шестнадцать человѣкъ сидѣли связанные за столомъ и должны были пить за здоровье короля, который, между тѣмъ, дѣлалъ смотръ своему войску, состоявшему изъ 40,000 человѣкъ арміи, 10,000 амазонокъ и 24 полевыхъ орудій, и обѣщалъ войскамъ новую добычу. Для заключенія умертвили всѣхъ приговоренныхъ людей и животныхъ, тщательно наблюдая при этомъ, чтобы кровь тѣхъ и другихъ смѣшалась.

Принесеніе въ жертву людей на похоронахъ было совершенно общимъ обычаемъ въ древней Европѣ, и этотъ обычай можно прослѣдить впродолженіе многихъ вѣковъ. Мы видѣли выше, изъ словъ Тэйлора, что онъ составлялъ со-

вершенно естественную часть первобытнаго міросозерцанія человѣка.

Многія обыкновенія, объясняемыя жестокостью дикихъ народовъ, суть просто послѣдствія страшной нужды. Если грудного младенца хоронятъ вмѣстѣ съ матерью, то потому, что не имѣютъ средствъ для его прокормленія. Бѣдныя, сѣверо-западныя племена въ Соединенныхъ штатахъ оставляютъ дряхлыхъ стариковъ умирать съ голоду; тѣ сами считаютъ приличнымъ слѣдовать обычаю, не жалуются, и въ трогательныхъ выраженіяхъ прощаются со своими дѣтьми и друзьями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи, населенныхъ когда-то вендами, небольшіе лѣса называются лѣсами скорби, потому, будто бы, что тутъ, по преданію, сыновья умерщвляли своихъ престарѣлыхъ родителей, неспособныхъ къ работѣ, и зарывали ихъ на этомъ мѣстѣ. У геруловъ, по словамъ Прокопія, стариковъ сжигали, а женамъ, во избѣжаніе позора, предлагали удавиться. Тюрингенцы, прежде, нежели сжигали своихъ больныхъ, отрубали имъ головы. Сравнительно съ подобными жестокими обычаями, то, чему былъ свидѣтель американецъ Галль въ 1860 г. въ Гренландіи, кажется уже смягченіемъ нравовъ. Онъ видѣлъ собственными глазами, какъ эскимосы положили больную женщину въ шалашъ изъ снѣга, покрыли ее кожами, дали немного пищи, потомъ затворили дверь, обложили ее льдомъ и оставили старуху умирать одну.

При различіи привычекъ, обычаевъ и преданій дикихъ племенъ отъ нашего строя жизни, понятно, что идеалы приличія, человѣческаго достоинства, нравственнаго блага и справедливости у нихъ воплощаются въ чувства и дѣйствія весьма отличныя отъ того, что мы связываемъ съ этими идеалами. Лэббокъ говори, что кардинальныя добродѣтели христіанскаго вѣроученія: вѣра, надежда и любовь, не входятъ въ число добродѣтелей дикарей. На нарѣчіи сихуана нѣтъ выраженій благодарности; у алгонквинцевъ не существуетъ слово любовь; у тиннэ нѣтъ слова для милый; милосердіе, по понятіямъ сѣверо-американскихъ индіанцевъ —большая ошибка,

миръ — зло; смиренія они даже не понимаютъ. Цѣломудріе не считалось добродѣтелью у новозеландцевъ; его не одобряли по совершенно различнымъ причинамъ нѣкоторыя племена Бразиліи, обитатели Разбойничьихъ острововъ и андаманцы. Но жениться на женщинѣ, носящей одинаковое съ нимъ семейное имя, считалось неприличнымъ для австралійца; абипоны считали грѣхомъ произносить свое собственное имя; таитяне полагали предосудительнымъ ѣсть въ обществѣ, и ужаснулись, увидя англійскаго матроса, который несъ на головѣ корзину съ чѣмъ-то съѣдобнымъ. Этотъ предразсудокъ раздѣляли и новозеландцы; а людоѣды на островѣ Фиджи, признававшіе милосердіе за порокъ, а жестокость за добродѣтель, искренно вѣрили, что женщина, татуированная не по надлежащимъ правиламъ, не можетъ надѣяться на счастливую загробную жизнь. Это вѣрованіе раздѣляютъ и эскимосы. Гэлль (Hall) говоритъ, что они «татуируютъ по принципу, потому что знаки, начерченные на этомъ свѣтѣ, будутъ въ будущей жизни служить доказательствомъ достоинствъ человѣка». Въ племени веддахъ считается очень естественнымъ жениться на младшей сестрѣ своей, тогда какъ жениться на старшей такъ же непозволительно, какъ и у насъ. Между жителями острова Дружбы святость верховнаго жреца не допускаетъ его жениться, но онъ можетъ имѣть неограниченное число наложницъ, и даже начальники не смѣютъ отказывать ему, если онъ требуетъ ихъ дочь. Между уроженцами южнаго Уэльса дѣтямъ считается неприличнымъ ходить нагими, хотя женщины никогда не носятъ одежды. Эскимосы считаютъ доказательствомъ дружбы мѣняться съ пріятелями женами на день или на два. Одинъ кандіанскій начальникъ, говоритъ Бэйли, считалъ позоромъ имѣть только одну жену: «точно у обезьянъ», говорилъ онъ. Когда капитанъ Кукъ былъ въ Новой Зеландіи, нѣкоторые изъ его товарищей заключили временные браки съ женщинами маори, и эти браки считались новозеландцами совершенно правильными. Нечего и говорить, что смѣшеніе съ европейцами, выказавшими себя вездѣ умнѣйшими, пове-

лителями и эксплуататорами, внесло еще новый элементъ спутанности въ обычную нравственность низшихъ расъ. Образованные классы европейскихъ націй переживали еще недавно многочисленные примѣры, что семьи, считавшія бракъ таинствомъ и половое совокупленіе безъ брака порокомъ, гордились, если замужняя женщина или дѣвица, удостоивались милости Людовика XIV, Августа-Сильнаго или тому подобныхъ лицъ. Имѣетъ ли въ такомъ случаѣ европеецъ малѣйшее право улыбнуться надъ женщиной низшей расы, считающей себѣ честью имѣть ребенка отъ бѣлаго? Правду сказать, иныя изъ низшихъ расъ въ этомъ отношеніи показали себя болѣе строгими, чѣмъ маркизы, бароны, князья и богатые буржуа Европы.

Впрочемъ, должно сознаться, что многіе дикари относятся очень легко къ цѣломудрію женщинъ. Между многими народами, напримѣръ, между островитянами Южнаго Океана и эскимосами, нескромные танцы весьма обыкновенны, такъ что женщины самаго высшаго круга принимаютъ въ нихъ участіе, не видя въ этомъ ничего неприличнаго. Уллоа говоритъ, что бразильцы не одобряютъ цѣломудрія незамужней женщины, смотря на него, какъ на доказательство непривлекательности. Жители Разбойничьихъ и Андаманскихъ острововъ приходятъ къ тому же результату, хотя по совершенно другимъ причинамъ: послѣдніе смотрятъ на цѣломудріе, какъ на доказательство эгоизма и гордости.

У большей части дикихъ народовъ встрѣчаемъ грубое, даже жестокое обращеніе съ женщиной; они смотрятъ на слабѣйшій полъ, какъ на существо низшаго разряда, какъ на рабочую силу только. Трудная работа и плохая пища— вотъ удѣлъ женщинъ.

10. Культура дикихъ племенъ.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ чертамъ жизни дикихъ, которыя нѣсколько ближе къ нашему пониманію.

Весьма обычно встрѣтить сравненіе дикихъ съ дѣтьми, и

это сравненіе встрѣчаемъ у обоихъ писателей, которые служатъ здѣсь намъ преимущественно руководствомъ относительно фактовъ. Шафгаузенъ видитъ сходство дикарей съ дѣтьми въ томъ, что первые также живо чувствуютъ и мало думаютъ, любятъ наряды, танцы, забавы; они любопытны и трусливы, въ высшей степени переимчивы, робки и недовѣрчивы или довѣрчивы и простодушны. Если они проводятъ большую часть жизни въ войнахъ, что случается часто, то становятся жестоки и мстительны, но и тутъ большинство ихъ дѣйствій болѣе зависитъ отъ увлеченія и отъ быстраго перехода къ совершенно противоположному настроенію. Кукъ, давшій такое добродушное описаніе туземцевъ Сандвичевыхъ острововъ, былъ принятъ послѣдними за бога огнедышащихъ горъ, когда онъ показалъ имъ невиданное ими до тѣхъ поръ огнестрѣльное оружіе и тотъ же самый Кукъ былъ впослѣдствіи убитъ ими, вмѣстѣ съ своими матросами, за то, что нѣкоторые изъ послѣднихъ рубили лѣсъ въ мѣстности, считавшейся священной. По другимъ извѣстіямъ, гибель Кука была вызвана имъ самимъ, такъ-какъ онъ, въ порывѣ гнѣва, выстрѣлилъ въ одного туземца. Форстеръ, описавшій жизнь Кука, и такъ искренно оплакивавшій его смерть, самъ былъ свидѣтелемъ, какъ цѣлый отрядъ матросовъ съ корабля „Adventure“, вмѣстѣ съ проводникомъ, былъ истребленъ и съѣденъ въ Шарлоттензундѣ новозеландцами, и несмотря на то увѣряетъ, что ихъ положительно нечего бояться, если ихъ оставить въ покоѣ и не раздражать преднамѣренно. Впрочемъ, Ла-Перузъ замѣчаетъ, по поводу умерщвленія натуралиста Ламанона обитателями острова Самоа: „я болѣе сержусь на философовъ, такъ высоко ставящихъ дикарей, нежели на этихъ послѣднихъ; еще вечеромъ, наканунѣ своей смерти, Ламанонъ говорилъ, что эти люди лучше насъ“. Ужасна была казнь полковника Уильямсона, совершенная делаварами въ 1782 г., но это было возмездіе за его же жестокій поступокъ, когда онъ велѣлъ истребить делаваровъ-христіанъ съ ихъ женами и дѣтьми. Ихъ языческіе братья отомстили за нихъ.

Шафгаузенъ указываетъ и на особенную способность переимчивости, сближающую дикихъ съ дѣтьми. Обитатели Огненной земли, по словамъ Дарвина, повторяли самыя трудныя слова европейскихъ языковъ, и если одинъ изъ матросовъ чихалъ или кашлялъ, то вся толпа разомъ подражала тому же звуку.

И Лэббокъ подтверждаетъ сравненіе дикарей съ дѣтьми. Онъ даже находитъ, что, въ отношеніи умственныхъ способностей, четырехлѣтній ребенокъ цивилизованной расы далеко превосходитъ ихъ. По его словамъ, дикія племена весьма непостоянны въ своихъ намѣреніяхъ. Описывая индіанцевъ дагрибъ, Ричардсонъ говоритъ: „мы по опыту узнали, что ни за какое вознагражденіе они не могли донести письма до мѣста назначенія. При малѣйшемъ затрудненіи, или при надеждѣ получить блюдо оленины, или при внезапно явившемся желаніи посѣтить пріятеля, они сворачивали съ дороги на неопредѣленное время“. Даже между сравнительно выше стоящимъ населеніемъ острововъ Южнаго Океана весьма замѣтно это ребячество. „При всякомъ возбужденіи какой-либо сильной страсти—по словамъ Кука—слезы ихъ текли въ изобиліи, какъ у дѣтей, но, какъ и у дѣтей, скоро высыхали“. Д'Юрвилль разсказываетъ, что Таи-ванга, одинъ изъ новозеландскихъ начальниковъ, плакалъ, какъ ребенокъ, отъ горя, что матросы запачкали любимый плащъ его мукой. „Ничего нѣтъ удивительнаго—говоритъ Кукъ—что горе этихъ безъискусственныхъ людей такъ скоро переходящее, или что страсти ихъ выражаются такъ внезапно и такъ сильно; ихъ никогда не пріучали скрывать или сдерживать свои чувства, они не привыкли къ мысли, постоянно обращающейся къ прошедшему и забѣгающей въ будущее, слѣдовательно, весьма естественно, что на нихъ дѣйствуютъ измѣненія, приносимыя каждымъ часомъ, и что они отражаютъ колоритъ минуты, какъ ни часто онъ бы измѣнялся; у нихъ нѣтъ плана, преслѣдующаго ихъ днемъ и ночью, постояннаго предмета заботъ и опасеній, который бы первый являлся утромъ на мысль при пробужденіи и послѣднимъ исчезалъ изъ мысли при засыпленіи ночью“.

Извѣстно, что дѣти съ трудомъ произносятъ нѣкоторые звуки, напримѣръ, *л* и *р* и постоянно смѣшиваютъ ихъ. Фрэйсине говоритъ, что то же замѣчалъ онъ у жителей Сандвичевыхъ острововъ на Ваникара, между племенемъ дамарра, и на островахъ Тонго. Повтореніе одного слога тоже замѣчается въ нарѣчіяхъ дикихъ народовъ, и въ особенности въ собственныхъ именахъ. Дарвинъ говоритъ, что жителямъ Огненной земли очень трудно понять предложеніе, требующее выбора. Нельзя не замѣтить у дикихъ народовъ склонность составлять слова помощью повтореній. То же самое можно подмѣтить и у дѣтей высшихъ расъ. Нѣкоторые изъ самыхъ грубыхъ поступковъ дикихъ слѣдуетъ, по мнѣнію Лэббока, объяснять не жестокостью, но скорѣе ребяческою необдуманностью и порывчатостью.

„Въ сущности,—говоритъ Лэббокъ, — мы должны резюмировать сказанное объ этомъ вопросѣ, въ слѣдующемъ общемъ заключеніи, что дикіе имѣютъ характеръ дѣтей, съ силой и страстями взрослаго человѣка. Характеръ расъ, конечно, весьма разнообразенъ: напримѣръ, житель Фиджи имѣетъ мало общаго съ эскимосомъ; но какъ бы мы ни оправдывали дикихъ, должно признать, что дикія племена, въ нравственномъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ стоятъ ниже цивилизованныхъ расъ. Конечно, нѣтъ такого отвратительнаго преступленія, такого низкаго порока, сообщеннаго намъ путешественниками, которому мы не нашли бы подобнаго въ Европѣ, но то, что у насъ составляетъ исключеніе, у нихъ есть общее правило; то, что у насъ осуждается общественнымъ приговоромъ, что составляетъ принадлежность необразованныхъ и порочныхъ, то между дикими считается дѣломъ само собою разумѣющимся“.

Точно также оба автора приписываютъ дикимъ чрезвычайную впечатлительность къ внѣшнимъ, чувственнымъ явленіямъ. Шафгаузенъ говоритъ, что, по тонкости чувствъ, дикіе народы далеко превосходятъ европейцевъ. Австралійцы узнаютъ слѣды оппоссума, гдѣ европейскій охотникъ не видитъ ничего. Индіанцы различаютъ европейскіе народы по запаху, и различные лѣсные ручьи по вкусу.

„Читая какое-либо описаніе дикарей, — говоритъ Лэббокъ,—нельзя не удивляться поразительной ловкости, съ которой они пользуются своимъ столь несовершеннымъ оружіемъ. Напримѣръ, стрѣла, пущенная рукой сѣверо-американскаго индіанца, пронзитъ насквозь лошадь или даже буйвола. Дикари Африки убиваютъ слоновъ, а чинооки не боятся даже нападать на кита. Капитанъ Грей разсказываетъ, что онъ часто видѣлъ, какъ австралійцы убивали голубя, пущеннымъ въ него копьемъ, на разстояніи тридцати шаговъ. Описывая тотъ же народъ, Стэнбриджъ (Stanbridge) говоритъ, что „любимое занятіе ихъ — нырнуть въ воду съ копьемъ въ рукѣ, и возвратиться на поверхости съ рыбой. Уудсъ Роджерсъ (Woodes Rogers) говоритъ, что калифорнскіе индіанцы всегда ныряютъ въ воду, и бьютъ рыбу деревянными баграми, а Фолькнеръ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя племена Патагоніи питаются преимущественно рыбою и „добываютъ рыбу или ныряя, или прокалывая ее копьемъ“. Уэллесъ (Wallace) говоритъ то же о бразильцахъ. Островитяне Южнаго океана въ особенности замѣчательны своими упражненіями въ водѣ. Они ныряютъ за рыбой, которая ищетъ убѣжище подъ коралловымъ рифомъ, но преслѣдователь отыскиваетъ ее тамъ, и возвращается на поверхность съ рыбой, въ глаза которой воткнулъ свои пальца. Они опасные соперники даже для акулы, и нападаютъ на нее съ ножомъ въ рукѣ. Если же они безоружны, то окружаютъ ее, и непремѣнно вытащатъ на берегъ, если удастся какъ нибудь загнать ее на приплескъ. Но если акулѣ и удастся вырваться, они продолжаютъ свое купанье безъ малѣйшаго страха. Эллисъ выражается осторожнѣе, говоря „что они иногда нападаютъ на акулу, съ оружіемъ въ рукѣ“. Жители Андаманскихъ острововъ, по слухамъ, тоже ныряютъ, и ловятъ подъ водою рыбу. Рутерфордъ свидѣтельствуетъ то же о новозеландцахъ. Скирингъ видѣлъ одного жителя Огненной земли, «который съ удивительной мѣткостью бросалъ камни обѣими руками». Въ описаніи готтентотовъ, Кольбенъ говоритъ, что «ловкость, съ которой они пускаютъ свои асагаи (дротики) и палки, поражаетъ каждаго зрителя.

Когда, преслѣдуя зайца, дикую козу или оленя, готтентотъ приблизится къ добычѣ на разстояніи девяноста или ста-двадцати футовъ, онъ бросаетъ свой дротикъ, и жертва падаетъ, большею частью пронзенная насквозь». Искусствомъ дѣйствовать пращею было знаменито колѣно Веніамина, по священнымъ книгамъ евреевъ, и легенда о Давидѣ служитъ тому иллюстраціей. Бразильскіе индіанны убиваютъ черепахъ стрѣлой изъ лука, и такъ какъ, при прямомъ выстрѣлѣ въ животное, стрѣла скользнула бы вдоль твердой брони, они пускаютъ стрѣлу вверхъ, и она, падая почти вертикально, пронизываетъ эту броню насквозь.

Необходимо много упражненія, чтобы достигнуть такой ловкости, и оружіе должно быть сдѣлано весьма тщательно. Дѣйствительно, различныя кремневыя оружія первобытныхъ людей, конечно, были приспособлены для различныхъ цѣлей; разнообразныя формы оконечностей стрѣлъ, каменныхъ топоровъ, багровъ и проч., по мнѣнію Лэббока, не могли имѣть одно и то же употребленіе. У индіанцевъ Сѣверной Америки имѣлось два рода стрѣлъ: охотничьи были устроены такъ, что оконечность стрѣлы выходила изъ раны вмѣстѣ съ палкою; въ боевыхъ же, палка дѣлалась къ концу тоньше, такъ что и въ томъ случаѣ, когда ее вытаскивали, оконечность оставалась въ тѣлѣ. Зубчатыя и незубчатыя копья эксимосовъ объясняютъ различныя формы доисторическихъ гарпуновъ, употреблявшихся съ различною цѣлью. Гэльтонъ (Galton) писалъ Лэббоку, что искусство, съ которымъ дикари Южной Африки закалываютъ и разрѣзываютъ крупныхъ животныхъ самыми скверными ножами, дѣйствительно достойно удивленія. Даммары обыкновенно употребляютъ въ дѣло простые сплющенные куски желѣза, вдѣланные въ рукоятки, а за неимѣніемъ ихъ плоское остріе своихъ копій. Съ подобными ножами они отлично взрѣзываютъ жираффъ и носороговъ, между тѣмъ какъ Гэльтонъ съ трудомъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ прекраснымъ ножомъ европейской выдѣлки и получилъ очень плохой результатъ. Другія дикія племена рѣжутъ мясо кусками раковинъ и твердаго дерева.

Замѣчательна чистота въ шитьѣ готтентотовъ, эскимосовъ, сѣверо-американскихъ индіанцевъ и проч., хотя въ рукахъ европейца шило и жилы были бы плохой замѣной иголкѣ и ниткамъ.

Нѣкоторые осторожные археологи не рѣшились отнести пещеры эпохи сѣвернаго оленя въ Дордоньи къ періоду каменныхъ орудій, потому что тамъ найдены костяныя иглы и разныя произведенія искусства. Они полагали, что ушки иголокъ должны были быть сдѣланы непремѣнно металлическимъ инструментомъ. Лартэ очень остроумно возразилъ имъ на это, сдѣлавъ собственноручно подобную иголку, съ помощью кремня, но онъ могъ бы представить имъ въ доказательство фактъ, приведенный Кукомъ, въ его первомъ путешествіи. Кукъ говоритъ, что новозеландцы просверлили дыру въ кускѣ стекла, который онъ имъ далъ, и предполагаетъ, что они при этомъ употребляли въ дѣло яшму. Бразильцы тоже носятъ украшенія изъ не вполнѣ кристаллизированнаго кварца, отъ четырехъ до восьми дюймовъ длиною и около дюйма въ діаметрѣ. Несмотря на твердость камня, они просверливаютъ съ обоихъ концовъ отверстіе, употребляя для этого заостренные молодые листья большаго банана, песокъ и воду. Отверстіе обыкновенно дѣлается поперекъ, но украшенія начальниковъ просверливаются вдоль. По мнѣнію Уэллеса, на эту работу надо употреблять цѣлые года.

Произведенія искусства, найденныя въ пещерахъ Дордоньи, ничуть не выше по достоинству произведеній эскимосовъ или сѣверо-американскихъ индіанцевъ. Впрочемъ, по мнѣнію Лэббока, слѣды искусства могутъ скорѣе служить этнологическимъ признакомъ, чѣмъ указаніемъ на особенный періодъ общественнаго развитія. Мы видимъ также, что нѣкоторая степень земледѣлія часто предшествовала употребленію металловъ, и новозеландскія укрѣпленія, какъ и огромныя, погребальныя постройки (morais) островитянъ Южнаго Океана, служатъ, какъ думаетъ Лэббокъ, аргументами въ пользу той теоріи, которая относитъ валы, курганы и другія постройки на западѣ Европы, считавшіяся прежде друидиче-

скими остатками, къ концу времени употребленія въ тѣхъ странахъ каменныхъ орудій.

Знаменитыя статуи на островѣ Вай-гу (или островъ Пасхи) дѣйствительно колоссальны. Одна изъ нихъ, которая упала на землю, имѣетъ двадцать семь футовъ вышины; другія, повидимому, еще больше. Дома на Разбойничьихъ островахъ тоже замѣчательны; большіе изъ нихъ поддерживаются крѣпкими каменными пирамидами. Эти послѣднія, по свидѣтельству Фрэйсинэ, состоятъ изъ одной массы, въ которую входитъ мѣлъ, песокъ и большіе камни; все это связано цементомъ особаго рода. Ихъ очень много, и въ одной мѣстности онѣ составляютъ каменную полосу въ 1,200 футовъ длины. Первый описалъ ихъ Энсонъ, который видѣлъ иныя пирамиды, достигающія до тринадцати футовъ вышины, а Фрэйсинэ говоритъ, что вышина ихъ доходитъ до двадцати футовъ. Онѣ имѣютъ квадратное основаніе и опираются прямо на землю. На каждомъ столбѣ находится полушаріе, обращенное плоской стороной кверху. Островитяне Южнаго Океана представляютъ дѣйствительно истинно поразительные примѣры того, что можно сдѣлать каменными орудіями. Дома ихъ велики, и нерѣдко очень хорошо построены, а ихъ каноэ возбуждали всегда удивленіе путешественниковъ.

И такъ, хотя на употребленіе камня, какъ главнаго матеріала для инструментовъ и для оружія, и можно смотрѣть какъ на признакъ низкой степени цивилизаціи, но эта степень допускаетъ еще подраздѣленія. Напримѣръ, манкопіи или австралійцы, конечно, не могутъ быть поставлены рядомъ съ несравненно выше стоящими уроженцами острововъ Товарищества. Такъ и въ древнемъ каменномъ періодѣ Европы мы встрѣчаемъ доказательства весьма различнаго развитія. Дикіе обитатели пещеръ южной Франціи, судя по изслѣдованіямъ Кристи и Лартэ, не имѣли домашнихъ животныхъ, не умѣли приготовлять глиняной посуды и не знали земледѣлія. Люди, оставившіе кучи кухонныхъ остатковъ въ Даніи, имѣли собаку; у строителей швейцарскихъ озерныхъ построекъ была не только собака, но и овца, волъ, свинья,

а можетъ быть даже и лошадь; они уже имѣли нѣкоторое понятіе о земледѣліи и уже умѣли прясть.

Впрочемъ, какъ справедливо замѣтилъ Лэббокъ, мы имѣемъ не только количественную разницу, при сравненіи состоянія развитія разныхъ дикихъ народовъ, или слѣдовъ существованія первобытныхъ людей въ разныхъ мѣстностяхъ. Разница представляется и качественною. У одного племени, или въ одной мѣстности, мы встрѣчаемъ успѣхи, которыхъ нѣтъ въ другомъ племени, или въ другой мѣстности, но и во второй находимъ такіе, которыхъ нѣтъ въ первой. Для наглядности этого явленія, въ своемъ сочиненіи, представилъ его въ видѣ таблицы Лэббокъ.

Перебирая вещи, наиболѣе употребительныя въ обыденной жизни дикарей, какъ напримѣръ, лукъ и стрѣлы, пращи, дротики, глиняную посуду, домашнихъ, животныхъ, казалось бы, что слѣдуетъ ожидать въ пріобрѣтеніи всего этого въ цѣляхъ обдѣлыванія земли, нѣкоторой правильной послѣдовательности, но на дѣлѣ это было не такъ. Конечно, иную разницу въ этомъ отношеніи легко объяснить. Промерзлая почва и арктическій климатъ не только не благопріятствовали земледѣлію у эскимосовъ, но даже дѣлали его невозможнымъ. Отсутствіе свиней въ Ново-Зеландіи, собакъ на островѣ Дружбы и всякихъ млекопитающихъ на Вай-гу, объясняется тѣмъ, что вѣроятно эти животныя не существовали у первыхъ колонизаторовъ, а изолированное положеніе этихъ странъ мѣшало жителямъ пріобрѣсти этихъ животныхъ впослѣдствіи. Кромѣ того мы не должны забывать общее правило, что первобытный дикарь можетъ употреблять только одно или два орудія; онъ долженъ ограничиваться тѣмъ, что имѣетъ при себѣ, и конечно предпочитаетъ тѣ орудія, которыя имѣютъ болѣе обширное примѣненіе. Впрочемъ, этимъ, конечно, не объясняются всѣ факты. Въ Колумбіи, въ Австраліи, на мысѣ Доброй Надежды, и въ другихъ мѣстностяхъ, земледѣліе было извѣстно до начала сношеній съ европейцами. На Вай-гу, напротивъ, существовали уже плантаціи сладкихъ кореньевъ, банановъ, сахарнаго тростника и пр.

Но за то у чинооковъ Колумбіи были извѣстны лукъ и стрѣлы, крючки для ловли рыбъ и сѣти; австралійцы имѣли тоже дротики, бумеранги, крючки для рыбъ и сѣти; у готтентотовъ были лукъ и стрѣлы, сѣти, крючки для рыбы, глиняная посуда и даже нѣкоторое понятіе о желѣзѣ. Между тѣмъ всѣ эти вещи были, повидимому, совершенно неизвѣстны на Вай-гу, хотя онѣ были бы весьма полезны жителямъ острова, и легко могли бы быть ими придуманы за исключеніемъ желѣза, и войдти въ употребленіе.

Еслибы дѣло шло только объ одномъ Вай-гу, можно бы было объяснить отсутствіе лука и стрѣлъ отсутствіемъ крупной дичи для охоты, рѣдкостью птицъ или совершенной изолированностью маленькаго острова, дѣлающею войну почти невозможной; но этотъ доводъ оказывается несостоятельнымъ въ другихъ случаяхъ. Возьмемъ для примѣра сѣверо-американскихъ индіанцевъ атлантическаго прибрежья, австралійцевъ, каффровъ, бушменовъ, новозеландцевъ и уроженцевъ острова Товарищестаа. Всѣ они вели безпрестанныя войны, а двѣ первыхъ группы племенъ жили почти исключительно охотой; слѣдовательно, у нихъ должны были быть совершенно одинаковыя потребности. Несмотря на то, общими оружіями у нихъ были только копья, да развѣ еще дубины; у сѣверо-американцевъ были хорошіе лукъ и стрѣлы, у уроженцевъ острова Товарищества и у бушменовъ они были очень плохи; у первыхъ они были плохи даже до того, что не могли быть употребляемы на войнѣ; у австралійцевъ, каффровъ, новозеландцевъ не было ни лука, ни стрѣлъ. За то у австралійцевъ были дротики и бумеранги; у уроженцевъ острова Товарищества были пращи; новозеландцы, кромѣ отличныхъ дубинъ, имѣли многочисленныя и обширныя укрѣпленія. Весьма замѣчательно, что такимъ воинственнымъ и во многихъ отношеніяхъ довольно развитымъ племенамъ, какъ каффры и новозеландцы, было неизвѣстно употребленіе лука и стрѣлъ, тогда какъ оно существовало у расъ, стоящихъ весьма низко, какъ у жителей Огненной земли, у чинооковъ, у андаманцевъ и у бушменовъ. Невозможно сомнѣваться,

что, въ особенности народы Новой Зеландіи, нашли бы употребленіе луковъ и стрѣлъ весьма полезнымъ, и что племя, которое бы изобрѣло ихъ, получило бы большой перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе.

Конечно, возможно, что чинооки переняли искусство владѣть лукомъ отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей; но трудно допустить, чтобы они выучились этому отъ восточныхъ краснокожихъ индіанцевъ, не перенявъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ нихъ еще болѣе легкаго и столь же полезнаго гончарнаго искусства. Впрочемъ, есть случаи, когда о подобномъ предположеніи не можетъ быть и рѣчи; напримѣръ, дротики встрѣчаются у эскимосовъ, австралійцевъ и нѣкоторыхъ народовъ Бразиліи; бола (камни, связанные веревками) находятся въ употребленіи у эскимосовъ и патагонцевъ; бумерангъ составляетъ особенность австралійцевъ; нѣкоторыя орудія находятся только у малайцевъ и въ Амазонской долинѣ. Съ другой стороны, иногда, оружіе какого-нибудь народа совершенно незнакомо его сосѣдямъ. Такъ между народами, населявшими Бразилію, мы встрѣчаемъ лукъ и стрѣлы лассо и дротики. Первое болѣе всего распространено, но жители Барбадоса его не употребляютъ; моксы (moxos) оставили лукъ и стрѣлы для лассо, а пурупуру отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей тѣмъ, что употребляютъ не лукъ и стрѣлы, а пальхету, или дротикъ; каффры не всѣ переняли лукъ и стрѣлы отъ бушменовъ; гончарному искусству не научились ни эскимосы отъ сѣверо-американскихъ индіанцевъ, ни южныя племена Колумбіи отъ сѣверныхъ мексиканцевъ.

Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ этихъ первобытныхъ искусствъ, напримѣръ, гончарное и дѣланіе лука и стрѣлъ, такъ полезны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ незамысловаты въ исполненіи, что невозможно предположить ихъ забвенія, когда разъ они сдѣлались извѣстны. Но у новозеландцевъ и каффровъ нѣтъ лука и стрѣлъ, а всѣ полинезцы не имѣютъ понятія о гончарномъ искусствѣ, хотя, судя по ихъ искусству въ другихъ издѣліяхъ и по общему ихъ развитію, можно безошибочно сказать, что они не затруднились бы

этимъ производствомъ, еслибы только оно пришло имъ въ голову. Бола тоже представляетъ весьма дѣйствительное оружіе, и приготовить его, конечно, очень легко, между тѣмъ, его употребленіе, повидимому, ограничивается эскимосами и патагонцами. Гончарное искусство, конечно, передавалось часто отъ одного народа другому, но между тѣмъ, существуютъ указанія на его, какъ будто, самостоятельное изобрѣтеніе, по крайней-мѣрѣ, мы его встрѣчаемъ въ зародышномъ состояніи у эскимосовъ (камни, съ возвышенными глинянными краями, которые Кукъ видѣлъ на Уналашкѣ). Изъ всѣхъ этихъ и еще множества другихъ фактовъ, можно заключить, какъ Лэббокъ, съ нѣкоторою вѣроятностью, что простѣйшія орудія и простѣйшія оружія были изобрѣтены самостоятельно различными дикими народами, хотя нельзя, конечно, отрицать и того, что иногда употребленіе ихъ передавалось отъ одного племени другому.

Привычки и обычаи дикихъ, какъ мы уже говорили, весьма неодинаковы. Правда, что разнообразіе, въ иныхъ случаяхъ, есть прямое слѣдствіе различныхъ условій, при которыхъ живутъ народы. Между привычками эскимоса и готтентота не можетъ быть ничего общаго. Но возьмемъ какое бы то ни было дѣйствіе, общее многимъ племенамъ, и которое можно совершить различными способами. Напримѣръ, большинство низшихъ племенъ питается частью птицами. Обыкновенно употребляютъ для этого лукъ и стрѣлы; но австралійцы ловятъ птицъ руками, или бьютъ ихъ простымъ копьемъ или бумерангомъ; у обитателей Огненной земли есть для этого праща и лукъ, а эскимосы изобрѣли сложное оружіе, состоящее изъ бивней моржа, связанныхъ короткими веревками и составляющимъ нѣчто въ родѣ бола южно-американскихъ племенъ. Сѣверныя племена, которыхъ видѣлъ Кэпъ, употребляютъ совершенно иной способъ. Они ловятъ большое количество птицъ въ сѣти, съ длинными костяными ручками. Но они не имѣли никакого понятія о рыболовствѣ.

Возьмемъ, для втораго примѣра, употребленіе собаки. Сначала, по мнѣнію Лэббока, человѣкъ и собака охотились вмѣ-

стѣ; быстрота одного пополнялась хитростью другаго, и они раздѣляли добычу. Но ловкость ума, наконецъ, стала преобладать надъ ловкостью тѣла, и человѣкъ сталъ эксплуататоромъ собаки. Тогда собаку начали пріучать къ другимъ ремесламъ, менѣе близкимъ ей по природѣ. Эскимосы заставили ее возить сани, чинооки держали ее изъ-за шерсти; островитяне Южнаго Океана, за недостаткомъ четвероногой дичи, откармливали собакъ на убой; индіанцы Чоносы научили ее ловить рыбу; пастушескіе народы сдѣлали изъ нея пастуха. Наконецъ, по свидѣтельству Плинія, въ древнія времена цѣлые отряды собакъ дрессировались для войны. Даже воловъ, несмотря на ихъ неповоротливость, употребляли въ упряжь и на войну.

Огонь добывается тоже различными способами. Нѣкоторые народы, напримѣръ, жители Огненной Земли, высѣкаютъ его; другіе напримѣръ островитяне Южнаго Океана, добываютъ посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева одинъ о другой. До сихъ поръ мнѣнія расходятся о томъ, существуетъ ли или существовалъ ли въ историческое время народъ, которому бы было совершенно неизвѣстно употреленіе огня [1]). Вполнѣ достовѣрно только, что въ ранній періодъ швейцарскихъ озерныхъ построекъ и кухонныхъ остатковъ Даніи употребленіе огня было очень хорошо извѣстно въ Европѣ.

Точно такъ же едва-ли можно придумать способъ обращенія съ покойниками, который бы не оказался въ употребленіи въ той или другой странѣ. У иныхъ племенъ покойника просто зарываютъ въ землю, другіе сжигаютъ трупъ. Нѣкоторыя сѣверо-американскія племена помѣщаютъ своихъ мертвецовъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Другія опускаютъ ихъ въ священныя рѣки или въ море. Между морскими дайяками умершаго начальника кладутъ обыкновенно въ его каноэ, вмѣстѣ съ его любимымъ оружіемъ и большей частью его имущества, и послѣ того спускаютъ каноэ на воду. Иные отдаютъ покойника на съѣденіе дикимъ

---

[1]) Свѣдѣнія, подобныя вышеприведеннымъ мнѣніямъ Крапфа, встрѣчаются во множествѣ, но всегда они идутъ не отъ лицъ, лично имѣвшихъ сношенія съ народами, и способныхъ дать ясный отчетъ о томъ, что они видятъ.

звѣрямъ, другіе предпочитаютъ сами употреблять его въ пищу. Нѣкоторые народы Бразиліи выпиваютъ своихъ покойниковъ. По свидѣтельству Уэллеса [1]), «таріаносы и туканосы, и нѣкоторыя другія племена вырываютъ, черезъ мѣсяцъ послѣ похоронъ, уже сильно разложившійся трупъ, кладутъ его въ печь или въ котелъ (great paw or oven), расположенный надъ огнемъ, гдѣ держатъ до тѣхъ поръ, пока улетучивающіяся частицы не выдѣлятся окончательно, съ ужаснымъ зловоніемъ, и останется только одна черная, обугленная масса, которую обращаютъ въ мелкій порошокъ и размѣшиваютъ въ нѣсколькихъ большихъ раковинахъ коксири (coxiri); это выпиваетъ собравшееся общество, съ полной увѣренностью, что всѣ добродѣтели покойнаго переселятся въ каждаго изъ участвовавшихъ въ обрядѣ». Подобнымъ же образомъ пьютъ прахъ мертвыхъ и кабеусы.

Дѣйствительно, если только есть два различныхъ способа дѣлать что бы то ни было, можно сказать навѣрное, что каждый изъ нихъ войдетъ въ употребленіе у различныхъ народовъ. Напримѣръ, европейцамъ кажется весьма естественнымъ вести свое происхожденіе по мужской линіи; многіе же народы ведутъ его отъ матери, а не отъ отца (что, правду сказать, гораздо вѣрнѣе). Въ Европѣ отецъ считается всегда главой семьи; на островѣ Таити, напротивъ, сынъ уже при рожденіи наслѣдуетъ званіе и мнѣніе отца, который управляетъ имѣніемъ только какъ опекунъ или довѣренный; слѣдовательно, можно считать главой семьи скорѣе сына, нежели отца. Броунъ сообщаетъ, что между новозеландцами младшій сынъ наслѣдуетъ имѣніе отца. Что встрѣчается и между славянами. Наконецъ, у нѣкоторыхъ расъ существуетъ суевѣрный обычай, запрещающій лицамъ, находящимся въ извѣстномъ родствѣ, говорить другъ съ другомъ; это обыкновеніе весьма распространено на Фиджи.

Кажется, нѣтъ ничего естественнѣе факта, что женщина, послѣ родовъ, лежитъ въ постелѣ, а мужъ старается замѣ-

---

[1]) Wallace „Travels on the Amazons", 498.

нить ее, на время, во всѣхъ обыденныхъ трудахъ и заботахъ; казалось бы, это должно бы быть одинаково у всѣхъ народовъ, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Между карапбами отецъ, послѣ рожденія ребенка, ложится на свою койку, призываетъ доктора, между тѣмъ, какъ жена занимается обычными работами. Подобный обычай существовалъ и на материкѣ Южной Америки между аравауками Суринама и въ Китайской провинціи Западнаго Ю-нана; Страбонъ упоминаетъ его въ древности между иберійцами, и онъ встрѣчается до сихъ поръ между басками, гдѣ, въ нѣкоторыхъ долинахъ, женщина встаетъ тотчасъ послѣ родовъ и принимается за хозяйство, а отецъ ложится въ постель, беретъ къ себѣ ребенка и принимаетъ поздравленія сосѣдей. Тотъ же обычай указываютъ на югѣ Франціи; во времена Діодора Сицилійскаго онъ существовалъ въ Корсикѣ, и, наконецъ, говорятъ, будто бы онъ существуетъ еще въ нѣкоторыхъ округахъ Беарна, подъ именемъ, faire la couvade. Тэйлоръ, тщательно собравшій свѣдѣнія объ этомъ обычаѣ, въ своемъ сочиненіи о первобытномъ человѣчествѣ [1]), прослѣдилъ и строй мысли, приведшій первобытнаго человѣка къ подобнымъ страннымъ обычаямъ.

Звуки языковъ—говоритъ Лэббокъ—весьма разнообразны у различныхъ народовъ. Щелканье готтентотовъ можетъ служить тому поразительнымъ примѣромъ. Индіанцы Port au Français въ Колумбіи, по свидѣтельству Ламанона, не употребляютъ вовсе согласныхъ буквъ: b, f, x, j, d, p, v. На языкѣ австралійцевъ не существуетъ звука, выражаемаго буквой s. У жителей Фиджи нѣтъ буквы c, на языкѣ Сомо-сомо нѣтъ k, у Ракираки и у другихъ нѣтъ t. У островитянъ Товарищества нѣтъ ни s, ни c. Въ языкѣ Новой Зеландіи, по словамъ миссіонеровъ, оказалось возможнымъ устранить не менѣе тринадцати буквъ, а именно: b, c, d, f, g, j, l, q, s, v, x, y, z.

Даже чувства выражаются различно у разныхъ народовъ:

[1]) Taylor: „Early history of mankind“; имѣется въ русскомъ переводѣ.

поцѣлуй кажется намъ весьма естественнымъ выраженіемъ привязанности; но онъ былъ вовсе неизвѣстенъ на Таити, въ Новой Зеландіи, у папуасовъ, среди уроженцевъ Австраліи; онъ не употреблялся у эскимосовъ. Обитатели Таити и многіе другіе полинезцы всегда садятся, говоря съ начальникомъ; обитатели Малликоло выражаютъ свое удивленіе гусинымъ шипѣніемъ; въ Ватавулу считается весьма почтительнымъ, говоря съ начальникомъ, обращаться къ нему спиною. Наконецъ, эскимосы выражаютъ свое уваженіе, дергая другъ друга за носъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на умственномъ различіи низшихъ расъ отъ высшихъ и ограничимся только немногими замѣчаніями, относительно языка и счисленія изъ того, что находимъ у Леббока.

То, что сообщаютъ намъ Спиксъ и Марціусъ о племенахъ Бразиліи, повидимому, можетъ относиться ко многимъ, если не ко всѣмъ дикимъ расамъ. У нихъ богатый запасъ словъ; они имѣютъ отдѣльныя названія для различныхъ частей тѣла, для различныхъ животныхъ и растеній, имъ извѣстныхъ—словомъ, для всего, что они могутъ видѣть и осязать. Но у нихъ, говорятъ, совсѣмъ нѣтъ словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій; они не имѣютъ словъ: цвѣтъ, звукъ, полъ, родъ, духъ и т. д. Тасманійцы не имѣютъ слова дерево, хотя они называютъ различные виды деревьевъ; не могутъ выражать свойства предмета, какъ-то: твердый, мягкій, теплый, холодный, длинный, короткій, круглый и т. д.; на мѣсто твердый они говорятъ: какъ камень; на мѣсто большой—длинноногій, на мѣсто круглый—какъ шаръ, какъ мѣсяцъ и проч. Между сѣверо-американскими индіанцами такой общій терминъ, какъ дубъ, составляетъ исключеніе. Даже сравнительно выше стоящіе обитатели Таити не имѣютъ надлежащихъ словъ для выраженія отвлеченныхъ идей.

Словесная нумерація можетъ дать лучшее или, по крайней мѣрѣ, удобнѣйшее понятіе объ умственныхъ способностяхъ низшихъ расъ. Эскимосы съ величайшимъ трудомъ счи-

таютъ до десяти; нѣкоторые изъ нихъ доходятъ только до пяти. Племя даммара не употребляетъ числительныхъ именъ далѣе трехъ. Крауфордъ сравнивалъ до тридцати австралійскихъ нарѣчій, и нашелъ, что ни одно изъ племенъ этого огромнаго материка не можетъ сосчитать далѣе четырехъ. Племя, обитающее у пролива короля Георга, доходитъ до пяти, но это послѣднее слово значитъ м н о г о. Племена, живущія на Йоркскомъ полуостровѣ въ Австраліи, едва ли считаютъ далѣе двухъ.

При столь незначительномъ умственномъ развитіи дикихъ племенъ, и при безпрестанномъ сравненіи ихъ съ дѣтьми, само собою представляется вопросъ о возможности ихъ обученія. «Въ вѣрномъ, чувственномъ наблюденіи дикихъ—говоритъ Шафгаузенъ—заключается и возможность ихъ воспитанія, въ особенности ихъ дѣтей, о чемъ мы имѣемъ достовѣрныя и согласныя между собою свѣдѣнія. Въ дѣтствѣ всѣ мы выучиваемся всему путемъ подражанія, и способность переимчивости служитъ доказательствомъ высшей организаціи обезьянъ».

Докторъ Геггинсъ, проведшій много лѣтъ на С.-Винцентѣ, говоритъ, что мальчики-негры нисколько не уступаютъ въ способностяхъ дѣтямъ бѣлыхъ, и что, напротивъ, они развиваются обыкновенно быстрѣе, такъ какъ большею частью предоставлены самимъ себѣ, и ранѣе выучиваются упражнять свои силы и способности.

«То же самое явленіе—прибавляетъ Шафгаузенъ—мы замѣчаемъ у дѣтей нашихъ крестьянъ, сравнивая ихъ, въ первые годы ихъ жизни, съ дѣтьми образованныхъ родителей».

Рорбахъ сообщаетъ, что въ школахъ Тринидада мальчики-индіанцы превосходятъ чистотой и красивостью почерка всѣхъ бѣлыхъ и черныхъ учениковъ, и что они вообще искуснѣе во всѣхъ ручныхъ работахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ мальчики-негры гораздо быстрѣе успѣваютъ въ ученьѣ, чѣмъ бѣлые, пока дѣло не дошло до математики; писать тоже имъ труднѣе выучиться по неловкости ихъ пальцевъ. Спикъ

тоже удивляется быстрымъ способностямъ дѣтей-негровъ, и готовности ихъ всегда отвѣчать на вопросы.

Нерѣдко у самыхъ низшихъ расъ проявляются замѣчательныя умственныя способности, и Блуменбахъ собралъ уже тому примѣры. Ботокудъ Гвидо Покране былъ проповѣдникомъ своего народа, Чирокезъ Секуойа изобрѣлъ слоговое письмо для своего языка. Эйра Ольдриджъ былъ украшеніемъ всѣхъ сценъ Европы, и въ настоящее время негръ Кроусеръ (Crowther) сдѣлался епископомъ въ Западной Африкѣ.

Эти свѣдѣнія, собранныя Шафгаузеномъ, весьма интересны въ томъ отношеніи, что ихъ слѣдуетъ противопоставить тѣмъ, можетъ быть преувеличеннымъ, указаніямъ на неспособность низшихъ расъ къ развитію, которыя встрѣтимъ ниже въ полемикѣ антропологическихъ обществъ. Въ то время, какъ спорящіе въ этихъ случаяхъ сами, невольно, высказываютъ свою тенденціозность, безпристрастный нѣмецкій профессоръ извлекалъ данныя изъ огромнаго матеріала, подлежавшаго его изслѣдованіямъ, не скрывая аргументовъ, говорившихъ въ ту или другую сторону.

Мы довольствуемся предыдущими данными, преимущественно заимствованными изъ Шафгаузена и Лэббока, которыя здѣсь переданы возможно ближе къ словамъ авторовъ, такъ какъ тотъ и другой пользуются большимъ уваженіемъ въ современной наукѣ. Между тѣмъ, нельзя не замѣтить уже изъ приведенныхъ мнѣній, какъ трудно европейскимъ ученымъ стать на надлежащую точку для оцѣнки дикихъ. Самое собраніе фактовъ уже представляетъ немалыя затрудненія, такъ какъ противорѣчія между очевидцами встрѣчаются на каждомъ шагу. Главной же помѣхой становится совершенно отличный строй мыслей ученаго изслѣдователя отъ строя мыслей общества, имъ разбираемаго. Тотъ же авторъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ на крайне низкое развитіе какого нибудь племени, а въ другомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что это племя самостоятельно выработало себѣ нѣкоторыя особенности культуры, до которыхъ не дошли и племена, вообще ушедшія далѣе. Лэббокъ не можетъ не отнестись съ нѣкото-

рымъ презрительнымъ снисхожденіемъ къ панорамѣ странныхъ обычаевъ и повѣрій, которые онъ находитъ между низшими расами, тогда какъ Тэйлоръ очень основательно возводитъ самыя поразительныя изъ этихъ явленій къ общему міросозерцанію, съ точки зрѣнія котораго всѣ они становятся фактами весьма понятными. Говоря о нравственности и безнравственности, авторы невольно прикидываютъ мѣрку европейскаго обычая, даже европейскихъ предразсудковъ, тогда какъ если можно говорить о нравственности дикихъ, то лишь устраняя все частное, выработавшееся исторически, и переходя къ основамъ всякой нравственности, къ сознанію личнаго достоинства и справедливости, къ сознанію о правѣ и обязанности вообще. Но именно это чрезвычайно трудно отличить путешественникамъ, когда они говорятъ о низшихъ племенахъ. Строгое соблюденіе обычая, даже весьма сложнаго, еще не ставитъ особенно рѣзкаго отличія въ человѣкѣ отъ члена другаго общества. Но самое отвратительное дѣйствіе или самый нелѣпый обычай можетъ быть вызванъ не только рутиною, а глубокимъ сознаніемъ обязанности, чувствомъ справедливости, страстнымъ желаніемъ поддержать свое достоинство. Знанія могутъ быть такъ недостаточны, вѣрованія такъ узки, сила мысли такъ невыработана, что понятія обязанности, справедливости, достоинства находятъ очень странное и неумѣстное приложеніе, но тѣмъ не менѣе въ этихъ чувствахъ, и только въ этихъ, проявляется человѣческая нравственность. Сравненіе дикихъ съ дѣтьми болѣе поражаетъ воображеніе, чѣмъ удовлетворяетъ умъ. Требовалось бы гораздо болѣе тщательное сравненіе дѣтей дикихъ съ дѣтьми высшихъ расъ и психической разницы между дикимъ ребенкомъ и дикимъ взрослымъ, чтобы придать этому сравненію смыслъ. По даннымъ, собраннымъ Шафгаузеномъ, дѣти низшихъ племенъ мало чѣмъ отличаются отъ дѣтей европейцевъ. Поэтому вопросъ остается нерѣшеннымъ, какое психическое измѣненіе совершается въ человѣкѣ низшихъ расъ при переходѣ ихъ дѣтства въ зрѣлый возрастъ. Гораздо важнѣе, если оно дѣйствительно, замѣчаемое въ языкахъ низшихъ расахъ богатство

конкретныхъ названій при бѣдности абстрактныхъ. Къ этому мы вернемся еще ниже.

Но какъ бы ни смотрѣли на дикихъ, все-таки они являются передъ нами племенами, которыя, по своимъ обычаямъ и по своему умственному развитію, должны быть поставлены, съ точки зрѣнія установившагося европейскаго идеала, ниже европейца. Ихъ обычаи возмущаютъ насъ; ихъ средства для борьбы за существованіе весьма недостаточны; ихъ мысль крайне неразвита. Это оказалось самымъ гибельнымъ образомъ, когда имъ пришлось выдержать борьбу не только съ окружающею ихъ природою, къ которой они болѣе или менѣе приноровились, но со страшными блѣднолицыми. Тамъ, гдѣ послѣдніе пришли завоевателями, хищниками, эксплуататорами, конечно, дикіе не выдержали. Но блѣднолицые жаждали и другихъ завоеваній. На дальніе острова пришли проповѣдники легендъ и догматовъ, выработанныхъ подъ тысячелѣтнимъ вліяніемъ семитическихъ равви и арійскихъ философовъ, юридическаго строя древнихъ римлянъ и борьбы ереси, каталической іерархіи и протестантской экзегезы. На дальніе острова пришли и болѣе человѣчные учителя со школами и плугами, съ понятіями о законѣ, государственномъ строѣ, о равноправности людей. Эти блѣднолицые говорили, что они пришли къ своимъ слабѣйшимъ братьямъ, чтобы поднять ихъ, сдѣлать равными себѣ. И впродолженіе вѣковъ, миссія войны, миссія промышленности, миссія религіи, миссія знаній дѣйствуютъ уже среди дикихъ. Каковы же полученные результаты?

Разсмотримъ для этого два пренія, возникшія въ антропологическихъ обществахъ, имѣвшія въ виду преимущественно вопросы: что дѣлается съ низшими расами, при соприкосновеніи ихъ съ европейцами? Должно ли считать, возвращаясь къ мысли Гердера, что естественное разнообразіе условій жизни обусловливаетъ и различіе культуры въ человѣческихъ расахъ? Что муравей столь же неспособенъ устроить свое государство на подобіе пчелинаго улья, какъ негръ уподобиться тунгусу, калмыкъ — англичанину? Что

разныя племена не въ состояніи достичь одинаковаго развитія? Или должно допускать, что способность къ развитію присуща всѣмъ расамъ? Наконецъ, какое значеніе въ этомъ случаѣ надо приписать пріему, до сихъ поръ самому общеупотребительному, при дѣйствіи европейцевъ на низшія расы—именно проповѣди религіозныхъ миссіонеровъ различныхъ сектъ.

11. Можно ли цивилизовать дикихъ?

Мы уже говорили, по какому поводу возникъ въ 1860 году споръ о гибели низшихъ расъ. Немедленно стали высказывать обычные аргументы истребленія, со стороны европейцевъ, заразительныхъ болѣзней, пьянства, разврата, упомянули и о фактѣ безплодія женщинъ, въ особенности въ Океаніи. При этомъ привели и мнѣніе Стжелецкаго (Strzelecki), что островитянка, имѣвшая дѣтей отъ европейца, становится, будто бы, безплодною съ туземцемъ. Впрочемъ, оказалось, что лишь Брокà зналъ надлежащимъ образомъ сочиненіе Стжелецкаго и литературу, имъ вызванную. Онъ резюмировалъ пренія о вопросѣ въ слѣдующихъ положеніяхъ [1]):

Очевидно, что вымираніе австралійцевъ и американскихъ племенъ не зависитъ отъ избіеній, произведенныхъ европейцами въ разныхъ мѣстностяхъ, потому что оно встрѣчается и въ тѣхъ странахъ, гдѣ европейцы жили постоянно въ мирѣ съ туземцами. Опустошенія, дѣлаемыя заразительными и эпидемическими болѣзнями, ввезенными моряками и колонистами, были недостаточны для такого общаго явленія, какъ вымираніе дикихъ племенъ. Говорятъ о порокахъ, пьянствѣ, развратѣ, введенныхъ европейцами, но пьянство существовало въ Полинезіи до открытія ея европейцами (именно, приготовляли пьянствующій напитокъ—к а в у), развратъ тоже не изобрѣтенъ въ Европѣ, и общества ареоисовъ и другія въ

[1]) «Bulletins». I, 293 и слѣд.

разныхъ мѣстностяхъ Полинезіи имѣли положительною цѣлью дѣйствія, которыя надо отнести къ низшей степени чувственнаго разврата, не говоря уже о дѣтоубійствѣ. Какъ ни вредны всѣ эти вліянія, но, по мнѣнію Брока, это все частности, которыя не могутъ служить объясненіемъ факта, къ несчастію, слишкомъ общаго.

„Есть, слѣдовательно, неизвѣстная причина, отъ насъ ускользающая. Можетъ быть, это тоска, упадокъ духа? Можетъ быть, европейцы, завладѣвъ частью земель, оставляютъ слишкомъ мало пространства туземцамъ, живущимъ исключительно охотою, и неспособнымъ принудить себя къ труду? Людямъ, живущимъ исключительно естественными произведеніями природы, необходима пространная территорія. Ограничьте ее, уничтожьте лѣса и травяныя степи, гдѣ живутъ животныя, служащія пищей человѣку,—послѣдуетъ голодъ. Замѣчено, что народы, неспособные принудить себя къ труду, вымираютъ скорѣе; они предпочитаютъ смерть обработкѣ земли; эта неспособность къ труду спасла ихъ отъ невольничества; но она есть признакъ низшей организаціи. Африканскіе негры стоятъ въ этомъ отношеніи выше краснокожихъ и австралійцевъ“.

Катрфажъ замѣтилъ на это, что, повидимому, вымираніе туземныхъ расъ Америки и Океаніи зависитъ частью отъ причинъ, которыя легко уловить, какъ эпидеміи, злоупотребленія спиртными напитками, неравная война съ европейцами, но что кромѣ этихъ причинъ есть еще и другія, еще таинственныя для насъ, но, вѣроятно, болѣе общія. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, повидимому, что начало цивилизаціи—опасное испытаніе для большей части расъ; внезапная перемѣна обычаевъ, образа жизни гибельна для множества отдѣльныхъ личностей. Не всѣ расы одинаково способны совершенствоваться, и упомянутое испытаніе тѣмъ опаснѣе для нихъ, чѣмъ менѣе имъ доступна цивилизація.

Слова: таинственныя причины (causes occultes), употребленныя Катрфажемъ (впрочемъ, совершенно невинно), дали поводъ Гратіолэ заявить, какъ уже сказано было выше,

что такимъ причинамъ нѣтъ мѣста въ наукѣ. Онъ прямо сказалъ, что ни одинъ физіологъ не можетъ допустить предположенія Стжелецкаго, и особенно обратилъ вниманіе на нравственныя причины вымиранія туземцевъ, о которыхъ уже упомянулъ Брока. По мнѣнію Гратіолэ, дикарь, страной котораго овладѣли европейцы, какъ будто уже не дома и чувствуетъ что-то въ родѣ тоски по родинѣ. Въ пьянствѣ ищетъ онъ забвенія этой тоскѣ; но она возвращается, и онъ падаетъ духомъ, скучаетъ, какъ запертое животное. Тоска неволи достаточно для того, чтобы сдѣлать животное безплоднымъ; собаки, постоянно запертыя въ клѣткѣ, теряютъ даже стремленіе къ половому совокупленію. Быть можетъ, этой причиной можно объяснить безплодіе полинезцевъ и австралійцевъ.

Отличительная черта дикихъ расъ, по Гратіолэ, не есть недостатокъ ума, но положительная неспособность подчиняться какому-либо правилу. Племена Меланезіи не отличаются умственными способностями, но полинезцы одарены ими, по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько и многіе другіе народы, давно уже вышедшіе изъ дикаго состоянія. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали уже много успѣховъ на пути цивилизаціи, но продолжаютъ вымирать, какъ и другіе. Это зависитъ отъ того, что цивилизація проникаетъ къ нимъ ненормальнымъ путемъ; цивилизаторы прямо обращаются къ взрослымъ; ихъ отрываютъ внезапно отъ прежней жизни и предлагаютъ имъ совершенно новые обычаи и нравы; они принимаютъ эту новую жизнь, но ими овладѣваетъ тоска, потому что они не были подготовлены къ этому воспитаніемъ. Слѣдовало бы начинать съ дѣтей; только въ новыхъ поколѣніяхъ можно сѣять новыя сѣмена; такъ какъ до сихъ поръ этому правилу не слѣдовали, то трудно было и ожидать хорошихъ результатовъ.

Кастельно (Castelnau) еще развилъ мысль, высказанную Брока; онъ обратилъ вниманіе на вопросъ: не должно ли сосѣдство цивилизованныхъ народовъ измѣнить условія жизни дикарей? Первое вліяніе такого сосѣдства сказывается въ уменьшеніи пространства земли, находящейся въ распоряженіи дикарей, и потому ограничиваетъ ихъ скудныя средства

существованія. Въ особенности терпятъ отъ этого народы, живущіе охотою. Въ Сѣверной Америкѣ вытѣсненные европейцами краснокожіе должны были переселиться на западъ; тамъ они должны были оспаривать земли у другихъ индіанцевъ. Начались кровопролитныя войны между различными племенами, раздѣленіе территоріи, новое вытѣсненіе и новыя эмиграціи. Каково приходилось въ это время изгнанному племени? Въ новой мѣстности оно не могло пользоваться тою опытностью, тѣмъ знаніемъ мѣстныхъ условій, которыя такъ выгодны для охотника. До пріобрѣтенія новаго знанія, жизнь становилась трудна за недостаткомъ пищи. Нельзя сказать, что они буквально умирали съ голоду, но смертность возрастала; тѣло ослабѣвало; слабѣло и мужество. Удивительно ли, что все это отразилось и на плодородіи?

Въ слѣдующемъ засѣданіи Перье сталъ рѣшительно на старую, гердеровскую точку зрѣнія различной способности расъ къ совершенствованію и необходимости принаравливаться къ ихъ особенностямъ, а не подводить ихъ всѣ подъ одинъ уровень нашей цивилизаціи. „Мы говоримъ, — сказалъ онъ [1]),—съ каждымъ народомъ на его языкѣ, и каждая раса имѣетъ свои врожденныя склонности, на которыя прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ извѣстно, что нравы создаютъ законы, а не законы нравы“.

Странно требовать отъ народа, чтобы онъ внезапно измѣнилъ свое богослуженіе, особенно когда онъ не можетъ уклониться отъ ига, какъ сдѣлали парсы, ушедшіе въ Индустанъ, или испанскіе мавры, которые предпочли выселеніе обращенію въ христіанство. „Нельзя сказать народу: цивилизуйся; если онъ цивилизуется, то по своему, въ свое время. Грустные примѣры представляютъ намъ новообращенные христіане вездѣ, куда проникли наши неустрашимые миссіонеры! Черное населеніе Океаніи совершенно не измѣнилось со времени ея открытія, а въ Африкѣ оно мало отличается отъ того, чѣмъ оно было во время поѣздки Ганнона.

[1]) „Bulletin“. I, 329 и слѣд.

„Мы забываемъ, къ несчастію, что, прежде чѣмъ сѣять, надо приготовить почву. Мы, кажется, думаемъ, что довольно заставить народъ отречься отъ вѣковыхъ обычаевъ, отъ его религіознаго преданія, чтобы доставить ему требуемое благосостояніе. Но физіологія несогласна съ этимъ мнѣніемъ, основаннымъ, повидимому, на прежнихъ понятіяхъ о равенствѣ человѣческихъ типовъ, различія которыхъ относили исключительно къ различію воспитанія и учрежденія.

„Но безразличное перениманіе чужихъ привычекъ и обычаевъ еще не есть путь, по которому народы достигаютъ прогресса; примѣромъ тому могутъ служить турки. По нашему мнѣнію, пока существуютъ неравныя расы, различающіяся по способностямъ, по нравамъ, по призваніямъ,—скажемъ болѣе, по климатамъ, — до тѣхъ поръ всемірная религія или, если угодно, всемірный культъ, всемірное воспитаніе и всемірныя учрежденія на столько же возможны, на сколько невозможенъ общій языкъ или общій миръ.

„Большинство этихъ народовъ-дѣтей, умственныя способности которыхъ такъ же ограничены, какъ и общественный строй, не только враждебно относятся ко всякому принужденію, ко всякой дисциплинѣ, но, кромѣ того, они неудержимо привязаны къ своему образу жизни, къ своимъ преданіямъ и, въ особенности, къ своимъ религіознымъ обрядамъ. Это объясняетъ, хотя частью, вредное и столь несогласное съ цѣлью вліяніе цивилизаціи, которую мы хотимъ имъ навязать, не уважая существующаго порядка, начиная съ конца и совершенно какъ бы дѣло шло о народахъ намъ близкихъ“. Перье вывелъ изъ ряда извѣстныхъ фактовъ, что не только расы имѣютъ различную способность совершенствоваться, а нѣкоторыя даже неспособны вовсе къ цивилизаціи, но еще, что начала воспитанія должны быть столь же различны въ приложеніи воспитанія къ различнымъ расамъ. Онъ заключилъ словами Бэкона: „побѣдить природу можно лишь подчиняясь ей“.

Катрфажъ придалъ нѣсколько иной оттѣнокъ преніямъ, напирая на понятіе о средѣ и на зоологическія и ботани-

ческія аналогіи. Онъ усвоилъ слову среда болѣе широкое значеніе, нежели это дѣлаютъ обыкновенно, именно не только значеніе совокупности физическихъ условій; условія нравственности, по мнѣнію Катрфажа, составляютъ ея существенный элементъ. Между нравственными условіями, первое мѣсто занимаетъ, какъ онъ полагаетъ, вліяніе религіи, потому что влечетъ за собой множество обычаевъ и привычекъ, замѣняющихъ весь строй жизни какъ отдѣльнаго лица, такъ и общества. Далѣе онъ сказалъ, что, подобно нѣкоторымъ человѣческимъ расамъ, многія породы животныхъ не могутъ жить въ извѣстной средѣ. Породы домашнихъ животныхъ Нормандіи, Бретани, Лимузина живутъ только въ своихъ провинціяхъ. У бретонскихъ коровъ, перевезенныхъ въ Лимузинъ, несмотря на хорошій уходъ и улучшеніе пищи, пропадаетъ молоко. То же можно сказать и о различныхъ видахъ растеній. Есть мѣстности, гдѣ нужно ежегодно возобновлять сѣмена овощей. Точно также каждой расѣ необходима для ея существованія извѣстная среда, изъ которой ее нельзя внезапно вырвать, не нанеся ей значительнаго вреда.

Вернейль (Verneuil) нашелъ сравненіе Катрфажа не совсѣмъ вѣрнымъ. Онъ сравниваетъ цивилизированіе дикихъ народовъ съ одомашненіемъ животныхъ. Животныхъ цивилизуютъ для того, чтобы ими пользоваться, слѣдовательно заботятся не только о томъ, чтобы укротить ихъ, а также о томъ, чтобы они стали сильнѣе и болѣе размножались. За ними ухаживаютъ съ разумною заботливостью, окружаютъ самыми благопріятными условіями, устраняютъ все, что̀ можетъ имъ вредить. Подобное цивилизованіе разумно, потому что оно основано на благосостояніи тѣхъ, кого цивилизуютъ; потому и удалось приручить нѣкоторыя породы животныхъ, не вредя прочности ихъ расы; плодовитость нѣкоторыхъ изъ нихъ даже умножилась, чему можетъ служить примѣромъ домашній кроликъ, который втрое или вчетверо плодороднѣе дикаго.

Почему же цивилизація дикихъ народовъ ослабляетъ

ихъ и дѣлаетъ безплодными? Потому, что мы хотимъ измѣнить ихъ для нашей выгоды, а не для ихъ собственной. „Мы почти никогда не приходимъ къ нимъ, чтобы сдѣлать ихъ цивилизованными или христіанами, но чтобы завести среди ихъ конторы и поглотить богатства ихъ странъ“.

„Брокà, какъ обыкновенно въ спорахъ парижскаго общества, постарался поставить вопросъ, по возможности, болѣе на точку зрѣнія фактовъ и науки. Онъ призналъ несостоятельность попытокъ, сдѣланныхъ для цивилизаціи дикихъ народовъ, но онъ не счелъ возможнымъ принять эту несостоятельность за единственную или даже за главную причину разнообразія результатовъ, полученныхъ въ различныхъ странахъ европейскими цивилизаторами. Онъ воспользовался употребленнымъ уже сравненіемъ цивилизованія дикихъ народовъ съ одомашненіемъ животныхъ, и замѣтилъ, что не всѣ животныя породы одинаково легко сдѣлались домашними: есть такія, которыя не поддаются никакимъ стараніямъ, а другія, напротивъ, поддаются имъ весьма скоро.

Маленькіе кролики, взятые изъ норокъ, весьма скоро дѣлаются ручными, и первое поколѣніе становится уже совершенно домашнимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южной Америки, привезенныя изъ Европы собаки снова возвратились къ дикому состоянію. Онѣ собираются въ большія стаи и такъ же свирѣпы, какъ волки; взрослыя особи не поддаются прирученію, но маленькіе щенки, воспитанные въ домахъ, дѣлаются ручными и привыкаютъ къ человѣку. Напротивъ того, маленькіе волчата, взятые изъ лѣсу, очень кротки, ласковы и даже послушны въ молодости; но едва они достигаютъ зрѣлости, какъ врожденная дикость снова просыпается въ нихъ. То же самое замѣчено о человѣкообразныхъ обезьянахъ, и потому должны были бросить всѣ попытки одомашненія этого животнаго, сила и ловкость котораго могли бы быть такъ полезны человѣку. По мнѣнію Брокà, между людьми, какъ между животными, есть расы, врожденныя и весьма различныя наклонности которыхъ облегчаютъ или затрудняютъ успѣхъ цивилизаціи, а иногда

даже дѣлаютъ ее совершенно невозможною. Иныя, очевидно, весьма способны къ усовершенствованію, другія нѣтъ. Первыя цивилизуются, каковъ бы ни былъ пріемъ, для этого употребленный; вторыя противятся самымъ терпѣливымъ и разумнымъ стараніямъ.

Брока подтвердилъ свою мысль двумя примѣрами изъ Океаніи, а именно: онъ взялъ Австралію и островъ Гаваіи (изъ Сандвичевыхъ острововъ). Англичане употребляли въ Австраліи всевозможныя старанія для цивилизованія туземцевъ. Они не старались обратить ихъ въ невольничество, хотя вѣроятно бы въ этомъ и не успѣли, такъ такъ въ невольничество можно обратить только племя, имѣющее понятіе о трудѣ, а австралійцы, кажется, неспособны дойти до этого. Съ ними обращались во многихъ мѣстностяхъ весьма гуманно. Имъ построили хижины, но они не могли рѣшиться провести ночь подъ какой-нибудь крышей; имъ выдали провіантъ, земледѣльческія орудія, одежды, но никакъ не могли уговорить ихъ прикрывать свою наготу и растолковать, что самый легкій земледѣльческій трудъ въ сто разъ выгоднѣе рыбной ловли или охоты, далеко не всегда удачной. Попробовали, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на массу, обратиться къ личностямъ. Нѣсколькихъ молодыхъ австралійцевъ, казавшихся посмышленнѣе, брали въ дома, гдѣ ихъ кормили, одѣвали и окружали всевозможными попеченіями. Имъ не навязывали никакой работы, не требуя отъ нихъ ничего, кромѣ позволенія кормить и одѣвать ихъ. Но все было напрасно: чрезъ нѣсколько лѣтъ они бросили свои платья и убѣжали въ лѣсъ. Двое изъ этихъ австралійцевъ: Бэнилонгъ и Даніэль пробыли нѣсколько лѣтъ въ Англіи, но едва успѣли пріѣхать снова въ Австралію, какъ возвратились къ дикой жизни. Знаменитый губернаторъ Мэкварп (Moequarie) не удовольствовался этими примѣрами. Онъ руководствовался именно идеей Гратіолэ. Во имя довольно сомнительнаго права быть полезнымъ насильно, маленькихъ австралійцевъ брали въ лѣсу, какъ волчатъ. Ихъ отдѣлили отъ родителей, воспитали въ спеціальныхъ школахъ, выучили

читать, писать и повторять нѣкоторыя молитвы. Но едва наступалъ періодъ возмужалости, какъ врожденные инстинкты пробуждались въ нихъ. Онн сбрасывали одежду, перелѣзали иногда черезъ высокія стѣны, убѣгали для того, чтобы вести ту же жизнь, какъ ихъ отцы, которыхъ они никогда не знали. Думали, что не слѣдовало ихъ держать вмѣстѣ, изолируя отъ другихъ расъ, набрали новыхъ дѣтей обоего пола и воспитали въ пріютѣ для сиротъ европейской расы, устроенномъ въ колоніи, думая, что, будучи постоянно окружены бѣлыми, они мало по малу переймутъ привычки товарищей. Результатъ былъ совершенно тотъ же, какъ и въ первый разъ. Наконецъ, попробовали увезти дѣтей въ Англію и поручили ихъ тамъ моравскимъ братьямъ, которые воспитали ихъ со всевозможнымъ стараніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ повезли обратно въ Австралію, надѣясь, что они привлекутъ къ цивилизаціи и своихъ соотечественниковъ; дѣло вышло наоборотъ, и пришлось сознаться, что эта раса неспособна къ цивилизаціи.

На Сандвичевыхъ островахъ встрѣчаемъ совсѣмъ иное. Обитатели ихъ въ настоящее время самые цивилизованные во всей Полинезіи, и обязаны этимъ только самимъ себѣ. Довольно было европейскимъ кораблямъ пройти мимо ихъ, чтобы они поняли пользу европейской цивилизаціи и вступили въ нее. Эти туземцы, которые въ 1779 году убили Кука, никогда не подчинялись иноземцамъ. Европейскіе торговцы и миссіонеры поселились на ихъ островахъ, уже когда туземцы были цивилизованы. Одинъ изъ начальниковъ, извѣстный Тамеа-меа, главнѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ этому быстрому развитію. Менѣе нежели въ 20 лѣтъ, онъ совершенно преобразовалъ архипелагъ. Когда европейское судно бросило якорь около Сандвичевыхъ острововъ, Тамеа-меа употреблялъ всевозможныя хитрости, чтобы соблазнить нѣсколькихъ матросовъ остаться на островѣ, и если ему удавалось, онъ дѣлалъ дезертировъ учителями своего народа. Менѣе нежели въ 15 лѣтъ онъ создалъ себѣ флотъ, выстроилъ города, открылъ школы. Завоевавъ весь архипелагъ, онъ не-

обыкновенно быстро сталъ развивать промышленность и торговлю. Онъ умеръ въ 1819 г., не измѣнивъ вѣрѣ отцовъ. Первые миссіонеры прибыли на Гаваіи лишь въ 1820 г., и вскорѣ христіанство смѣнило прежнее вѣроисповѣданіе. Но европейскіе миссіонеры, также какъ европейскіе торговцы и солдаты, нисколько не содѣйствовали этому быстрому развитію; европейцамъ въ этомъ случаѣ не пришлось употребить ни силы, ни убѣжденія, они дѣйствовали только примѣромъ.

Достаточно сравнить исторію жителей Гаваіи съ исторіей австралійцевъ для убѣжденія, что одни способны совершенствоваться, другіе нѣтъ. Первые цивилизовались сами, вторые устояли противъ всевозможныхъ попытокъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ на Таити, цивилизація не привилась такъ легко, какъ въ Гаваіи. Тамъ англійскіе миссіонеры взяли въ руки управленіе; между ихъ прозелитами и приверженцами старой вѣры происходили кровопролитныя войны; послѣдніе были истреблены и новое общество возникло.

Но замѣчательно, что на Гаваіи, на Таити и въ Австраліи соприкосновеніе съ цивилизаціею было одинаково гибельно для туземцевъ. Туземная раса угасала вездѣ: и въ странѣ, гдѣ цивилизовалась сама собой, и тамъ, гдѣ цивилизація обошлась ей дорого и, наконецъ, тамъ, гдѣ она не поддалась никакимъ попыткамъ. Жители Гаваіи вымираютъ, какъ таитяне и австралійцы.

О тайтянахъ можно сказать, что они были стѣснены нравственно; имъ навязывали насильно постороннее вліяніе, и не терпимость миссіонеровъ отняла у нихъ часть свободы. Объ австралійцахъ можно сказать, что они были вытѣснены изъ своихъ владѣній въ другія мѣстности, имъ менѣе знакомыя и гдѣ средства къ жизни стали еще болѣе скудны; этимъ причинамъ физическимъ или нравственнымъ можно приписать угасаніе этихъ расъ. Но жители Гаваіи теперь свободнѣе, чѣмъ когда либо; промышленность, земледѣліе, торговля стали новыми источниками ихъ благосостоянія. У нихъ прекрасныя жилища, здоровая пища, хорошая одежда, и между тѣмъ раса эта вымираетъ, какъ и другія. Отыскивая при-

чины этого печальнаго явленія, невольно приходитъ на мысль, говоритъ Брока, что ихъ физическая организація противится цивилизованной жизни. Впрочемъ, они здоровы; болѣзни, занесенныя европейцами, не дѣлали большихъ опустошеній; средняя продолжительность жизни туземцевъ тоже, повидимому, не уменьшилась замѣтно. Вымираніе расы слѣдуетъ приписать безплодію женщинъ. Въ другихъ архипелагахъ оно обусловливалось патологическими причинами.

Такъ какъ Брока говорилъ лишь объ Океаніи, то Рамо прибавилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Сѣверной Америкѣ, въ особенности же о Канадѣ, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ притѣсненія англичанъ и гражданъ Соединенныхъ Штатовъ могли содѣйствовать къ истребленію туземцевъ. По словамъ Рамо, въ Канадѣ дѣло шло совершенно иначе. Французы вовсе не желали колонизовать Канаду; они хотѣли побудить туземцевъ къ обработкѣ земли и потому не старались ни истреблять, ни вытѣснять ихъ, ни обратить въ невольничество. Колонисты поселились въ ихъ сосѣдствѣ; но оставили обширныя земли въ ихъ владѣніи и всегда чрезвычайно мягко обращались съ ними. Посланные миссіонеры были хорошо приняты туземцами; нѣкоторые обратились въ христіанство, другіе остались язычниками, но это не нарушило мира между тѣми и другими. Нѣкоторыя племена состоятъ почти въ равномъ количествѣ изъ приверженцевъ обѣихъ вѣръ: есть и вполнѣ языческія племена, также какъ и вполнѣ христіанскія. Но что касается труда и развитія, то дикари нисколько не измѣнились. Они никакъ не могутъ понять пользу труда, и это продолжается съ 1640 года, т. е. слишкомъ двѣсти двадцать лѣтъ! Близъ la jeune Lorette, близъ Волчьей рѣки, живутъ племена ирокезовъ, цѣлые 200 лѣтъ окруженныя европейцами, но до сихъ поръ они находятся еще въ дикомъ состояніи, въ которомъ вѣроятно и останутся. Населеніе ихъ не измѣняется въ численности, плодородіе ихъ женщинъ, можетъ быть, нѣсколько уменьшилось, но онѣ не отличались имъ и до сношенія ирокезовъ съ европейцами.

Слѣдующее засѣданіе отличалось обиліемъ и длинностой

рѣчей защитниковъ начала, что всѣ расы одинаково способны къ цивилизаціи. Но должно замѣтить, что аргументація ихъ была не весьма блистательна [1]). Катрфажъ, одинъ изъ упорныхъ моногенистовъ, можетъ быть, испугавшись того, что онъ подалъ поводъ къ сравненію человѣческихъ расъ съ животными, поставилъ прямо апріористическое положеніе: „способность къ цивилизаціи до такой степени свойственна человѣческой природѣ, что раса, неспособная цивилизоваться, не была бы расою людей“. Онъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что сравнивая человѣческія расы въ отношеніи способности ихъ къ прогрессу, не надо упускать тѣхъ формъ, подъ которыми имъ явилась цивилизація, и тѣхъ способовъ, которые употребляли для привитія къ нимъ цивилизаціи. Если же, несмотря на вліяніе европейцевъ, народъ остался все-таки въ дикомъ состояніи, то слѣдуетъ прослѣдить, проявляется ли противодѣйствіе цивилизаціи во всей расѣ или въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ. Если хотя одно племя способно совершенствоваться, то, по мнѣнію Катрфажа, доказано, что всякая раса способна къ тому. Ораторъ заключилъ тѣмъ же основнымъ положеніемъ, съ котораго началъ.

Мы будемъ имѣть случай вернуться ниже къ длинной рѣчи Будена о религіозномъ вопросѣ. Руфцъ замѣтилъ, что во всѣ времена болѣе цивилизованные народы смотрѣли на народы низшей цивилизаціи, какъ на неспособныхъ къ цивилизаціи вообще. Было время, когда римляне думали такъ о галлахъ. Что же касается вымиранія племени въ Океаніи, то причины его Руфцъ нашелъ чрезвычайно разнообразными, и за одну изъ нихъ призналъ „сдѣланную ошибку принужденія туземцевъ къ труду“. Трудъ для дикихъ ненавистенъ; именно онъ отталкиваетъ болѣе всего дикаря отъ цивилизаціи.—Мартенъ де-Мусси (Martin de Moussy) выразилъ сомнѣніе, чтобы существовала раса, совершенно неспособная къ цивилизаціи. Въ Южной Америкѣ встрѣчаются расы, болѣе или менѣе способныя къ прогрессу, но многія изъ нихъ, ко-

1) «Bulletins» I, 347 и слѣд.

торыхъ считали совершенно къ нему неспособными, мало-помалу все-таки пріобрѣли кое-какую цивилизацію. Расы, занимающія равнину, которыя не знали земледѣлія, не измѣнились и попрежнему живутъ охотою; но таубы, живущіе за рѣкой Параной, противъ Коріэнтеса, приходятъ время отъ времени работать въ городъ. Мужчины, большею частью кирпичники, работаютъ на бойнѣ или при уборкѣ апельсиновъ. Они продолжаютъ выщипывать себѣ волосы и татуироваться, но дѣти ихъ смѣшиваются съ бѣлыми. Они не переходятъ въ христіанство и объ этомъ вообще мало заботятся. Эти таубы часто производятъ внѣ своей страны торговлю съ другими племенами различными предметами европейской выдѣлки. Женщины ихъ часто скрещиваются съ европейцами. Пакгуасы, живущіе противъ острова Вознесенія и прежде ходившіе голыми, въ настоящее время завертываются въ одѣяла. Женщины ихъ никогда не отдаются европейцамъ. Они не христіане. Они занимаются продажей рыбы и привозятъ въ городъ сѣно. Они не умѣютъ ни читать, ни писать, но очень хорошо знаютъ ассигнаціи и никогда не ошибаются въ нихъ. Они очень красивы и смуглѣе всѣхъ остальныхъ туземцевъ этихъ странъ.

Оставляя въ сторонѣ небольшой зоологическій споръ, возникшій эпизодически между Брокà и Жофруа-Сентъ-Илеромъ, переходимъ къ рѣчи Брокà на слѣдующее засѣданіе [1]), когда онъ отражалъ нападенія всѣхъ противниковъ и замѣтя, что преніямъ придаютъ тенденціозный смыслъ похвалы или осужденія для той или другой расы, пытался поставить пренія снова на научную почву, установивъ болѣе точно значеніе употребляемыхъ терминовъ. Онъ призналъ, что нѣкоторые англійскіе писатели оклеветали австралійцевъ, представивъ ихъ жестокими, кровожадными, чуждыми всякихъ хорошихъ чувствъ. Если австралійцы совершали преступленія, они, конечно, менѣе виновны, нежели европейцы, которые служили имъ въ томъ примѣромъ. «Я не утверждаю—гово-

[1]) „Bulletins". I, 368 и слѣд.

ритъ Брока—что австралійцы жестоки (ferocеs), не говорю даже, чтобы они стояли ниже насъ по своимъ природнымъ нравственнымъ качествамъ; говорю только, что они дикари, и едва-ли способны выйти изъ этого состоянія. Эти два понятія не слѣдуетъ смѣшивать. Нѣтъ ничего общаго между нравственными качествами, какъ доброта, кротость, благодарность, любовь къ семьѣ и проч., и умственными способностями, отъ которыхъ зависятъ предусмотрительность, порядокъ, остроуміе, изобрѣтательность, устойчивость въ трудѣ, именно то, что дѣлаетъ расу способной къ цивилизаціи, способной къ пониманію выгоды пожертвовать частью естественной свободы, чтобы жить въ благоустроенномъ обществѣ, выгоду работать сегодня, чтобы собирать жатву черезъ шесть мѣсяцевъ и покоряться законамъ, чтобы пользоваться ихъ защитою. Тѣ изъ расъ, которыя понимаютъ эти соціальныя начала, болѣе или менѣе цивилизуются, нѣкоторыя сами собой, другія путемъ подражанія, убѣжденія или силы, смотря по свойству и по широтѣ ихъ ума; тѣ, которыя не могутъ понять этихъ началъ, остаются дикарями. Это вовсе не означаетъ, что эти расы лишены нравственныхъ качествъ или даже лишены ума; это означаетъ только, что имъ недостаетъ нѣкоторыхъ умственныхъ способностей или что эти способности существуютъ у нихъ не въ надлежащей степени. Я думаю, что австралійцы находятся въ этомъ состояніи, и думаю это потому, что нѣтъ факта, дозволяющаго думать иначе, потому что ничто не побуждаетъ насъ ожидать перемѣны ихъ соціальнаго быта въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ. Я желалъ бы ошибиться; время разсудитъ насъ.

„Было высказано, что „раса, неспособная цивилизоваться, не была бы расою людей“. Эти слова кажутся мнѣ слишкомъ произвольными, потому что при классификаціи существъ нельзя подчинять всѣхъ признаковъ одному. Кромѣ того, способность къ цивилизаціи вовсе не простой признакъ, въ родѣ тѣхъ, которые служатъ для классификаціи или для опредѣленія родовъ и видовъ; это равнодѣйствующая сила, которая зависитъ не отъ присутствія или отсутствія тѣхъ

или другихъ умственныхъ способностей, а отъ степени ихъ развитія.

„Впрочемъ, я хотѣлъ доказать лишь, что способность къ цивилизаціи или, если угодно, совокупность качествъ, которую мы называемъ способностью совершенствоваться, весьма неравномѣрно распредѣлена между человѣческими расами. Умственныя способности расъ весьма различны; онѣ наслѣдственны также, какъ и физическіе признаки, и образуютъ между расами такія же и даже болѣе рѣзкія различія, какъ анатомическія различія, на которыхъ основываются наши классификаціи. Вотъ, что я хотѣлъ доказать. Нѣкоторыя расы цивилизуются сами собой; другія, хотя имъ и не принадлежитъ иниціатива прогресса, понимаютъ его и усвоиваютъ его съ большею или меньшею стремительностью; есть, наконецъ, и такія, которыя, повидимому, неспособны совершенствоваться сами, ни совершенствоваться отъ прикосновеній къ нимъ расъ, поставленныхъ въ болѣе выгодное положеніе.

„Делазіовъ (Delasiauve), въ довольно напыщенной рѣчи обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что о способности народовъ къ цивилизаціи судятъ по неопредѣленнымъ разсказамъ и по изолированнымъ примѣрамъ, но что при этомъ, для правильнаго сужденія недостаетъ весьма многаго, что въ самой Франціи въ недавнемъ прошедшемъ въ глухихъ провинціяхъ и особенно въ деревняхъ развитіе стояло весьма низко, крайне невысоко стоитъ и въ настоящемъ.

„Между тѣмъ—воскликнулъ ораторъ—вотъ уже нѣсколько вѣковъ, какъ мы плывемъ въ океанѣ цивилизаціи [1]). Цивилизующее дѣйствіе богатаго, отдѣленнаго привычками и образомъ жизни отъ меньшинства на массу народа въ деревняхъ представляетъ столь же много препятствій, какъ и дѣйствія европейцевъ на дикихъ. Только то вліяніе оказывается дѣйствительнымъ, которое незамѣтно проникаетъ въ низшіе классы общества, которое распространяется какъ бы

[1]) „Bulletins“. 1. 419 и слѣд.

само собою и въ которомъ недовѣрчивая свобода личности не видитъ чего либо навязаннаго ей извнѣ".

Перье еще разъ, на слѣдующемъ засѣданіи, вступилъ въ пренія и указалъ на то обстоятельство, что защитники равенства способностей къ цивилизаціи у людей различныхъ типовъ допускаютъ, однакоже, физіологическое неравенство различныхъ вѣтвей человѣчества, неравенство физическое, неравенство нравственное, неравенство умственное. Въ наше время всѣ эти различія стали слишкомъ очевидны. Никто уже не вѣритъ въ основное равенство человѣческаго ума; однако, повидимому, предполагается, что наименѣе одаренныя расы могли бы, при извѣстныхъ условіяхъ, дойти до той степени умственнаго развитія, когда возможно явленіе, которое принято называть цивилизаціей. Но, судя по всѣмъ извѣстнымъ свидѣтельствамъ, природа устроила иначе, потому что этническое различіе, по мнѣнію Перье, устойчиво.

„Если—замѣтилъ ораторъ — какъ мы это думаемъ, настоящая цивилизація, при надлежащей широтѣ ея, есть выраженіе высшаго умственнаго развитія человѣческихъ обществъ, то неужели неправда, неужели не очевидно, что лишь бѣлыя вѣтви въ прошедшемъ, какъ и настоящемъ, могутъ присвоить себѣ это великолѣпное право, за которое онѣ обязаны высшему достоинству своего типа. Если же допускать, согласно съ дѣйствительностью, нѣсколько ступеней цивилизаціи, какъ есть нѣсколько родовъ ея, то опять не очевидно ли, что тѣ же расы, называемыя кавказскими, занимаютъ при этомъ первое мѣсто; за ними слѣдуютъ цвѣтныя, а негры занимаютъ послѣднюю ступень".

Что касается способности совершенствоваться въ смыслѣ способности къ воспитанію, то Перье нашелъ, что всѣ народы способны совершенствоваться: имъ всѣмъ доступно воспитаніе, слѣдовательно совершенствованіе. Только способность совершенствоваться умственно столь же различна, какъ самыя расы или какъ организмы, въ нихъ входящіе.

Повидимому, тутъ ничего не было сказано новаго, и даже скорѣе, послѣ рѣчи Перье, вопросъ былъ затемненъ, не

говоря уже о томъ, что негръ былъ поставленъ ниже другихъ, противно всѣмъ аналогіямъ, а постоянство типовъ было утверждено для человѣка въ то самое время, когда книга Дарвина сдѣлала его крайне сомнительнымъ для цѣлаго животнаго царства. Тѣмъ не менѣе вдругъ оказалось, что всѣ противники почти согласны. Катрфажъ призналъ существованіе высшихъ и низшихъ расъ и сказалъ, что смотритъ на взрослаго негра, какъ на существо, умственныя способности котораго остановились на томъ фазисѣ развитія, которое мы замѣчаемъ у бѣлой расы въ періодѣ отрочества. Въ школахъ, гдѣ воспитываютъ вмѣстѣ дѣтей негровъ и бѣлыхъ, они обнаруживаютъ одинаковыя способности и понятливость почти до двадцатилѣтняго возраста; но за этимъ предѣломъ разница дѣлается все болѣе и болѣе замѣтною. Негръ сохраняетъ на всю жизнь легкомысліе, непостоянство и вѣтреность ребенка. Пушэ поспѣшилъ воспользоваться замѣчаніемъ Катрфажа для сравненія, которое, конечно, было непріятно послѣднему. «Я думаю—сказалъ онъ—что законъ, управляющій всѣмъ рядомъ животныхъ, распространяется и на высшихъ членовъ этого ряда, и что существуетъ градація между высшими обезьянами и низшими человѣческими расами. Человѣкообразныя обезьяны бываютъ въ молодости послушны, понятливы, ручны, я готовъ сказать—способны цивилизоваться; но какъ только достигаютъ онѣ періода возмужалости и на ихъ черепахъ образуется всѣмъ извѣстный костяной выступъ въ формѣ срединнаго гребня, тогда онѣ становятся неприступны и дики. Инстинктъ животнаго, на время усыпленный воспитаніемъ, снова становится преобладающимъ».

Но мы должны остановиться на двухъ замѣчаніяхъ Катрфажа въ послѣдней его рѣчи. Первое относится къ тому, что при дѣйствіи одного народа на другой для развитія послѣдняго, чѣмъ выше стоятъ воспитатели въ сравненіи съ воспитываемыми, тѣмъ сомнительнѣе успѣхъ желаемой цивилизаціи. „Полуобразованные люди имѣютъ болѣе вліянія на варваровъ—сказалъ онъ, —чѣмъ люди вполнѣ развитые. Киргизовъ цивилизуютъ не русскіе офицеры, а казаки. Между тѣмъ

эти казаки сами показались бы намъ варварами. Я заимствовалъ этотъ фактъ у г. Чихачева (Tchiatcheff)". Нельзя похвалить русскихъ офицеровъ, если фактъ вѣренъ.

Второе замѣчаніе, о которомъ мы хотѣли упомянуть, Катрфажъ формулируетъ такъ: «есть только два способа усовершенствовать породу животныхъ: подборъ родичей и скрещиваніе съ высшей породой. Первое невозможно въ отношеніи человѣка; послѣднее, напротивъ, встрѣчается повсемѣстно».

Пренія 1860 г. были заключены длинной рѣчью Прюнеръ-Бея [1]), который пытался въ особенности поколебать убѣжденіе товарищей въ томъ, что австралійцы занимаютъ неисправимо низкое положеніе въ ряду человѣческихъ расъ. Онъ призналъ, что австралійцы не имѣли цивилизаціи и до сихъ поръ выказали мало наклонности усвоить цивилизацію европейскую, но привелъ также свидѣтельства путешественниковъ, жившихъ долго въ Австраліи въ прикосновеніи съ туземцами. Судя по этимъ свидѣтельствамъ, австралійцы нисколько не ниже другихъ расъ по способностямъ. По Грею „они столь же способны и умны, какъ всякая другая раса"; по Кеппелю (1853) они быстро выучиваются языкамъ, хорошіе моряки и точные наблюдатели въ путешествіяхъ; по Мэсси (Massie) они прекрасные пастухи, сторожа; по Ридлею они весьма быстро выучиваются ходить за стадами и между собою очень честны; ихъ съ успѣхомъ выучиваютъ даже садоводству. По Грею, у нихъ есть рисунки и скульптурныя изображенія; по Эйру они вырываютъ колодцы въ известнякѣ; по Робинзону строютъ плотины для регулированія рѣкъ; близь горы Нэпира они имѣютъ обширныя хижины. Они не цивилизовались сами, потому что особенность природы, ихъ окружающей, отказала имъ въ необходимыхъ средствахъ, чтобы собираться массами. По Эйру „они возвращаются къ прежней жизни вслѣдствіе предразсудковъ, дурной платы за трудъ, недостатка покровительства и вслѣд-

[1]) «Bulletins». I, 479 и слѣд.

ствіе противорѣчій законовъ. Тѣмъ не менѣе отъ 300 до 500 человѣкъ приходитъ ежегодно въ Аделаиду искать работы». Возвращеніе дѣтей, воспитанныхъ искусственно, къ быту ихъ родителей повторялось у всѣхъ расъ. Но Прюнеръ-Бей, въ своей защитѣ австралійцевъ, прибѣгъ еще къ аргументу, который доступенъ весьма немногимъ изъ членовъ парижскаго общества, именно къ языкознанію. Онъ доказалъ, на основаніи развитія языка австралійцевъ, на сколько существуютъ о немъ свѣдѣнія, что умственное ихъ развитіе стоитъ даже выше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ развитіе нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Сближая жителей Австраліи съ туземнымъ племенемъ Индостана (дравидосами), Прюнеръ-Бей признаетъ, что между австралійцами существуетъ два типа племенъ и что нельзя отказать имъ въ способностяхъ цивилизоваться. На неграхъ онъ остановился менѣе, потому что, по правдѣ сказать, при теперешнемъ знакомствѣ съ племенами Африки, стоящими на весьма различной степени общественнаго строя, осужденіе негровъ огуломъ, какъ недоступныхъ цивилизаціи, черезчуръ ненаучно. Подъ конецъ Прюнеръ-Бей употребилъ нѣсколько искусственный аргументъ относительно дикихъ народовъ. Названіе дикихъ, по его мнѣнію, предполагаетъ понятіе отвращенія къ общежитію, а не можетъ быть приложимо къ семьямъ и народамъ. Есть дикія личности; нѣтъ дикихъ народовъ. Истинные дикіе - это эгоисты цивилизованнаго общества и люди въ родѣ американскихъ трэпперовъ, удаляющіеся изъ цивилизованнаго общества, чтобы жить внѣ закона и всякаго правила.

12. Гибель низшихъ расъ.

Приводя различныя мнѣнія ораторовъ парижскаго общества, мы обошли до сихъ поръ аргументы, изъ которыхъ, такъ сказать, вышли всѣ эти пренія, т.-е. факты, доказывающіе вымираніе различныхъ расъ. Мы предпочли такъ поступить, чтобы резюмировать данныя, сюда относящіяся пре-

имущественно по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, которыя находимъ въ статьѣ Шафгаузена, служившей намъ уже выше для очерка положенія дикихъ [1]).

Шафгаузенъ указываетъ, согласно съ другими свѣдѣніями, между прочими приведенными выше указаніями Мартенъ-де-Мусси, что дикія племена Южной Америки и странъ, гдѣ колонизація производилась испанцами, мало-по-малу втягиваются въ интересы цивилизаціи. Народонаселеніе Мексики еще и понынѣ состоитъ на половину изъ индіанцевъ, которые, какъ и карибы, по большей части усердные хлѣбопашцы и искусные ремесленники. Индіанцы Экуадора, говорящіе языкомъ квича, нисколько не измѣнили своихъ привычекъ, обычаевъ, одежды и внѣшняго вида со времени вторженія Пизарро; они не смѣшиваются съ другими расами и число ихъ увеличивается, тогда какъ народонаселеніе бѣлыхъ и метисовъ замѣтно уменьшается съ уменьшеніемъ притока колонистовъ. Часто грубые народы выказывали сильное стремленіе учиться, и если, несмотря на то, не удавалось ихъ двинуть впередъ, въ этомъ была не только ихъ вина. Когда гернгутеры основали на югѣ Африки братство Гнаденталь (долины благодати) въ 1792 году, они описывали готтентотовъ, какъ весьма добродушный, пастушескій народъ, съ чистыми нравами и очень способный обучаться. Дикіе бушмены, войдя, послѣ долгой вражды, въ переговоры, съ колонистами, просили, чтобы имъ дали такихъ учителей, какихъ они видѣли у готтентотовъ.

Уже не разъ основывались республики негровъ. Въ 1766 г. въ голландской Гвіанѣ образовались три республики бѣглыхъ негровъ Фарамака, Коттика и Аука. Въ 1787 г. на берегахъ Сенегамбіи англичане основали колонію Сьерра-Леоне [2]). Конечно, всѣ эти общества имѣли эфемерное существованіе, но, повидимому, это не будетъ участь Либеріи,

[1]) «Archiv». II, 180 и слѣд.

[2]) «Bulletins». I, 423 и сл. Относительно года основанія Либеріи при различіи данныхъ отъ 1821 до 1824 г. мы слѣдовали статьѣ въ «Unsere Zeit» 1859 г., писанной прусскимъ морякомъ, посѣтившимъ республики.

основанной въ 1823 году сѣверо-американскимъ филантропическимъ обществомъ на западномъ берегу Африки, называемомъ Перцовымъ. Въ 1846 году она стала независимою республикою, простирала свои владѣнія въ 1850 году до 1,800 кв. миль, имѣя 150,000 негровъ населенія; въ 1862 году населеніе ея возросло до полумилліона, въ томъ числѣ 484,000 негровъ уроженцевъ Африки, и она владѣла берегомъ длиною въ 900 верстъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ генеральнымъ консуломъ Ральстономъ [1]). Ея представитель нынѣ, какъ слышно, въ Петербургѣ, и можно ожидать скораго признанія негритянской республики нашимъ правительствомъ. Либерія есть въ Африкѣ разсадникъ протестантизма и американской цивилизаціи. Она раздѣлена на четыре графства, изъ которыхъ каждое посылаетъ въ сенатъ двухъ депутатовъ; кромѣ того, каждыя десять тысячъ выбираютъ одного депутата въ палату представителей. Африканцы, принявшіе культурныя привычки и удержавшіе ихъ впродолженіе трехъ лѣтъ, получаютъ право голоса при выборахъ. Англійскій языкъ господствуетъ въ Либеріи и важнѣйшіе начальники окрестныхъ странъ посылаютъ туда своихъ сыновей учиться англійскому языку и англійскимъ обычаямъ. Въ 1858 году республика заключила съ Португаліей договоръ, заключавшій условіе, что торговля невольниками будетъ преслѣдуема наравнѣ съ морскимъ разбойничествомъ.

Что касается колоній индіанцевъ, колоній, основанныхъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для огражденія туземцевъ отъ гибели и стоившихъ очень дорого, хотя онѣ управлялись большею частью очень дурно, то объ нихъ можно сказать мало хорошаго. Калифорнія тратитъ на нихъ ежегодно 250,000 долларовъ. Хотя индіанскую Reservation въ Мендосино выставляли тому нѣсколько лѣтъ назадъ весьма благодѣтельною для индіанцевъ, потому что тамъ живутъ 4000 туземцевъ подъ весьма небольшимъ надзоромъ; но въ послѣдніе годы въ различныхъ Reservations Калифорніи много

[1]) «The Republic of Liberia» въ «Journ. of the Soc. of art» May 1862.

индіанцевъ умерло съ голоду. Въ долинѣ Номекулъ зимой 1858—59 года было умерщвлено болѣе 150 индіанцевъ съ женами и дѣтьми, несмотря на то, что долина была имъ предоставлена, какъ Reservation; среди бѣлаго дня убивали безоружныхъ людей и женщинъ съ грудными дѣтьми на рукахъ. Около залива Гумбольдта былъ совершенъ цѣлый рядъ убійствъ. Въ другой мѣстности индіанцевъ вытѣснили изъ ихъ жилищъ при помощи отряда милиціи, и когда эти несчастные, побуждаемые голодомъ, воротились назадъ, вооруженная толпа прошла ночью въ ихъ стоянку и уничтожила всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Такъ говорятъ газеты изъ Санъ-Франциско; поэтому нечего удивляться извѣстію, что населеніе туземцевъ Калифорніи въ короткое время со ста пятидесяти тысячъ убавилось до 30,000. Герштеккеръ описываетъ этихъ дикарей, какъ добродушный, миролюбивый народъ и говоритъ о цивилизованныхъ калифорнійцахъ: «они называютъ этихъ несчастныхъ мошенниками и убійцами, когда тѣ, выгнанные изъ мѣстностей, гдѣ они охотились, лишенные всякихъ средствъ существованія, въ виду кровавыхъ труповъ друзей и братьевъ, кое-когда— и еще какъ рѣдко — поступаютъ по праву мести и пытаются убить того или другого изъ тѣхъ, которые принесли ихъ племени смерть и конечное разореніе». Вытѣсненіе изъ ихъ поселеній всегда гибельно для этихъ народовъ. Ирокезы, до выселенія ихъ изъ Джорджіи, были самымъ развитымъ изъ всѣхъ индіанскихъ племенъ; въ 1829 году они получили за отреченіе отъ своихъ правъ на земли 25 милліоновъ франковъ и территорію около границъ Арканзаса. Они отклоняли эти условія въ запискѣ съ 15.000 подписей, но имъ пришлось согласиться. Съ тѣхъ поръ населеніе ихъ убываетъ, вслѣдствіе унынія, ими овладѣвшаго, вслѣдствіе распространившихся пороковъ, преступленій и болѣзней. Вашингтонское правительство требовало тоже выселенія индіанцевъ изъ Висконсина, главный городъ котораго Медисонъ основанъ лишь въ 1837 году въ мѣстности, лежащей на западъ отъ Миссури. Гуроны, когда-то могущественное

племя, живутъ теперь въ деревнѣ Лоретт, въ Канадѣ, въ числѣ отъ 40 до 50 семействъ; они занимаются охотой и трудолюбивые ремесленники; изготовляютъ башмаки, сани, четки, ожерелья ежегодно на сумму 34,000 долларовъ.

Мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что колонисты въ Сѣверной Америкѣ практически стремились къ истребленію туземцевъ, и это мнѣніе находило и находитъ себѣ защитниковъ и въ исторіи [1]).

Нью-Іоркская газета отъ 16-го іюня 1859 года сообщаетъ о битвахъ съ индіанцами въ Техасѣ слѣдующій нормальный процессъ этихъ столкновеній: прежде всего бѣлые вторгаются силою во владѣнія индіанцевъ, они захватываютъ ихъ лучшія земли, стрѣляютъ ихъ дичь, поятъ ихъ до пьяна водкой, хитростью и обманомъ выманиваютъ у нихъ ихъ собственность, обольщаютъ и увозятъ ихъ женъ. Рано или поздно индіанцы рѣшаются наконецъ отмстить и убиваютъ какого-нибудь бѣлаго. Тогда колонія бѣлыхъ приходитъ въ волненіе. Составляется вооруженный отрядъ, отправляется въ округи, занятые индіанцами, жжетъ ихъ деревни, уничтожаетъ маисъ и стада, убиваетъ всѣхъ, не исключая женъ и дѣтей. Въ подобныхъ случаяхъ на индіанцевъ смотрятъ какъ на дикихъ звѣрей, убиваютъ гдѣ ни попало и никто не находитъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Ал. Россъ, служившій повѣреннымъ въ сѣверозападной мѣховой компаніи и долго жившій съ туземцами, говоритъ, что европейцы почти всегда могли бы избѣгнуть кровопролитія, обращаясь съ индіанцами. Нельзя сказать объ англійскомъ правительствѣ, что оно бо́льшею частью кротко обращалось съ туземцами. Компанія Гудзоноваго залива съумѣла снискать себѣ подарками дружбу индіанскихъ начальниковъ и ведетъ съ ними правильную мѣновую торговлю. Народонаселеніе индіанцевъ и не уменьшилось на сѣверъ отъ 49о широты, тогда какъ южнѣе оно значительно убавилось. Въ Ка-

[1]) Объ этой печальной сторонѣ исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ см. Th. Waitz „Anthropologie der Naturvölker“. III, 238 и слѣд.

лифорніи до послѣдняго времени продолжалось страшное истребленіе индіанцевъ. Одного подозрѣнія въ воровствѣ довольно, чтобы напасть на лагерь индіанцевъ и уничтожать всѣхъ безъ различія. Войска Соединенныхъ Штатовъ, подъ предводительствомъ генерала Клэрка, отказывались въ послѣдніе годы идти на индіанцевъ и нерѣдко защищали ихъ отъ нападеній бѣлыхъ. Законодательное собраніе тоже отказало въ средствахъ для дальнѣйшихъ войнъ съ ними, такъ что колонисты принуждены набирать отряды волонтеровъ. Президенту Линкольну ставили въ заслугу, что онъ, около трехъ лѣтъ тому назадъ, неуклонно противился слѣпой мстительности населенія Миннезоты. Послѣднія извѣстія изъ Америки (ноябрь 1868) заставляютъ ожидать новую истребительную войну противъ краснокожихъ.

Впрочемъ, быстрое уменьшеніе народонаселенія почти во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ дикими народами, представляетъ и исключенія. Недавно Ф. Шерцеръ указалъ [1]) на благосостояніе индіанцевъ тропической Америки, гдѣ въ Гватемалѣ на 10,000 бѣлыхъ и 100,000 метисовъ, приходится еще 650,000 индіанцевъ, въ Гондурасѣ 120,000, въ Санъ-Сальвадорѣ 150,000, въ Никарагуа 80,000 и въ Костарика 5,000. Слѣдовательно, во всѣхъ пяти республикахъ центральной Америки 1.005,000 индіанцевъ. Ф. Шерцеръ сдѣлалъ весьма вѣрное замѣчаніе, что эти народы удержались оттого, что до сношенія съ европейцами умѣли уже обрабатывать землю, между тѣмъ какъ народы Сѣверной Америки, жившіе охотою, погибли. «Въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ переходовъ—говоритъ Шафгаузенъ—въ ней повсюду находимъ постепенное развитіе, а не скачокъ, какъ того, повидимому, требуетъ европейская культура отъ кочующихъ племенъ лѣсныхъ и степныхъ жителей». Однако, и народы центральной Америки не только вымерли, а можетъ быть и увеличились, какъ думаетъ Александръ ф. Гумбольдтъ, но ни на шагъ не подвинулись впередъ въ своемъ развитіи съ

[1]) C. v. Scherzer: «Aus dem Natur und Völkerleben im trop. Amerika» (1864).

тѣхъ поръ, какъ въ страну ихъ явились конквистадоры. Эти народы едва ли можно признать потомками тѣхъ, которые, три столѣтія тому назадъ, жили въ стройныхъ государствахъ, говоритъ фонъ-Шерцеръ. Вымираніе араукановъ въ Чили въ особенности замѣчательно, говоритъ д-ръ Филлиппи изъ Сантъ-Яго, потому что они находятся въ самыхъ благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ; они свободные собственники, имѣютъ достаточно земли и скота и не платятъ никакихъ податей. Причина этого кроется, какъ полагаютъ, въ томъ, что они не въ состояніи такъ же противостоять свирѣпствующимъ болѣзнямъ, оспѣ и кровавому поносу, какъ бѣлые. Объ оспопрививаніи они не хотятъ и слышать, и при появленіи оспы бросаются для излеченія въ ледяные источники. Трудно опредѣлить настоящее число сѣверо-американскихъ индіанцевъ. Въ 1850 году считалось ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ 400,000; въ 1855 г. только 350,000, а въ 1860 году всего насчитывалось 283,385. Въ 1865 г. число ихъ уменьшилось до 200,000, хотя въ 1867 году американскія газеты, въ виду опасенія возстанія всѣхъ племенъ отъ Канады до Мексиканскаго залива, насчитывали 320,000 индіанцевъ. По свидѣтельству аббата Жанти, на С.-Доминго изъ милліона жителей осталось въ живыхъ только 60,000, которые впродолженіе послѣдующихъ 10 лѣтъ убавились до 14,000. Точно также истребляли населеніе на Кубѣ и Ямайкѣ, при чемъ португальцы, французы и англичане дѣйствовали съ одинаковою жестокостью.

И на крайнемъ сѣверѣ цивилизація была гибельна для народовъ, пребывавшихъ въ естественномъ состояніи. Фонъ-Этцель говоритъ [1]), что несмотря на успѣхи умственнаго развитія, населеніе Гренландіи уменьшается въ послѣдніе 10 лѣтъ, кромѣ нѣкоторыхъ частей страны, гдѣ часто случаются смѣшенія съ европейцами. Туземцы впали въ страшную нищету и не могутъ переносить климата съ тѣхъ поръ, какъ ихъ вырвали изъ прежнихъ общественныхъ условій. Они го-

[1]) A v. Etzel: «Frönland» (1860).

ворятъ, что вводили многоженство не изъ чувственности, а для того, чтобы имѣть больше дѣтей. На самомъ же далекомъ сѣверѣ Джонъ Россъ встрѣтилъ, подъ 75° ширины, здоровый народъ, нетронутый европейскою культурою; это отрасль эскимосовъ, которую Россъ назвалъ полярными горцами. Китоловныя суда тоже не разъ встрѣчались съ ними. Въ 1818 году они враждебно относились къ европейцамъ, а въ 1854 году спасли Кэна (Kane) и его товарищей отъ голодной смерти. Это по словамъ Ширарда Осборна (Sherard Osborne), крѣпкіе, высокіе, веселые люди съ высокою грудью и громкимъ голосомъ; несмотря на то, что у нихъ нѣтъ ни лодокъ, ни другого оружія, кромѣ приготовленнаго изъ костей, они убиваютъ моржей и бѣлыхъ медвѣдей.

Вымираніе населенія на островахъ Южнаго океана Шафгаузенъ, подобно членамъ парижскаго антропологическаго общества, признаетъ фактомъ и относитъ не столько къ истребленію со стороны европейцевъ или къ внутреннимъ несогласіямъ, какъ ко многимъ другимъ, на половину неизвѣстнымъ причинамъ, „ослабляющимъ — какъ онъ выражается — ихъ жизненную силу“. Кукъ считалъ на Таити, самомъ большомъ изъ острововъ Товарищества, отъ 150 до 200,000 человѣкъ жителей; теперь тамъ едва-ли 15,000. Въ 1863 году на Таити и Мауруа, по „Annuaire de Tahiti“, считалось только 7,462 человѣка, но сказано, что населеніе увеличивается, хотя еще въ 1849 году по счисленію, произведенному французскимъ управленіемъ, считалось жителей 8,082 человѣка. Судьба этого прекраснаго и сильнаго народа тѣмъ поразительна, что и до сихъ поръ много говорятъ о благодѣтельномъ вліяніи христіанства на нравы и образъ жизни островитянъ. Коультеръ (Coulter), англійскій морской медикъ, посѣтившій Таити въ 1836 г., говоритъ, что дѣтоубійство, приношеніе людей въ жертву и распущенность нравовъ совершенно исчезли; развратъ существуетъ только въ портахъ, гдѣ пристаютъ европейскіе и американскіе корабли. Воинственность племени выказалась, когда

французы хотѣли обратить свое покровительство въ господство.

На Маркизскихъ островахъ, по словамъ Бургореля, продолжительность жизни туземцевъ такъ уменьшилась, что почти нѣтъ стариковъ. Почти всѣ женщины умираютъ отъ чахотки между 30 до 35 годами. Сѣдина тамъ такая рѣдкость, что фальшивыя сѣдыя бороды составляютъ предметъ моды и оплачиваются дорогою цѣною туземцами. Чахотка такъ же губительна на островахъ, гдѣ никогда не было европейскихъ колоній, какъ и на другихъ. Прежде же она была большою рѣдкостью [1]).

На Сандвичевыхъ островахъ въ 1778 году Кукъ считалъ 400,000 жителей, хотя это, быть можетъ, нѣсколько преувеличено. Гопкинсъ (Hopkins) въ 1823 г. полагалъ ихъ 130,000, въ 1849 г.—80,000, въ 1860 г. считалось на восьми обитаемыхъ островахъ въ 300 квадр. миль не болѣе 67,000 канаковъ, но болѣе 5,000 иностранцевъ. Несмотря на уменьшеніе туземнаго населенія, торговля сдѣлала тамъ въ послѣдніе годы весьма быстрые успѣхи. Въ 1853 г. туда ввозилось товару на сумму 800,000 долларовъ, а вывозилось на 700,000 долларовъ. Въ 1862 г. вывезено сахару на 3.008,603, а въ 1864 г. на 10.414,441 фун. стерлинговъ. Кромѣ того тамъ принялись за обработку перуанскаго хлопчатника, такъ что можно предсказать, что эти острова, особенно вслѣдствіе своихъ сношеній съ Калифорніей, скоро займутъ такое же видное мѣсто въ сѣверной части Тихаго Океана, какъ Антильскіе острова въ Атлантическомъ океанѣ. По свидѣтельству Торнера [2]), и въ новыхъ Гебридахъ населеніе сильно уменьшается. Распространеніе болѣзней и междоусобныя войны приписываютъ присутствію миссіонеровъ, которые въ послѣднее время не имѣли никакого успѣха въ своихъ попыткахъ обращенія. Объ островахъ Тонга есть въ послѣднее время болѣе благопріятныя извѣстія. Филиппинскіе острова наиболѣе населены; они со-

[1]) «Bulletins». I, 342.
[2]) Turner: «Nineteen years in Polynesia».

ставляютъ какъ бы мостъ между Остъ-Индіей и Южнымъ океаномъ, и уже за 200 лѣтъ до нашего лѣтоисчисленія имѣли дѣятельныя сношенія съ Азіей. На нихъ считается отъ 4 до 5 милліоновъ жителей, что̀ составляетъ вдвое болѣе противъ всего населенія Австраліи. Черные уроженцы, негритосы, которыхъ на Люсонѣ еще 25,000, вытѣснены въ горы иноземцами и малайцами, китайцами и испанцами.

Едва-ли какая-нибудь отдаленная земля возбуждала въ послѣднее время болѣе всеобщее вниманіе, какъ Новая Зеландія, прекрасный, здоровый климатъ которой и роскошная растительность дѣлаютъ ее въ особенности привлекательной для переселенцевъ. Туземцы ослабѣли отъ убійственныхъ междоусобныхъ войнъ; въ доказательство ихъ жестокости приводятъ фактъ, что въ 1827 г. у нихъ возникъ возмутительный промыселъ человѣческими головами, которыя высушивали и продавали для украшенія комнатъ. Англичане, при своемъ поселеніи, встрѣтили здѣсь сильный и мужественный отпоръ, но продолжали войну съ такою жестокостью, что Томсонъ въ своей исторіи покоренія Новой Зеландіи говоритъ: „Британцы поступали, какъ дикіе; а такъ называемые дикари, какъ цивилизованные люди“. Туземцы выказали большую склонность къ развитію и замѣчательныя способности во всѣхъ родахъ ремеслъ. Много способствовалъ ихъ обученію сэръ Джоржъ Грей, щедро помогавшій деньгами миссіонерамъ всѣхъ исповѣданій. Какъ и всѣ полинезцы, новозеландцы страстно любятъ рѣчи и, подобно сѣверо-американскимъ индіанцамъ, имѣютъ склонность къ поэтическимъ формамъ рѣчи, гордятся своимъ языкомъ и заставили англичанъ учиться по-новозеландски. Въ сраженіяхъ они часто выказывали великодушіе. Когда возмутившійся предводитель Геке взялъ въ 1845 г. городъ Кororорака, дикари вели себя чрезвычайно сдержанно въ отношеніи колонистовъ; они объявили, что ведутъ войну только съ солдатами и со знаменемъ Англіи. По просьбѣ епископа, они даже не вылили доставшихся имъ бочекъ водки. Образованіе ихъ быстро двигалось впередъ; начальники стали землевладѣльцами, устраи-

вали плавильные заводы, строили и оснащивали корабли, туземцы соперничали съ колонистами: завели конные заводы и стали отличными наѣздниками. Старый предводитель Рангихайэта, который когда-то собственноручно изрубилъ топоромъ семьнадцать плѣнныхъ англичанъ за то, что въ схваткѣ пуля ранила одну изъ его женъ; тотъ самый, который еще въ 1849 г. отражалъ англичанъ въ своей неприступной позиціи, среди непроходимыхъ лѣсовъ, глубокихъ болотъ и отвѣсныхъ скалъ, — нѣсколько лѣтъ спустя занимался, по указанію миссіонера, устройствомъ дорогъ и безпрестанно разъѣзжалъ по нимъ въ своемъ тильбюри.

Такое быстрое развитіе еще не встрѣчалось въ исторіи цивилизаціи, но маорисы недолго наслаждались своими успѣхами. Въ послѣднее время страна была встревожена постоянными возстаніями и англичане повели истребительную войну противъ туземцевъ, которые, повидимому, гибнутъ и отъ вліянія непривычной культуры. Даже одинъ англійскій офицеръ, сражавшійся съ новозеландцами отъ 1860 до 1863 г., говорилъ, что съ маорисами поступили несправедливо; онъ говоритъ о нихъ какъ о благородномъ, способномъ народѣ, сдѣлавшемся жертвою себялюбія англійскихъ колонистовъ; съ ними можно бы было жить въ мирѣ, основывая земледѣльческія колоніи, пріучая ихъ къ сельскому хозяйству и поощряя ихъ торговлю. Страшное вымираніе новозеландцевъ подало поводъ къ оффиціальному вмѣшательству. Между тѣмъ какъ европейское населеніе Новой-Зеландіи, по „United service Institution“, съ 1851 по 1861 г. возрасло съ 27,707 ч. до 98,915 человѣкъ, туземное населеніе котораго еще въ 1841 г. считалось около 104,000, въ 1858 г. было уже только 55,467, въ послѣдующіе 5 лѣтъ уменьшилось еще на 15%, такъ что въ 1864 г. осталось не болѣе 47,000 чел. Въ декабрѣ 1864 г. считалось въ Новой Зеландіи уже 171,931 европеецъ, въ томъ числѣ 6.000 нѣмцевъ. Такъ какъ оспа не появлялась еще въ Новой Зеландіи и другія европейскія болѣзни не имѣли тамъ важнаго значенія, употребленіе спиртныхъ напитковъ также не очень значительно, то при-

чинами вымиранія туземцы считаютъ слѣдующіе факты: междоусобныя войны, весьма распространенное дѣтоубійство, кровосмѣшеніе, употребленіе въ пищу гнилыхъ зеренъ, что считалось у нихъ лакомствомъ, и употребленіе одежды, что изнѣживало кожу, прежде пріученную къ большей переносливости. А. Р. Уэллесъ (Wallace) указываетъ на поступки голландцевъ на Целебесѣ, въ противоположность съ поведѣніемъ англичанъ въ Новой Зеландіи. Голландія завладѣла Целебесомъ въ 1677 г.; онъ населенъ малайцами. Акклиматизація кофейнаго дерева голландскими миссіонерами много способствовала благостоянію туземцевъ, и такъ какъ голландское правительство уступило начальникамъ опредѣленную долю съ получаемаго барыша, оно тѣмъ самымъ побудило ихъ съ усердіемъ слѣдить за успѣхами плантаціи. Голландцы обращались вообще съ туземцами съ чисто отеческимъ деспотизмомъ, что имѣло здѣсь, какъ пишутъ, весьма хорошія послѣдствія. Какъ только дикій народъ выучился заставлять почву давать ему вагоду, онъ нашелъ источникъ благостоянія и положилъ начало своей образованности. Поэтому пальмовое масло служитъ благодѣтельнымъ источникомъ для торговли съ иностранцами многимъ дикимъ народамъ западной Африки. Даже государи негровъ это поняли: владѣтель Сумимы сказалъ маіору Лэйнгу (Laing): „Если я веду войну, то трачу порохъ и людей, а не пріобрѣтаю ничего; если же и пріобрѣтаю, то во вредъ другимъ, что несправедливо. Когда же я занимаюсь торговлей, то дѣлаю добро и себѣ и другимъ и не врежу никому“. Слѣдующія цифры ясно показываютъ степень распространенія торговли въ этихъ странахъ. Въ 1787 г. торговый оборотъ Англіи съ западной Африкой и Марокко доходилъ до 72,000 фун. стерлинговъ, въ 1810—до 535,577 ф. ст., теперь онъ простирается до 3 милліоновъ. На мысѣ Доброй Надежды англичане живутъ спокойнѣе, чѣмъ въ Новой Зеландіи, тогда какъ голландскіе боэры постоянно воюютъ съ базутосами. Войны съ кафрами научили здѣсь англійское правительство, что лучше не трогать племенъ, оставшихся еще независимыми.

Понятно, что тѣ изъ дикихъ народовъ, которые стоятъ на

низшей ступени человѣческаго развитія, имѣютъ наименѣе шансовъ въ борьбѣ за существованіе. Какъ только похищена у нихъ свобода, они исчезаютъ весьма быстро. Такова судьба уроженцевъ Новой Голландіи и Вандименовой земли. Въ колоніи Викторія считается еще 1,764 уроженца, въ южной Австраліи 3,540, въ западной Австраліи всего 350. Герштеккеръ отзывается объ австралійцахъ одного изъ острововъ пролива Торреса, какъ о чрезвычайно добродушныхъ людяхъ и находитъ, подобно Мургаузу (Moorhouse), протектору южно-австралійскихъ племенъ, что первый поводъ къ враждѣ и жестокости всегда подавали бѣлые. Вандименова земля можетъ считаться уже могилой своего народа, который не находилъ никакой защиты противъ ссыльныхъ преступниковъ, или озлобленныхъ и огрубѣвшихъ въ отечествѣ и приносившихъ въ среду туземцевъ худшіе элементы европейской культуры. Доходило до того, что одинъ подобный злодѣй, убивъ мужа, привѣсилъ женѣ на шею окровавленную голову убитаго и гналъ бѣдную женщину такимъ образомъ передъ собою. Тому 50 лѣтъ число туземцевъ считалось еще до 6,000; они такъ быстро вымирали, что въ 1830 году хотѣли перегнать всѣхъ дикарей на полуостровъ Тасманію, но этотъ планъ не удался, въ 1842 г. ихъ частью уговорили, частью принудили переселиться на островъ Флиндерса въ проливѣ Басса; въ 1843 г. изъ нихъ осталось въ живыхъ только 54; въ 1847 году ихъ еще переселили на Oyster-Cove въ проливѣ Дантрекасто (d'Entrecasteaux). Здѣсь епископъ Никсонъ нашелъ въ 1857 году только 16 человѣкъ. Англійское колоніальное вѣдомство объявило въ 1840 г., что изъ 10 племенъ Вандименовой земли осталось въ живыхъ лишь 14 человѣкъ: 9 женщинъ и 5 мужчинъ; изъ нихъ четыре лица каждаго пола состоятъ въ супружествѣ, но дѣтей не имѣютъ. Туземцы сами полагали, что перемѣна образа жизни принесла имъ смерть. Въ 1862 г. остались въ живыхъ только 8 человѣкъ: 7 женщинъ и одинъ мужчина, съ которыхъ епископъ Никсонъ снялъ фотографическіе портреты и привезъ ихъ въ Европу. На праздникѣ губернатора въ Го-

бардъ-тоунѣ, главномъ городѣ страны, въ 1864 г. присутствовали послѣдніе тасманцы: одинъ мужчина и 3 женщины,—остатки въ нѣсколько лѣтъ угасшаго народа. Одна мѣстная газета уже составила имъ эпитафію: „Мы ихъ нашли дикарями; они прожили дикарями; они умерли дикарями“.

„И такъ, вездѣ та же исторія, восклицаетъ Шафгаузенъ. Но какъ будто для доказательства, что и дикихъ народовъ одарила она непреодолимой способностью отстоять себя, природа избрала негра. Сколько тысячъ лѣтъ топчутъ его въ грязь господствующіе народы: бьютъ его кнутомъ, какъ невольника, продаютъ какъ товаръ, перевозятъ въ различныя земли, истязуютъ всевозможными способами, а онъ все не погибъ и теперь, подъ защитой побѣдоноснаго звѣзднаго знамени Соединенныхъ Штатовъ, уже начинаетъ достигать благородной человѣчности.

„Согласимся же, наконецъ, что жалкое положеніе дикихъ народовъ, которые не увлечены образованностью, но живутъ съ нею въ борьбѣ и становятся ея жертвами,—если не преступленіе, то позоръ для восхваляемой цивилизаціи. Конечно, возможно укротить дикаря, но культурѣ, при ея спѣшной работѣ, недостаетъ на это ни терпѣнія, ни времени; культура скорѣе жаждетъ удивленія, указывая, какъ въ 20 лѣтъ на мѣстѣ пустыни возникаютъ богатые города, и не заботится о томъ, что почва удобрена кровью избитыхъ туземцевъ. Тамъ, гдѣ Кукъ встрѣчалъ небольшія толпы бродящихъ дикарей, какъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, тамъ стоятъ теперь города, блистающіе европейской роскошью, съ великолѣпными дворцами, церквами, университетами, библіотеками, музеями, театрами, газетами, музыкальными торжествами, художественными выставками и скачками.

„Какъ быстро развилась здѣсь колонизація англичанъ! Новый Южный Уэльсъ былъ основанъ въ 1788 году, Тасманія въ 1803, Западная Австралія въ 1829 г., Южная Австралія въ 1836 г., Новая Зеландія въ 1840 г., Викторія и Кинслэндъ (Queensland, Королевина Земля) въ 1859 году, Австралійскія колоніи уже въ 1861 году имѣли до

1.184,838 человѣкъ населенія. Можетъ ли остановиться расширеніе цивилизаціи изъ-за того, что оно влечетъ за собой исчезновеніе низшей расы“?

13. Европейскіе миссіонеры.

Намъ приходилось уже не разъ, при предшествующемъ разсмотрѣніи вліянія европейцевъ на низшія расы, говорить о религіозной пропагандѣ. Дѣйствительно, миссіонерство составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ отношеній Европы къ болѣе или менѣе дикимъ народамъ. Поэтому для насъ совершенно неизбѣжно коснуться этой стороны вопроса при его общемъ разсмотрѣніи и столь же неизбѣжно было людямъ, вовлеченнымъ въ прения о вліяніи европейской цивилизаціи на дикихъ, обратить особенное вниманіе на дѣятельность христіанскихъ миссіонеровъ разныхъ западныхъ исповѣданій.

При этомъ прежде всего представляется еще другой вопросъ о томъ, каково вообще религіозное мышленіе у дикихъ народовъ? На сколько ихъ религія, при общемъ развитіи племени, способна отстаивать себя противу вліяній европейскихъ миссій, и насколько это общее развитіе дозволяетъ дикимъ племенамъ понять ученіе миссіонеровъ?

Лэббокъ говоритъ [1]), что много разъ утверждали, будто нѣтъ ни одной расы, не имѣющей религіи и какого-нибудь представленія о божествѣ; но не только это невѣрно, напротивъ, вѣрно именно противоположное. Большинство наиболѣе дикихъ племенъ, можно сказать, что почти всѣ они, по единогласному почти свидѣтельству путешественниковъ, находятся въ этомъ состояніи. Весьма легко собрать для этого огромное число свидѣтельствъ изо всѣхъ частей свѣта. Но если многіе путешественники ожидали найти всюду религію и убѣдились, почти противъ собственной воли, что представляется обстоятельство почти прямо противоположное, то

[1]) Y. Lebbock: «Pre-historic Times», 476 и слѣд.

возможенъ и тотъ случай, что иные путешественники слишкомъ поторопились отвергнуть существованіе религіи у посѣщенныхъ ими племенъ. Какъ бы то ни было, но тѣ, которые утверждаютъ, что самый грубый дикарь вѣритъ въ какое-либо божество, утверждаютъ положеніе, совершенно противное очевидности. Прямое свидѣтельство путешественниковъ въ этомъ случаѣ подтверждается общимъ умственнымъ развитіемъ дикарей. Люди, съ трудомъ и то не во многихъ областяхъ мысли, дошедшіе до возможности выработать себѣ отвлеченныя понятія для предметовъ чисто чувственныхъ, и люди, относительно которыхъ существуетъ сомнѣніе, есть ли въ ихъ языкѣ слова для этихъ понятій, едва-ли дойдутъ до отвлеченнаго представленія существъ, властвующихъ надъ міромъ, т.-е. до того, что̀ съ нѣкоторымъ правомъ можно назвать богами въ миѳическихъ созданіяхъ народовъ.

Но совсѣмъ иное дѣло, если мы отнесемъ къ религіи чувство суевѣрнаго страха и ожиданія, внушаемое человѣку явленіями природы, нѣкоторыми предметами или дѣйствіями, словомъ — огромную область предзнаменованій, гаданій, колдовства, волшебства и т. д. Лэббокъ соглашается, что этотъ родъ вѣрованій встрѣчается повсюду, но замѣчаетъ, что вѣра въ колдовство не исчезла и въ Европѣ. Мы видѣли выше изъ статьи Тэйлора, что это именно есть одна изъ нитей, связывающихъ настоящую цивилизацію Европы съ міросозерцаніемъ дикихъ народовъ. Сближеніе того, что въ дѣйствительности раздѣлено; смѣшеніе случайныхъ обстоятельствъ явленія съ его причинами, мыслимаго о предметѣ съ реальнымъ предметомъ, знака съ вещью, субъективнаго съ объективнымъ; перенесеніе на предметы свойствъ человѣка и поставленіе человѣка въ рядъ прочихъ вещей, безъ различенія членовъ этого рода, — вотъ главныя черты этого первобытнаго міросозерцанія, преимущественно связанныя съ непривычкою останавливаться на мысли и разбирать ея особенности, съ непривычкою различенія и отвлеченія.

И передъ этими-то людьми становятся другіе люди,

вышколенные въ различеніяхъ и отвлеченіяхъ многовѣковою полемикою; люди глубоко убѣжденные, что догматы ихъ катехизиса заключаютъ всю истину и только истину, что каждое слово въ немъ важно, каждая іота опредѣляетъ будущее вѣчное блаженство или вѣчную гибель. Или приходятъ другіе люди (и къ сожалѣнію, этихъ бываетъ больше), которымъ собственно неважно ни обращеніе дикихъ, ни торжество истины, но которые смотрятъ на себя, какъ на орудія той или другой секты, получающія такое-то жалованье и считаютъ своею обязанностью представить въ опредѣленный срокъ возможно длиннѣйшій списокъ обращенныхъ. Можно ли ожидать при такихъ условіяхъ успѣха? Конечно, нѣтъ. Въ этомъ случаѣ факты являются очень положительнымъ подтвержденіемъ вывода, который логически выходитъ изъ самыхъ обстоятельствъ дѣла. Нѣкоторые отчеты въ этомъ случаѣ должны производить на мыслящаго читателя подобное же дѣйствіе, какъ слѣдующій анекдотъ, сообщаемый буддистомъ объ успѣхахъ своей религіи: „Послѣ того, какъ истинная религія распространилась въ Индостанѣ и среди самыхъ отдаленныхъ варваровъ, первосвященникъ и глава буддистскаго вѣрованія, не видя между людьми ни одного, котораго слѣдовало бы еще обратить, рѣшился цивилизовать большую породу обезьянъ, называемую якча или ракча, ввести между ними религію Будды и пріучить ихъ къ соблюденію правилъ, а также къ точному исполненію священныхъ обрядовъ. Дѣло было поручено миссіи подъ руководствомъ священника, на котораго смотрѣли какъ на воплощеніе святаго Хомшимъ-Ботитасо (Khomchiem-Botitaso). Этотъ священникъ имѣлъ полный успѣхъ и обратилъ огромное количество обезьянъ въ индійское вѣрованіе». [1]) Надо полагать, что есть буддисты, которые читаютъ это свидѣтельство о миссіонерскихъ успѣхахъ съ благоговѣніемъ.

Въ преніяхъ 1860 г. въ парижскомъ обществѣ при-

[1]) Цитата у Ranzi: «Oceanie» I, 37 и въ «Bulletins» I, 355 прим. Оригиналъ писанъ по тибетски, переведенъ на монгольскій языкъ, а съ монгольскаго на французскій Клапротомъ.

шлось нѣсколько разъ обращаться къ вопросу о пользѣ миссій, и мы выше привели нѣкоторые изъ подобныхъ случаевъ, но спеціально обратились пренія на этотъ предметъ вслѣдствіе словъ Перье [1]), что „ригоризмъ англиканскихъ пасторовъ и ихъ вмѣшательство въ дѣла управленія“ были виною вреднаго дѣйствія цивилизаціи на туземцевъ. Перье прибавилъ, что англійскій путешественникъ Ирль (Earle) тоже полагаетъ, что эти миссіонеры не достигаютъ цѣли и что католическіе священники имѣютъ болѣе успѣха, присовокупляя, что новозеландцы сдѣлали успѣхъ въ цивилизаціи скорѣе вслѣдствіе торговыхъ сношеній, чѣмъ подъ вліяніемъ миссіонеровъ.

Это вызвало возраженіе Госса (Gosse) въ защиту протестантовъ и новый отвѣтъ Перье. Тогда Бертильонъ поставилъ вопросъ нѣсколько шире. Онъ сказалъ, что, размышляя о результатахъ религіознаго прозелитизма, онъ нашелъ самымъ труднымъ и всего рѣже удачнымъ дѣломъ—*истинное* обращеніе расы. У большей части расъ есть опредѣленная религіозная тенденція, входящая въ составъ ихъ нравственныхъ особенностей и переживающая частью всѣ перемѣны религій. Новая религія получаетъ отпечатокъ старой, предшествовавшей ей въ этой же странѣ, и хранитъ этотъ отпечатокъ. Въ древности на всемъ югѣ Европы господствовалъ политеизмъ; сѣверныя расы, напротивъ, гораздо меньше размножили своихъ боговъ. Монотеизмъ преобладалъ, напротивъ, въ расахъ семитическихъ.

„Въ началѣ нашей эры—продолжалъ Бертильонъ—идея семитовъ сдѣлалась основаніемъ всѣхъ религій Европы; но всякая раса поняла монотеизмъ по своему. На югѣ Европы христіанство получило отпечатокъ древняго политеизма. Реформація, которая была реакціей противу этой политеистической тенденціи, распространилась по всему сѣверу Европы въ германскихъ расахъ, но не могла проникнуть въ другія. Наконецъ, монотеизмъ во всей своей первоначальной простотѣ сохранился только у семитическихъ расъ.

[1]) «Bulletins». I, 331.

«И такъ перемѣна религій, изучаемая не въ личностяхъ, но въ цѣлыхъ народахъ, по большей части бываетъ лишь поверхностна. Принимая новый культъ, раса сохраняетъ свои прежнія понятія, которыя трудно искоренить».

Результаты миссіи у различныхъ народовъ Бертильонъ нашелъ весьма сомнительными. Ливингстонъ самъ сознается, что послѣ десятилѣтняго проповѣдыванія народамъ южной Африки, онъ даже не достигъ того, чтобы они усвоили возможность понятія о Богѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ, конечно, часто случалось обращеніе въ христіанство, но у этихъ народовъ быстрое отреченіе отъ прежней религіи и принятіе новой было слѣдствіемъ нравственнаго насилія, которое могло не мало способствовать вымиранію расы.

Буденъ возсталъ [1]) съ особенной энергіей противъ мысли, что религія можетъ принадлежать къ расовымъ особенностямъ, и произнесъ длинную рѣчь въ доказательство, что религіи мѣнялись въ одной и той же расѣ, конечно не обративъ нисколько вниманія на то обстоятельство, что могло дѣйствительно измѣнить религію выше стоящее меньшинство, которое, при своемъ развитіи, уже болѣе обусловливалось движеніе мысли, чѣмъ расовыми особенностями; большинство же могло мѣнять лишь формы и названія, оставаясь при тѣхъ взглядахъ, которые обусловливались особенностями народа. Впрочемъ, Буденъ былъ правъ въ отношеніи, что слово раса представляетъ слишкомъ обширную категорію для того, чтобы оно могло обусловить вѣрованія, на которыя имѣютъ вліяніе всѣ условія жизни народа. Какъ бы то ни было, но Буденъ весьма рѣшительно поставилъ тезисы, отрицающіе положеніе Бертильона.

Эпоха 1860 г. была еще во Франціи неудобна для того, чтобы повести подобную полемику надлежащимъ образомъ. Бертильонъ объявилъ, что «эти пренія слишкомъ щекотливы» и что онъ не находитъ «полезнымъ проникать въ нихъ до основанія». „Есть предѣлы—сказалъ онъ—изъ которыхъ

[1]) „Bulletins“ I, 351 и слѣд.

выйти я не хочу". Онъ ограничился однимъ аргументомъ въ пользу того, что религіозное вліяніе принадлежитъ къ тѣмъ, которыя производятъ въ расѣ наибольшее измѣненіе.

Этимъ споръ и кончился, хотя указанія на недостаточность миссіонерскихъ трудовъ высказывались случайно то тамъ, то тутъ. На то же встрѣчаемъ указанія въ разныхъ сочиненіяхъ. Такъ профессоръ Гохштетеръ, въ сочиненіи о Новой Зеландіи, которое мы уже упоминали, и миссіонеръ Ричардъ Тэйлоръ въ другомъ сочиненіи по тому же предмету [1]) соглашаются оба въ томъ, что христіанская религія, которая считала въ Новой Зеландіи столько обращенныхъ, теряетъ ихъ въ послѣдніе годы въ огромномъ числѣ. Но объясняютъ они это явленіе различно. Миссіонеръ утверждаетъ, что виною тому преимущественно невѣріе, безнравственность, замѣчаемыя туземцами между европейцами, и дурной примѣръ, подаваемый послѣдними. Профессоръ говоритъ, что причина заключается въ томъ обстоятельствѣ, что маорисы никогда дѣйствительно и не были христіанами, что они приняли ф о р м ы христіанскаго богослуженія и слова христіанскаго катехизиса, не проникнувшись смысломъ этихъ словъ и дѣйствій, да и не имѣли возможности это сдѣлать.

Шафгаузенъ, въ статьѣ, уже не разъ нами цитированной, говоритъ по этому поводу, что обращеніе дикарей въ христіанство часто составляетъ весьма нелегкую задачу по различію привычекъ ихъ мысли отъ мысли европейца. Одна женщина, изъ дикаго племени ахетасовъ, на Филиппинскихъ островахъ, возразила слѣдующее на увѣщаніе миссіонера: «какъ могу я вѣрить, что въ небѣ есть Богъ, когда камень, который я бросаю кверху, снова падаетъ на землю». Эскимосы долго противились всѣмъ стараніямъ миссіонеровъ братской общины, учредившей въ 1721 г. первую миссію въ Гренландіи; они выражали свое несогласіе слѣдующими словами: „покажите намъ Бога, котораго вы описываете, и мы повѣримъ, и будемъ служить ему; вы представляете его

[1]) Rich. Taylor „The past and present of New Zealand" (1868).

слишкомъ высокимъ и непонятнымъ. Какъ намъ къ нему подступиться? Да онъ и самъ не будетъ о насъ заботиться; мы призывали его, когда были больны и голодны, а онъ будто и не слышитъ. Ваше небо, ваши духовныя радости, ваше блаженство—все это хорошо быть можетъ для васъ; а намъ все это показалось бы нестерпимо скучно; намъ нужно тюленей, рыбъ, птицъ, потому что наша душа, какъ и тѣло, не можетъ безъ этого обойтись. Мы пойдемъ лучше къ Торнгарсуку; тамъ у насъ будетъ всего довольно и безъ малѣйшаго труда». Мэльгаузенъ, всегда защищавшій дикихъ отъ грубости бѣлыхъ, спросилъ однажды одного делавара, отчего онъ не ходитъ ни въ одну изъ сосѣднихъ церквей. „Слишкомъ много лжи въ молитвенномъ домѣ бѣлыхъ,—улыбаясь, отвѣтилъ охотникъ:—они говорятъ: не укради, а отнимаютъ землю у насъ, индіанцевъ; они говорятъ: люби ближняго своего, а сами не хотятъ молиться вмѣстѣ съ неграми. Много здѣсь церквей: методисты, католики, протестанты, пресвитеріане, всякій хвалитъ себя, всякому другой нехорошъ. Церковь индіанца: луга, да лѣса; лѣса и луга говорятъ однимъ языкомъ!“ Предводитель негровъ-галласовъ сказалъ миссіонеру Кротри: „намъ незачѣмъ переходить въ христіанскую вѣру; мы не видимъ, чтобы христіане были лучше насъ“. „И какъ часто—говоритъ Шафгаузенъ — дѣйствительно заслуживали европейцы этотъ строгій приговоръ необразованнаго сына природы, когда они сами отняли у себя всякое вліяніе на дикихъ своими безчестными поступками и дурнымъ примѣромъ, ими подаваемымъ“. Фонъ-Шерцеръ разсказываетъ объ удивительномъ упорствѣ, съ которымъ нѣкоторые изъ дикихъ народовъ, напр. индіанцы тропической Америки, продолжаютъ исповѣдывать свою вѣру, несмотря на то, что уже болѣе трехсотъ лѣтъ считаются христіанами. Еще и до сихъ поръ они прячутъ своихъ идоловъ подъ христіанскими алтарями, предъ которыми молятся. Но, что дѣйствительно миссіонеры, ослѣпленные религіознымъ фанатизмомъ, похищаютъ дѣтей, тому Александръ фонъ-Гумбольдтъ приводитъ возмутительные примѣры. Капитанъ Сноу говоритъ,

что на Фалкландскихъ островахъ миссіонеры выманивали у матерей дѣтей, чтобы воспитать ихъ; но бѣдные дикари, прельщенные на минуту подарками, потомъ горько раскаявались въ своемъ поступкѣ. Еще недавно дикари изрубили тамъ весь экипажъ одной шкуны, и когда пришелъ военный корабль, чтобы наказать ихъ, они отвѣчали, что не хотятъ имѣть ничего общаго съ бѣлыми, которые крадутъ ихъ дѣтей.

Мы уже говорили, что вопросъ о миссіонерской дѣятельности былъ спеціально возбужденъ въ лондонскомъ антропологическомъ обществѣ въ 1865 г. и тутъ были высказаны мнѣнія съ такою рѣзкостью, что, можетъ быть, иной читатель едва повѣритъ возможности публичнаго произнесенія подобныхъ рѣчей въ Англіи, которую у насъ прославили за ея крайне-щепетильное отношеніе ко всему обычному, общепринятому, респектэбельному. Но эти представленія, совершенно вѣрныя для Англіи еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже теперь не имѣютъ столь обширнаго примѣненія, какъ прежде. Среди старой осторожной Англіи все болѣе и болѣе раздается голосовъ, непризнающихъ никакого авторитета, кромѣ науки и разума, при чемъ смѣлость, привычная англичанину въ разборѣ всякаго вопроса, котораго онъ р ѣ ш и л с я коснуться, и здѣсь разомъ бросаетъ оратора чрезъ всѣ еще недавно господствовавшія приличія въ самую жаркую полемику относительно предметовъ, прежде совершенно оставляемыхъ внѣ полемики. Антропологическое общество сдѣлалось однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ представителей этого направленія мысли въ послѣдніе годы и вызвало большую ненависть со стороны приверженцевъ старыхъ порядковъ. Но едва ли какая-либо полемика въ его средѣ затронула такъ за живое щепетильную рутину старой Англіи, какъ полемика о миссіонерахъ, о которой теперь идетъ рѣчь. Здѣсь дѣло шло не объ отвлеченныхъ догматахъ или теоріяхъ науки, но объ одномъ изъ учрежденій, весьма вліятельныхъ въ англійскомъ обществѣ и, кромѣ того, объ учрежденіи, извлекающемъ немалую сумму денегъ отъ доброхотныхъ дателей. Все, что мы изложимъ ниже, не имѣетъ ни малѣй-

шаго отношенія къ нашему обществу, и читатели могутъ смотрѣть на рѣчи Рида и его приверженцевъ лишь какъ на образцы особенныхъ, чужеземныхъ нравовъ и привычекъ, намъ столь же чуждыхъ, какъ рѣчи адвокатовъ, говорившихъ по процессу о подпискѣ на памятникъ Бодену, чужды нашимъ адвокатамъ, какъ республиканскіе манифесты испанскихъ демократовъ чужды нашей политикѣ. Но мы считаемъ полезнымъ привести эти пренія именно для того, чтобы наши читатели имѣли болѣе ясное понятіе о новомъ движеніи мысли въ Англіи, движеніи, у насъ мало извѣстномъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь то обстоятельство, что пренія шли въ обществѣ, имѣющемъ сотни членовъ, и что въ преніяхъ принималъ участіе епископъ, который и самъ, какъ личность, не лишенъ интереса.

Пренія начались рѣчью Рида, путешественника не столько ученаго, какъ туриста, написавшаго весьма интересную книгу объ африканскихъ народахъ [1]). Мы приведемъ его рѣчь въ отрывкахъ, собственными словами автора [2]).

„Антропологія—началъ Ридъ — наука самая всемірная, самая всеобъемлющая. Она заключаетъ все, что прямо или косвенно можетъ пополнить наши знанія о человѣкѣ. Какъ естествоиспытатели, изучающіе человѣка, мы работники на этомъ громадномъ безграничномъ полѣ. Наше дѣло не только изслѣдовать строеніе организмовъ и наблюдать привычки и нравы различныхъ разновидностей нашего вида, но и изучать тѣ физическія и нравственныя вліянія, которыя дѣйствуютъ какъ на тѣло, такъ и на духъ людей, принадлежащихъ къ этимъ разновидностямъ... Статья, которую я буду сегодня читать, принадлежитъ къ той вѣтви антропологіи, которая смѣло можетъ назваться соціальной наукой.

„Мы знаемъ, что человѣка видоизмѣняетъ до извѣстной степени атмосфера, которой онъ дышетъ. Точно также есть

[1]) W. Winwood Read: «Savage Afrika». Нѣкоторыя извлеченія изъ него были помѣщены въ покойномъ «Заграничномъ Вѣстникѣ».

[2]) «Journ. of the Anthr. Society» III (1865). CLXIII и слѣд. При «Anthrop. Review», III.

у людей и нравственная атмосфера, различная въ разныхъ странахъ міра. Религія составляетъ какъ бы кислородъ этой атмосферы или всеобщій газъ.

„Нельзя сомнѣваться, что мы живемъ въ болѣе чистомъ воздухѣ, чѣмъ дикіе народы. Этотъ безспорный фактъ внушилъ тысячамъ изъ нашихъ восторженныхъ, но невѣжественныхъ соотечественниковъ странный замыселъ помочь злу. Они стремятся измѣнить религіозный климатъ цѣлыхъ материковъ, закупоривъ нашу нравственную атмосферу въ миссіонеровъ съ тѣмъ, чтобы съ большими издержками и трудами перевести ее въ чужія страны. Но извѣстно и даже гласно, что нѣкоторые избранные сосуды не были совершенно чисты. Многіе миссіонеры такіе невѣжды или такіе плуты, что предпріятіе подобнаго рода, если бы и было возможно его осуществить, не могло успѣть въ ихъ рукахъ... Что касается меня, я хочу показать вамъ, что даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ предпріятіе миссіонеровъ не что иное, какъ дурной мыльный пузырь и что британское христіанство никогда не можетъ процвѣсти на дикой почвѣ.

„Впродолженіе моего пятилѣтняго пребыванія въ экваторіальной Африкѣ, все время, впродолженіе котораго я не ѣхалъ съ мѣста на мѣсто, было проведено мною подъ кровлею двухъ американскихъ миссіонеровъ: мистера Уэлькеря въ Габунѣ и мистера Меккэя въ Кориско. Тамъ я убѣдился въ совершенной пустотѣ христіанскихъ миссій. Будь эти миссіонеры неспособные люди какъ уэслеяне (методисты) на Гамбіи и какъ большая часть англійскихъ миссіонеровъ на берегу Африки, я приписалъ бы имъ самимъ неудачу предпріятія. Но они положительно осуществляли идеалъ миссіонера: это были люди практически-умѣлые и съ образованнымъ умомъ; ученые филологи не только по классическимъ языкамъ, но и по еврейскому; они свободно объяснялись на языкахъ тѣхъ племенъ, съ которыми имѣли дѣло; они умѣли строить дома, управлять судномъ, однимъ словомъ дѣлать все, что заставило бы и бѣлыхъ и черныхъ признать ихъ замѣчательными людьми. Я вполнѣ убѣжденъ, что никто

лучше ихъ ни съумѣлъ бы привить въ Африкѣ англосаксонское христіанство, еслибы это только было возможно. Но оно не привилось, и я приписываю эту неудачу не имъ, но той глупой системѣ, которой они пожертвовали свою благородную жизнь.

„У каждаго изъ нихъ была своя конгрегація въ Габунѣ и въ Кориско, конгрегаціи очень маленькія. Но, къ несчастію, я нашелъ, что члены этого маленькаго союза не были честнѣе, правдивѣе, воздержнѣе или добродѣтельнѣе своихъ языческихъ братьевъ. Я убѣдился, что мои слуги-христіане, хотя и вѣровали въ Іисуса, и отказывались работать по воскресеньямъ, и высокимъ фальцетомъ распѣвали псалмы, тѣмъ не менѣе дѣлали нѣкоторыя умственныя резерваціи относительно осьмой заповѣди, а жены ихъ, судя по тому, что я слышалъ и видѣлъ, не отказывались нарушать весьма часто седьмую; говоря просто, я нашелъ, что всякая негритянка-христіанка была проститутка, а всякій негръ-христіанинъ—воръ.

„Миссіонеры признаютъ, что нравственная перемѣна ихъ прихожанъ невидима для простаго глаза. Но нельзя оцѣнить того нравственнаго вліянія, которое производитъ наше ученіе, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ. И онъ былъ правъ. Его оцѣнить нельзя. Нечѣмъ измѣрить это вліяніе. Его надо изобразить чрезъ х, который въ алгебрѣ означаетъ неизвѣстное число.

„Я приведу примѣръ въ доказательство того, какъ мало дѣйствительно вліяніе нашихъ миссіонеровъ на языческое суевѣріе. Въ западной Африкѣ, если умираетъ знатная особа, ея смерть приписываютъ чародѣйству. Служитель фетиша (fetichman) совершаетъ нѣкоторые обряды и подъ конецъ обвиняетъ кого-нибудь въ колдовствѣ. Обвиненнаго подвергаютъ испытанію, описанному много разъ, и если найдутъ его виновнымъ, что бываетъ почти всегда, то приговариваютъ къ болѣе или менѣе мучительной смерти. Въ Габунѣ французскія власти скоро искоренили этотъ обычай, объявивъ, что всѣ принимающіе участіе въ приговорѣ будутъ повѣ-

шены; но въ Кориско м-ръ Мэккей, впродолженіе 12 лѣтъ, напрасно старался прекратить обычай всѣми доводами разсудка и религіи. Во время моего пребыванія въ Кориско я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ напрасно просилъ пощады для женщины и ея ребенка, приговоренныхъ къ смерти за колдовство. Какая же польза отъ христіанской миссіи, если человѣкъ идетъ утромъ въ церковь, а вечеромъ сжигаетъ живьемъ колдунью?

„Затѣмъ, джентльмены, я прослѣжу причины, препятствующія возрастанію христіанства въ Африкѣ. Съ перваго взгляда кажется возможнымъ, чтобы языческая Африка сдѣлалась, хотя номинально, христіанскою страной. У негровъ нѣтъ религіи; у нихъ есть нѣкоторые обряды, нѣкоторыя суевѣрныя фантазіи, но нѣтъ символа вѣры, котораго бы они держались, какъ мухаммедане, буддисты или евреи. Они думаютъ, что у всякаго народа есть свой богъ и что богъ бѣлыхъ могущественнѣе ихъ бога, потому что бѣлые гораздо богаче ихъ. Поэтому, когда имъ говорятъ, что если они откажутся отъ своего бога и будутъ поклоняться богу бѣлыхъ, онъ возьметъ ихъ на небо бѣлыхъ,—они не оказываютъ никакого сопротивленія, потому что вѣрятъ въ будущую жизнь, какъ и мы, хотя не воображаютъ, что знаютъ объ этомъ такъ много, какъ мы. Такимъ образомъ, когда португальцы основали первыя колоніи въ Африкѣ, іезуиты считали своихъ обращенныхъ тысячами; такъ что одинъ изъ іезуитовъ писалъ изъ Конго въ Европу, что во всемъ этомъ обширномъ государствѣ нѣтъ ни одного негра, который не былъ бы крещенъ. Но вскорѣ увидѣли, что хотя они и крестились (весьма часто только потому, чтобы ѣсть с о л ь, которую они очень любятъ, что входило въ составъ церемоніи) и называли себя христіанами, но не хотѣли отказаться отъ многоженства и пришли въ негодованіе отъ дерзости иностранцевъ, осмѣлившихся заявить имъ подобное требованіе. Они не могли понять зависимости между бракомъ и религіей. Въ особенности женщины вышли изъ себя. Женщины всегда столпы церкви, а разъ какъ этихъ столповъ болѣе

не существовало, миссіонеры остались въ дуракахъ, а Конго возвратился къ язычеству.

„Протестантская церковь въ Африкѣ отлучаетъ всякаго члена своего, живущаго въ многоженствѣ, и это одно, конечно, помѣшаетъ Африкѣ сдѣлаться номинально христіанской. Соціальное положеніе негра опредѣляется количествомъ его женъ; но, оставивъ въ сторонѣ эти второстепенныя побужденія, довольно сказать, что полигамія есть естественное состояніе женатаго человѣка въ Африкѣ и онъ уже, по инстинкту, никогда отъ нея не откажется. Полигамія въ Англіи повлекла бы за собой страшный избытокъ народонаселенія; моногамія, напротивъ того, была бы въ Африкѣ причиной истребленія негровъ.

„Что касается догматовъ христіанской религіи, можетъ ли дикарь понять ихъ? Можно ли растолковать ему, что Богъ одинъ и все-таки онъ въ трехъ лицахъ? Что Ветхій Завѣтъ—слово Божіе, которое не можетъ быть измѣнено и между тѣмъ Новый Завѣтъ отмѣнилъ его? Представьте себѣ положеніе негра въ Габунѣ. Онъ видитъ французскихъ католиковъ и американскихъ протестантовъ, отбивающихъ другъ у друга конвертитовъ, какъ будто двѣ соперничающія компаніи на акціяхъ; онъ въ недоумѣніи, кто изъ нихъ продаетъ настоящій товаръ, спрашиваетъ совѣта у свободномыслящаго торговца, который отвѣчаетъ ему, чтобъ онъ не слушалъ ни того, ни другаго.

„Британское христіанство, повторяю еще, никогда не привьется въ Африкѣ. Въ настоящее время Африка быстро обращается стараніями мусульманъ...

„Каждый путешественникъ по Африкѣ знаетъ, какіе быстрые успѣхи дѣлаетъ религія пророка на этомъ материкѣ. Внѣ европейскаго горизонта совершается великая реформа. Я путешествовалъ среди негровъ-мухаммеданъ. Они воздержаны, честны, правдивы. Во всякой деревнѣ я видѣлъ школу, въ которой маракутъ учитъ корану. Словомъ, я нашелъ, что новообращенный мухаммеданинъ на столько же превосходитъ новообращеннаго христіанина, на сколько и

негра-язычника. Таково мое свидѣтельство, какъ путешественника по этой странѣ. Я нашелъ, что протестантскія миссіи не только хуже мухаммеданскихъ, но и вовсе безполезны.

„Я хорошо знаю, что есть люди, которые ни за что не повѣрятъ, что христіанскія миссіи безполезны. Миссія, это— романъ религіи; а я думаю, что и пуритане должны внести въ свою жизнь хоть немножко поэзіи. Но тѣмъ, которые дѣйствительно любятъ ближняго, скажу еще нѣсколько словъ. Я былъ между самыми жалкими племенами Африки, и нигдѣ не видалъ такой дѣйствительной нищеты, какъ въ этомъ городѣ. Подписывая ваши гинеи на пользу миссіи въ чужой странѣ, вы крадете эти деньги у какого-нибудь умирающаго съ голоду англичанина. Посылая вашихъ миссіонеровъ въ страны, подобныя западной Африкѣ, вы жертвуете жизнью, которая могла бы иначе быть полезною, если онъ дѣйствительно хорошій человѣкъ; если же это лѣнивый, пустой, безчестный человѣкъ, неспособный ни къ чему другому (какъ многіе изъ нихъ)— вы покровительствуете лицемѣрію. Что касается до вѣчнаго блаженства негровъ, я думаю, лучше будетъ о немъ умолчать. Я сейчасъ доказалъ, что христіанство не возвышаетъ ихъ нравственнаго уровня".

Въ концѣ преній того же дня Ридъ сказалъ, что онъ видитъ лишь одно средство цивилизовать негровъ—это овладѣть прежде всею страной. Тогда Англія въ состояніи будетъ издавать законы противъ дикихъ обычаевъ туземцевъ и окончательно искоренить эти обычаи. Послѣ этого, чтобы обратить негровъ въ христіанство, необходимо, чтобы всѣ христіане были согласны относительно своего религіознаго ученія.

Не только рѣчь Рида, но и всѣ пренія отличались весьма смѣлою и даже рѣзкою постановкою вопросовъ. Ридъ самъ выразилъ удивленіе, что его статья вызвала очень скромныя возраженія въ первый вечеръ, потому что «еслибы мнѣнія, въ ней высказанныя, были бы выражены назадъ тому 200 лѣтъ, его бы сожгли живымъ». Блэкъ (Blake)

прямо объявилъ право члена антропологическаго общества высказать все то, что онъ находитъ нужнымъ. Бендишъ (Bendyshe) высказалъ, что общество должно искать истину всюду. Наконецъ, въ своей послѣдней рѣчи президентъ сказалъ, что слышалъ о желаніи многихъ духовныхъ сжечь его и многихъ другихъ членовъ антропологическаго общества, еслибы только они могли это сдѣлать. Какъ же бы могли, спросилъ онъ, богословы, учители катехизисовъ и символовъ вѣры, сдѣлать какое-либо добро кому-нибудь? Кто-то сказалъ, что люди невѣрующіе ни въ какую религію «едва ли заслуживаютъ быть причисленными къ числу людей». Гэнтъ нашелъ, что это новое опредѣленіе, совершенно неизвѣстное антропологамъ.

Естественно, что споръ завязался жаркій и что раздраженіе вѣрованій высказывалось гораздо болѣе, чѣмъ научныя убѣжденія. Впрочемъ, Гэнтъ постоянно старался возвратить пренія къ объективному взгляду на предметъ. Въ первой же своей рѣчи онъ сказалъ, что вопросъ въ томъ, каковъ результатъ миссій? Это надо разобрать основательно и, прежде чѣмъ придти къ заключенію, надо старательно изучить факты. Надо изслѣдовать, должны ли англичане посылать миссіонеровъ въ Африку или къ другимъ дикимъ народамъ, чтобы вмѣшиваться въ ихъ обычаи и мнѣнія, внушать имъ англійскую систему религіи и нравственной философіи, англійскія понятія о соціальной наукѣ? Точно также надо изслѣдовать, если одни вѣрованія не годятся для этихъ народовъ, то не должны ли англичане имъ предложить другія, для нихъ годныя?—Во второе засѣданіе онъ выразилъ свое неудовольствіе относительно неправильной и ненаучной формы преній, свое сожалѣніе, что они не получили болѣе точнаго характера. Относительно высказаннаго мнѣнія, что о предметѣ должны разсуждать лишь люди, заявившіе, что они христіане, Гэнтъ замѣтилъ, что надлежащимъ образомъ могутъ разобрать вопросъ лишь люди науки, обязанные смотрѣть на всѣ вѣрованія одинаково, и въ антропологическомъ обществѣ вопросъ долженъ быть разобранъ только съ научной точки зрѣнія. Онъ сожалѣлъ еще о томъ,

что въ споръ введены предметы, не долженствующіе входить въ него. Въ третьемъ засѣданіи, послѣ рѣчи епископа Колензо, Гентъ опять пытался установить вопросъ. Онъ напомнилъ, что слѣдуетъ разсмотрѣть антропологическое значеніе предмета. Онъ высказалъ мнѣніе, что религія есть свидѣтельство расы. На сколько мы вліяли на дикихъ помощью нашихъ философскихъ идей? Какой результатъ имѣетъ соприкосновеніе высшей расы съ низшей? Каково участіе религіи народа въ общемъ его состояніи? Если религія заключается въ вѣрѣ, то почему слабомыслящій африканецъ не вѣритъ? Это научный вопросъ, способный, по мнѣнію Гента, освѣтить психологію первобытнаго человѣка. На сколько можно племена дикихъ научить пониманію христіанства? Желательно знать ихъ психическое состояніе, чтобы знать, какое вѣрованіе можно имъ внушить и что дѣйствительно можетъ проникнуть въ ихъ умъ? Количество истины, заключающееся въ отдѣльныхъ религіяхъ, не можетъ подлежать преніямъ.

Уже изъ этого видно, что Гэнтъ не умѣлъ овладѣть преніями, поставить вопросы въ надлежащемъ порядкѣ, обособить ихъ и выдѣлить ясные научные вопросы отъ вопросовъ, затрогивающихъ личныя, религіозныя убѣжденія. Не мудрено, что предметъ, по самой сущности скорѣе ораторскій чѣмъ научный, вызывалъ постоянно болѣе утвержденій, чѣмъ доводовъ, болѣе раздраженія или насмѣшки, чѣмъ спокойнаго разбора.

Конечно, всего важнѣе было свидѣтельство путешественниковъ въ краяхъ, о которыхъ шло дѣло, и въ нихъ Ридъ нашелъ самую сильную поддержку. Уокеръ (Walker), изъ Габуна, сказалъ, что онъ 14 лѣтъ пробылъ въ Африкѣ и можетъ подтвердить достовѣрность бо̀льшей части положеній, заключающихся въ запискѣ Рида, въ особенности тѣхъ, которыя касаются результатовъ трудовъ миссіи въ Габунѣ. Одинъ американскій миссіонеръ, пробывшій тамъ 23 года, признавался самъ, что всѣ труды его были положительно напрасны и что онъ не обратилъ въ самомъ дѣлѣ (bona fide) ни одного человѣка. Всѣ, обращенные, повидимому, въ

христіанство, снова возвращались къ язычеству, и тѣ, которые получили болѣе обученія, были и величайшіе негодяи. Таковъ былъ результатъ американскихъ и англійскихъ миссій; немногимъ лучше былъ и результатъ французской. Уокеръ привелъ нѣсколько примѣровъ обращенія въ христіанство изъ корыстныхъ цѣлей, и продолженія языческихъ обрядовъ у тѣхъ, которыхъ считали христіанами. Онъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывался о самихъ миссіонерахъ въ Габунѣ, но прибавилъ, что всѣ ихъ старанія обратить въ христіанство и цивилизовать туземцевъ были совершенно безуспѣшны.

Джорджъ Денисъ при этомъ разсказалъ анекдотъ, находящійся въ связи съ настояніями миссіонеровъ прежде всего уничтожить многоженство. Одинъ епископъ употреблялъ всевозможныя старанія обратить въ христіанство одного африканскаго начальника, убѣдилъ его удалить нѣкоторыхъ женъ и надѣялся, что тотъ скоро будетъ креститься. Но начальникъ никакъ не могъ разстаться съ двумя любимыми женами; епископъ же, съ своей стороны, никакъ не рѣшался уступить. Наконецъ, однажды, дикарь приходитъ къ епископу и говоритъ ему, что удалилъ одну изъ своихъ женъ и готовъ принять христіанскую вѣру. Епископъ чрезвычайно обрадовался этому извѣстію и спросилъ его, что же онъ сдѣлалъ своей женой? Каково было его удивленіе, когда тотъ ему отвѣчалъ, что онъ ее съѣлъ.

Въ другой разъ Уокеръ сказалъ, что долгое пребываніе въ Габунѣ даетъ ему право сказать, что въ послѣдніе 25 лѣтъ ни одна душа не спасена тамъ стараніями миссіонеровъ, въ чемъ они сознаются и сами. Что касается уничтоженія многоженства и невольничества въ западной Африкѣ, онъ сообщилъ, что въ Абеокутѣ издавался миссіонерскій органъ, гдѣ защищали то и другое. Касательно приписанія купцамъ деморализаціи негровъ, онъ сказалъ, что это отчасти справедливо, но замѣтилъ, что африканцы очень быстро перенимаютъ пороки европейцевъ и съ большимъ трудомъ усвоиваютъ ихъ хорошія качества. Онъ находитъ, что мно-

гоженство въ Африкѣ охраняетъ чистоту нравовъ и не должно быть уничтожено. Женщины сами защищаютъ этотъ обычай, и въ Габунѣ неженатыхъ мужчинъ неболѣе, чѣмъ женщинъ. Его знаніе страны позволяетъ ему сказать, что христіанство теряетъ тамъ почву. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было много обращенныхъ и одно мѣсто называлось городъ Іисуса Христа; но теперь всѣ возвратились къ язычеству и стали ворами, проститутками и еще хуже этого.

Капитанъ Бэртонъ, извѣстный путешественникъ, поддержалъ всею своею опытностью мнѣніе Рида и привелъ обзоръ фактовъ, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ странъ. О подпискѣ въ пользу миссій онъ замѣтилъ, что есть люди, главные доходы которыхъ заключаются въ африканской торговлѣ, между прочимъ, въ продажѣ неграмъ ядовитаго рома и доставленіи имъ оружія, чтобы они могли лучше убивать другъ друга и обращать въ рабство. Тѣмъ не менѣе, эти люди подписываютъ большія суммы въ пользу миссій. Католическія и протестантскія миссіи въ настоящее время одинаково терпятъ неудачи. О первыхъ говорили, что онѣ слишкомъ уступчивы язычеству, но теперь это не такъ. Французскіе миссіонеры среди племенъ уида преслѣдуютъ фетишизмъ, но съ 1861 года не обратили ни одного человѣка. Испанскіе миссіонеры дѣйствуютъ столь же неудачно въ Фернандо По съ 1858 г.; они даже не могутъ убѣдить дикихъ женщинъ прибавить хотя вершокъ къ ихъ одеждѣ, всего въ полфута длиною. Обширныя учрежденія, дѣйствовавшія въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ въ Конго, исчезли. Ихъ соборы разрушены, священники вымерли и только кое-гдѣ распятіе на шеѣ у какого-нибудь язычника разсказываетъ о быломъ времени. Да еще кое-гдѣ въ память дикихъ врѣзались слова, потерявшія смыслъ. Одинъ проводникъ Бэртона, показывая грубый фетишъ, состоящій изъ горшка съ жиромъ и перьевъ, назвалъ его meus Deus. Протестантскія миссіи обвиняются въ слабости, и въ томъ, что ихъ женатые проповѣдники, заваленные заботами о семьѣ, умѣютъ тратить ежегодно по полумилліону, который бы понадобился

и въ другомъ мѣстѣ. Миссіи имѣютъ передъ собой христіанъ, мухаммеданъ и язычниковъ. Съ первыми имъ, быть можетъ, труднѣе всего вести дѣло. Мухаммедане, которыхъ Ридъ, по мнѣнію Бэртона, справедливо назвалъ еретиками-христіанами, никогда не приступятъ къ ученію о Троицѣ. Изъ язычниковъ тѣ, которые имѣютъ установившуюся миѳологію и установившійся культъ, какъ китайцы, японцы, индусы, отвергли христіанство. Другіе приняли ученіе такъ, какъ его приняли южно-американцы на берегахъ Амазонской рѣки, или остались ему чужды, какъ въ Африкѣ. Во время восьмилѣтняго пребыванія въ западныхъ частяхъ Индостана, Бэртонъ имѣлъ случай видѣть результатъ современной проповѣди миссіонеровъ. Пытки и висѣлица Альбукерка обратили въ христіанъ жителей Гоа, и лишь инквизиція охраняла въ материнскомъ лонѣ католицизма тѣхъ, которые туда попали. Теперь миссіи дѣлаютъ успѣхъ лишь въ нѣкоторыхъ низшихъ кастахъ, а брахмановъ обращаютъ въ еретиковъ ихъ религіи, не болѣе. Не желая обвинять составителей миссіонерскихъ отчетовъ во лжи, Бэртонъ счелъ себя обязаннымъ высказать, что краски этихъ отчетовъ, безсознательно, можетъ быть, слишкомъ ярки. Общій ходъ дѣла таковъ: миссіонеръ начинаетъ съ жаромъ, пока, чрезъ болѣе или менѣе долгое время, не найдетъ, что онъ вьетъ веревку изъ песку. Наконецъ, утомленный варварствомъ прихожанъ, онъ впадаетъ въ апатію и живетъ жизнью возможно комфортабельною въ средѣ семьи, стараясь находиться подъ защитою укрѣпленій и отрядовъ войска. Даже мормоны не имѣютъ успѣха въ своихъ обращеніяхъ туземцевъ, а если они не имѣютъ его, кто же можетъ на него надѣяться? На западномъ берегу Африки главный центръ миссій въ Сіерра-Леоне. Всѣ негры въ Рэдъ-грэвѣ (Red-grave) христіане, но если кто искалъ бы между ними болѣе чистую нравственность, высшее развитіе, тотъ очень ошибется. Церкви и капеллы полны; воскресенье строго наблюдаютъ въ томъ отношеніи, что никто не работалъ; но ихъ бы соблюдали точно также, еслибы они поповторялись 365 разъ въ годъ. Мужчины плуты; женщины

развратны; госпитали полны сифилитиками; воровства ежедневны. Кромѣ того, старыя вѣрованія всѣ существуютъ; тотъ самый, кто слушаетъ проповѣдь въ Бэтель, идетъ поклоняться и Шанго, богу грома. Американскіе миссіонеры въ Либеріи и близъ мыса Пальма, несмотря на безспорное качество миссіонеровъ и на ихъ знакомство съ неграми въ самомъ отечествѣ, оставили сосѣднихъ негровъ столь же кровожадными и въ столь же стѣснительномъ общественномъ строѣ, въ какомъ они были и прежде. Методисты дѣйствуютъ въ Гвинейскомъ заливѣ и распространили свое вліяніе до Комаси, столицы ашантіевъ. Хорошъ успѣхъ, когда король тамъ убиваетъ ежедневно одного человѣка, исключая лишь день своего рожденія. Нѣсколько далѣе, по берегу тянется рядъ миссій, которыя или систематически враждебны всякому лицу, имъ чуждому и въ нихъ являющемуся, или извѣстны многочисленными скандалами, или едва-едва перебиваются среди совершенно равнодушнаго населенія. Въ Абеокутѣ спорятъ о конвертитахъ епископалы и методисты, сѣверные баптисты и южные баптисты, даже въ послѣднее время католики. Объ этомъ городѣ, который зовутъ „почти христіанскимъ“, Бэртонъ выражается, что это „пропасть мерзости“; приношеніе людей въ жертву весьма обыкновенно и жители имѣютъ самую дурную репутацію, начиная съ Сіерра-Леоне до Бризиліи.

Въ Біафрскомъ заливѣ находится пять торговыхъ центровъ, изъ которыхъ два заключаютъ миссіи. Въ одномъ изъ нихъ (Old Calabar) встрѣчаются вещи такія возмутительныя, какъ нигдѣ. Другой (Camaroons) есть мѣсто хроническихъ убійствъ. О миссіяхъ на Нигерѣ Бэртонъ не могъ говорить съ авторитетомъ очевидца, но замѣтилъ, что путешественникъ Бэйки (Baikie) предпочелъ держаться отъ нихъ возможно далѣе. При бѣгломъ обзорѣ западнаго берега Африки, Бэртонъ нашелъ, что самый старый центръ англійской миссіи есть и самое развращенное ея поселеніе. Язычники тамъ вообще лучше обращенныхъ въ христіанство. Послѣдніе также избиваютъ дѣтей, приносятъ людей въ жертву, уби-

ваютъ колдуній и испытываютъ невинность подсудимаго помощью яда. Христіанство плаваетъ на поверхности ихъ ума, но Мумбо-Джумбо живетъ внутри его. И въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки Бэртонъ нашелъ, что негры, рожденные и воспитанные въ Америкѣ, смѣшиваютъ христіанство съ вѣрованіемъ отцовъ. Извѣстна жалкая участь миссій на Замбези. Когда Бэртонъ вернулся изъ Африки въ 1859 году, одинъ господинъ спросилъ его мнѣніе на счетъ новаго предпріятія въ этихъ мѣстностяхъ. Бэртонъ отвѣчалъ, что люди, отправляющіеся туда, могутъ сдѣлаться самоубійцами, если имъ это угодно, но что съ ихъ стороны было бы убійствомъ брать съ собою женъ и дѣтей. Относительно миссіи въ Момба, истратившей уже 12,000 фун. стер., Бэртонъ разсказалъ слѣдующее. Въ 1857 г. у миссіонера недалеко отъ Момбы онъ встрѣтилъ негра, видъ котораго побудилъ его держать ножъ на готовѣ. Миссіонеръ сказалъ, что этотъ негръ ему очень дорогъ, такъ какъ это первый конвертитъ, и его приготовило къ христіанству горе, именно гибель всѣхъ родныхъ, что вызвало съумасшествіе, продолжавшееся (а можетъ быть, и продолжающееся) пять лѣтъ. Положеніе христіанства въ Абиссиніи слишкомъ извѣстно; кромѣ того, послѣднія событія имѣли слѣдствіемъ, что данныя Бэртона могутъ считаться устарѣлыми. Бэртонъ заключилъ свой обзоръ словами, что какъ ни непріятна истина, но лучше знать ее.

Гэррисъ (Harris) изъ Шербро, вслѣдъ за Бэртономъ, сильно нападалъ на христіанскихъ конвертитовъ на западномъ берегу Африки, въ особенности въ Сіерра-Леоне, гдѣ онъ провелъ 10 лѣтъ, а также на систему, вошедшую въ обычай у миссіонеровъ. Одинъ изъ нихъ, женившійся на негритянкѣ, былъ выгнанъ изъ миссіи. Онъ согласился съ Ридомъ, что мухаммеданскіе конвертиты гораздо лучше, а христіанскіе хуже язычниковъ. Въ другой своей рѣчи, гораздо длиннѣйшей, онъ призналъ, что десятилѣтній опытъ убѣдилъ его въ безуспѣшности труда миссіонеровъ и въ напрасной тратѣ денегъ на это. Англійскіе миссіонеры держатъ

себя въ Африкѣ слишкомъ далеко отъ своей паствы, чуждаются труда, заботятся слишкомъ о комфортѣ и о хорошемъ обѣдѣ. Негръ же, какъ весьма переимчивое существо, старается перенять и это, что дѣлаетъ его положительно вреднымъ членомъ общества. Относительно многоженства, Гэррисъ замѣтилъ, что оно вовсе не отмѣнено въ Африкѣ и бракъ до сихъ поръ тамъ комедія. Женщина живетъ съ мужчиной пока у нея родится ребенокъ; тогда они остаются вмѣстѣ и вступаютъ въ бракъ или расходятся, какъ вздумается. Что касается до миссіонеровъ, то и ихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можно назвать полигамами. Вообще миссіонеръ теряетъ двухъ, трехъ и даже четырехъ женъ впродолженіе своего пребыванія въ Африкѣ, и ихъ ему поставляютъ заново, какъ всякій другой товаръ. Онъ пишетъ въ Англію, что жена его умерла; комитетъ высылаетъ ему изъ Англіи полдюжины фотографическихъ портретовъ, изъ которыхъ онъ выбираетъ, и затѣмъ, ему высылаютъ жену съ первымъ судномъ. Когда туземцы видятъ это, вы можете быть увѣрены, что они получаютъ не очень высокое понятіе о священномъ таинствѣ брака, и если имъ говорятъ что-либо по этому поводу, они отвѣчаютъ: все это хорошо для васъ, бѣлыхъ; вамъ стоитъ только послать за женщиной, если она вамъ нужна, и вамъ ее вышлютъ. Весьма дурное мнѣніе получаетъ посѣтитель Сіерра-Леоне о духовныхъ общинахъ, когда видитъ, какъ ведутъ себя конвертиты въ церквахъ. Мужчины и женщины бросаются на землю, какъ бы въ конвульсіяхъ и со страшнымъ крикомъ, точно съумасшедшіе. Гэррисъ подтвердилъ и то, что негры, обученные христіанству, сохраняютъ всю свою вѣру въ фетишей и то, что споры сектъ производятъ вредное вліяніе на негровъ, которые разсуждаютъ такъ: бѣлые увѣряютъ, что всѣ они поклоняются одному Богу, слѣдуютъ одному Спасителю; почему же они вѣчно спорятъ, и нѣтъ двухъ сектъ, идущихъ одною и тою же дорогою въ небо? Кто изъ нихъ правъ? Въ Фритоунѣ однажды всѣ миссіонеры стали проповѣдовать противу католиковъ, которые заводили тамъ мис-

сію. Это послужило лучшей рекламой. Успѣхи мухаммеданскихъ проповѣдниковъ въ Африкѣ безспорны. «Я думаю— сказалъ Гэррисъ — что причина этого въ простотѣ ихъ религіознаго ученія. Они (проповѣдники) не оспариваютъ части вѣрованій другихъ сектъ; они говорятъ, что всѣ религіи хороши и вѣрны и всѣ пророки были хорошіе люди; они допускаютъ, что Христосъ былъ пророкъ, и что Мухаммедъ былъ пророкъ послѣ Христа. Для ума туземцевъ это гораздо легче понять, чѣмъ всѣ мелкія ссоры бѣлыхъ и то, что вотъ этотъ путь прямой, потому что это путь мой и т. д.» Школы миссіонеровъ тоже плохи. Онѣ приготовляютъ лишь ученыхъ попугаевъ, которые могутъ читать библію и молитвы и никакой другой книги. Мальчики и дѣвочки не научаются ничему полезному и потому составляютъ главный источникъ для пополненія тюремъ. Гэррисъ заключилъ тѣмъ, что гораздо бы лучше деньги, растрачиваемыя безполезно на миссіи, употребить на фермы и составить миссіи мельниковъ, земледѣльцевъ и т. д. Это бы скорѣе могло дать полезные результаты.

Боллэртъ (Bollaert) напомнилъ, что, со времени открытія Америки и введенія въ нее христіанства, мечъ христіанъ и ихъ пороки сократили населеніе съ 120 милліоновъ краснокожихъ до 12 милліоновъ. Блэкъ поддерживалъ мнѣніе, уже высказанное, что споръ христіанскихъ сектъ всюду лишь затрудняетъ обращеніе туземцевъ.

Чэрнокъ (Charnock) указалъ еще разъ на малый успѣхъ миссій и на то, что христіанство должно было исчезнуть предъ мухаммеданствомъ всюду, гдѣ его встрѣтило. Онъ замѣтилъ, что есть много причинъ, противодѣйствующихъ успѣху христіанскихъ миссій въ Африкѣ: 1) христіане не могутъ согласиться между собою на счетъ того, каково должно быть настоящее христіанство; слѣдовательно, странно было бы ожидать, что туземцы Африки будутъ ихъ умнѣе. 2) Миссіонеры, проповѣдуя, не соединяютъ слово съ дѣломъ, какъ проповѣдники ислама. 3) Климатъ, въ большей части Африки, не благопріятствуетъ предпріятіямъ миссіоне-

ровъ. 4) Мухаммеданское богослуженіе подходитъ ближе къ образу жизни и обычаямъ туземцевъ. Едва ли хотя одинъ негръ обратился бы въ христіанство безъ усилій нѣсколькихъ пламенныхъ умовъ. Какъ только они удалялись, негръ снова возвращался къ язычеству. Чэрнокъ выразилъ надежду, что миссіонерскія общества поймутъ свои заблужденія и не будутъ тратить время въ пустыхъ разглагольствованіяхъ и сорить деньгами съ цѣлью обратить въ христіанство африканскую расу. „Если въ нашъ коммерческій вѣкъ—сказалъ онъ—христіанство возможно, то существуютъ тысячи необращенныхъ на нашей родинѣ, и еще болѣе такихъ, которыхъ можно спасти отъ голодной смерти деньгами, безполезно растрачиваемыми въ Африкѣ“.

Надо сказать правду, что ораторы, говорившіе въ пользу миссіоперовъ, не выказали ни таланта, ни сдержанности, ни даже полемическаго искусства. Борнардъ Оуэнъ ((Burnard Owen) прочелъ длиннѣйшую рѣчь, полную выписками изъ оффиціальныхъ отчетовъ и сомнительными свидѣтельствами въ пользу миссій и ихъ дѣятельности; тогда какъ именно отчеты подвергались сомнѣнію и книжныя свидѣтельства опровергались единогласно всѣми наличными путешественниками въ разныхъ странахъ. Ридди (Reddie) два раза говорилъ длиннѣйшія рѣчи, которыя не имѣли даже интереса, какъ сборники фактовъ, что безспорно Оуэнъ пытался сдѣлать. Кромѣ того озлобленіе людей этой партіи высказалось въ безпрестанныхъ личныхъ нападкахъ и бросаніи грязью въ противниковъ, въ особенности же на Рида (который, должно сознаться, далъ поводъ къ тому нѣсколько легкомысленными выраженіями въ своей книгѣ объ Африкѣ). Они высказали даже странное требованіе, чтобы противники христіанскихъ миссій высказали, какая ихъ вѣра и съ точки зрѣнія какой религіи они говорятъ. Рѣшились объявить только убѣжденныхъ христіанъ компетентными судьями въ дѣлѣ пользы миссій, и мы видѣли выше, что отвѣтилъ на это Гэнтъ.

Но всѣ ждали съ нетерпѣніемъ рѣчи епископа Колензо,

присутствовавшаго при преніяхъ и получившаго громкую извѣстность своими богословскими сочиненіями, гдѣ онъ критически отнесся къ библіи, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что его хотѣли удалить изъ епископства за его еретическое ученіе, но не могли сдѣлать этого, потому что при составленіи закона не имѣлось въ виду, что будутъ когда-либо епископы, непризнающіе безусловной истины библейскихъ текстовъ. Такимъ образомъ еретикъ остался епископомъ Наталя. Его долгая практика въ отношеніи дикихъ народовъ придавала его словамъ большой авторитетъ, а свободное отношеніе его къ самымъ основамъ христіанскаго ученія не позволяло заподозрить его слова въ узкомъ клерикализмѣ. Онъ произнесъ очень длинную рѣчь [1]), которая, правду сказать, далеко не была столь полна фактами и свѣжимъ анализомъ очевидца, какъ того можно было ожидать. Большая часть ея относилась къ богословскимъ спорамъ, едва ли интереснымъ для антропологовъ и совершенно неумѣстнымъ въ антропологическомъ обществѣ. Лишь нѣкоторыя мѣста относились къ настоящему вопросу.

Епископъ Колензо призналъ очевиднымъ, что въ обществѣ научныхъ изслѣдователей выраженіе религіозныхъ мнѣній должно быть свободнымъ и ограничиваться лишь общественными приличіями, которымъ долженъ слѣдовать всякій, кто знаетъ, что, для многихъ присутствующихъ, можетъ быть оскорбительно и больно слышать его слова. Въ рѣчи Рида онъ нашелъ мнѣніе довольно распространенное, что дѣятельность миссіонеровъ безполезна, отчеты ихъ невѣрны или полны пустяками и что лучше дать суммамъ, употребляемымъ на поддержку миссій, другое назначеніе. Но Колензо выразилъ свое полное убѣжденіе, что труды миссіонеровъ между дикими полезны для послѣднихъ, несмотря на огромные недостатки этихъ трудовъ. Это убѣжденіе придало ему, по его словамъ, рѣшимость спокойно посмотрѣть въ

---

[1]) «Journ. of the An. S.» CCXLVIII и слѣд.

глаза дѣлу, сознаться въ ошибкахъ, изучить ихъ причины и посмотрѣть, какъ бы ихъ исправить.

Колензо объявилъ, что онъ отвергаетъ аргументъ въ пользу миссій, основанный на вѣчной гибели язычниковъ, если они не услышатъ проповѣди христіанства, причемъ нечего взвѣшивать стоимость дѣла. Но и придавать особенное значеніе потерѣ денегъ и жизни въ этомъ случаѣ, онъ не рѣшался, такъ-какъ и деньги и жизнь тратятъ въ другихъ случаяхъ въ большемъ числѣ и еще менѣе производительно, напримѣръ въ крымской войнѣ или въ войнѣ противъ кафровъ. Одинъ корабль, погибшій въ бурѣ во время первой войны, унесъ цѣнность, способную поддержать сотню миссіонеровъ и ихъ семей впродолженіе четверти вѣка; а затраты на войну противъ кафровъ способны бы были оплатить впродолженіе того же времени 10,000 учителей, которые бы, вѣроятно, измѣнили состояніе этихъ племенъ и устранили бы опасность подобныхъ войнъ на будущее время.

Но говорятъ, что изъ ничего ничего и не выйдетъ. Результаты трудовъ миссіонеровъ безконечно малы и 10,000 учителей въ четверть вѣка неспособны поднять дикихъ изъ ихъ варварства. Колензо полагалъ, что факты доказали пользу миссій, хотя бы какъ распространителей цивилизаціи, и что варварскіе народы Европы сами обязаны своимъ успѣхомъ въ значительной степени миссіонерамъ. „Вѣра и любовь— сказалъ епископъ—никогда не пропадаютъ даромъ. Если ни одинъ атомъ вещественной вселенной не можетъ быть истребленъ, эти вещи, болѣе реальныя и болѣе драгоцѣнныя, не могутъ совершенно погибнуть. Безъ нихъ человѣкъ былъ бы лишь умное животное. Но мы знаемъ, что и война со всѣми ея ужасами, была благодѣяніемъ для человѣчества, по обширности поля, которое было ею открыто для дѣятельности вѣры и любви, для героизма обязанности, для проявленія мужества, терпѣнія, выдержки, настойчивости и самоотверженія. Поле дѣятельности миссій, несмотря на нравственные и умственные недостатки тѣхъ, которые на немъ работаютъ, есть другое такое же поле, и въ немъ

оборотная сторона навѣрно менѣе достойна порицанія". Отъ миссіонеровъ ожидаютъ слишкомъ многаго и въ слишкомъ короткое время. При этомъ Колензо развилъ въ подробности многочисленныя препятствія дѣятельности миссіонеровъ и сказалъ, что онъ не придаетъ никакой цѣны быстрымъ и значительнымъ успѣхамъ миссіонеровъ среди дикихъ. Онъ не вѣритъ подобнымъ успѣхамъ, потому что они неестественны, несогласны съ опытомъ и потому призрачны. Желательно имѣть не отдѣльное насилованіе процесса въ немногихъ случаяхъ, но общій успѣхъ цѣлаго общества туземцевъ, возбуждая въ нихъ привычку къ промышленности и прочный процессъ умственнаго, нравственнаго и религіознаго развитія, хотя бы этотъ процессъ былъ весьма медленъ. „Что за польза, спрашиваетъ Ридъ, отъ христіанскихъ миссій, когда человѣкъ утромъ идетъ въ церковь, а вечеромъ сожигаетъ живьемъ колдунью". Но два вѣка тому назадъ лучшіе люди въ Англіи поступали точно также, люди, замѣчательные ученостью и благочестіемъ, „и я вовсе не увѣренъ— прибавилъ епископъ-еретикъ — что и теперь нѣтъ между нами людей, которые бы сожгли еретика, еслибы могли это сдѣлать". Посмотримъ на дѣло миссіонеровъ надлежащимъ образомъ, „не въ смыслѣ попытки спасти нѣсколько отдѣльныхъ душъ отъ вѣчнаго огня, но въ смыслѣ поднятія цѣлой расы къ истинному достоинству человѣка, какъ сына божія, какъ существа, одареннаго умственными, нравственными и духовными (Spiritual) способностями"; въ такомъ случаѣ это одна изъ самыхъ высокихъ, интересныхъ и благородныхъ дѣятельностей, которой мы можемъ посвятить наши силы. Епископъ Грей, одинъ изъ главнѣйшихъ противниковъ Колензо, обвинялъ его въ томъ, что онъ не увеличилъ число пунктовъ миссіонерской дѣятельности въ Наталѣ. Колензо оправдывался и недостаткомъ средствъ, но въ особенности недостаткомъ людей, которымъ, по широтѣ ихъ чувствъ, по образованности ихъ ума и по высотѣ ихъ взглядовъ, можно было довѣрить подобное дѣло. „Конечно, если главная цѣль заключается въ размноженіи числа преподавателей христіан-

скаго ученія; если люди нужны только для того, чтобы пичкать умъ туземцевъ символами вѣры и катехизисомъ и чтобы воспитать нѣкоторое число людей-попугаевъ, повторяющихъ догматическія фразы и формулы, то недостатка въ орудіяхъ не будетъ, особенно потому, что доходъ и положеніе миссіонера несравненно выше того, до чего могутъ подобные учителя достичь въ отечествѣ". Большой недостатокъ настоящей англійской системы миссій видитъ Колензо въ томъ, что англійскіе миссіонеры не практическіе люди, не знаютъ медицины, ремеслъ, земледѣлія и только богословы. Если не учить туземцевъ той или другой отрасли промышленности, то миссіонерская дѣятельность не можетъ ожидать никакого успѣха, а второстепенные помощники въ этомъ отношеніи, при недостаточности содержанія, безполезны.

Относительно многоженства Колензо призналъ дѣломъ личнаго мнѣнія, а не правиломъ церкви, обязанность, наложенную на конвертитовъ прогнать всѣхъ женъ, кромѣ одной. Онъ полагалъ, что новообращеннымъ въ такомъ случаѣ слѣдуетъ посовѣтовать воздержаться отъ крещенія, но жить христіанами или слѣдовать примѣру Авраама, который былъ «угоденъ Богу» и со многими женами. «Какъ христіане, вы не можете жениться на нѣсколькихъ женахъ заразъ, но вы не должны обманывать тѣхъ, которыя уже жены ваши, и нарушать обязанности, законно на себя принятыя по вашимъ туземнымъ обычаямъ. Вы не должны обижать вашихъ женъ и дѣтей изъ-за эгоистической надежды спасти вашу собственную душу».

Колензо резюмировалъ свою рѣчь въ мысли, что дѣло миссіонеровъ не только научить читать библію, или употреблять нѣкоторую литургію, или повторять опредѣленный катехизисъ или символъ вѣры. Формы «Молитвенной книги» (Prayer book) непереводимы на языкъ зулу, но можно научить зулу молиться въ такихъ же простыхъ формахъ, какъ молится ребенокъ. «Истинный миссіонеръ—сказалъ епископъ—отправляется, какъ «наслѣдникъ всѣхъ вѣковъ» для того, чтобы сообщить своему ближнему тѣ блага, которыми

онъ самъ обладаетъ, какъ дары всеобщаго отца, и такимъ образомъ всякій бѣлый, научающій туземцевъ промышленности и ремесламъ цивилизованной жизни, можетъ быть на дѣлѣ, а часто и бываетъ истиннымъ благовѣстителемъ Божьей любви для своихъ ближнихъ». Главнаго дѣла Колензо ожидаетъ отъ школъ, заводимыхъ государствомъ, чуждыхъ сектаторскимъ взглядамъ, школъ, гдѣ бы сообщалось элементарное обученіе, которое бы для мальчиковъ, оказывающихъ наибольшіе успѣхи, могло бы продолжаться въ другихъ центральныхъ школахъ, также чуждыхъ сектамъ. Сто человѣкъ умныхъ свѣтскихъ учителей, обладающихъ ремесленными знаніями и являющихся въ племена не судьями, а помощниками и совѣтниками, могли бы, по его мнѣнію, сдѣлать очень много. И, по мнѣнію Колензо, цивилизованныя націи обязаны это сдѣлать для дикихъ племенъ. «Можемъ ли мы, какъ нація, допустить, чтобы они страдали отъ дурныхъ послѣдствій соприкосновенія съ цивилизаціей, въ то время, какъ мы господствуемъ въ ихъ землѣ и собираемъ съ нихъ подати, и можемъ ли не стремиться распространить на нихъ главное дѣло цивилизаціи—воспитаніе? Или можемъ ли мы, какъ нація, хладнокровно предоставить религіознымъ сектамъ ссориться изъ-за ихъ мелочныхъ особенностей, тогда какъ народъ гибнетъ, по крайней мѣрѣ въ этой жизни, отъ языческаго невѣжества, лѣности, пороковъ и предразсудковъ?»

Колензо объявилъ подъ конецъ, что не можетъ допустить высказанной мысли, будто «каждый подписывающійся на гинею въ пользу миссіи въ чужихъ странахъ, отнимаетъ эту гинею у какого-нибудь голодающаго англичанина», потому что считаетъ труды, направленные на благо людей безъ различія расы, столь же высокими и благородными, какъ научные труды, на которые не жалѣютъ ни денегъ, ни жизни. О бережливости же слѣдуетъ говорить лишь тогда, когда каждый ограничитъ свои расходы крайне необходимымъ для самаго себя и для своихъ близкихъ, и станетъ отдавать все остальное нуждающемуся населенію въ отече-

ствѣ; и не въ формѣ милостыни, а въ формѣ хорошо обдуманныхъ и хорошо организованныхъ учрежденій для поднятія уровня низшихъ классовъ. «Короче, будетъ ли эта братская дѣятельность имѣть мѣсто въ отечествѣ или заграницею, въ ней важна не «гинея», не деньги, а любовь, вѣра и духъ самоотверженія».

Несмотря на свою длинноту, на много ненужнаго, а частью и на поклоненіе инымъ идеаламъ, которые уже отжили свое время, все-таки рѣчь Колензо отличалась такою широтою воззрѣній и теплымъ сочувствіемъ дѣлу, на которое онъ посвятилъ всю свою жизнь, что собственно она заключила серьезныя пренія. Клерикалы не рѣшились возражать очень сильно, и только въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ высказали свое раздраженіе, тѣмъ болѣе, что существенный, экономическій вопросъ рѣшился въ ихъ пользу. Опаснѣйшій противникъ объявилъ миссіи полезными, а пока ихъ миссіи преобразовались бы въ миссіи по его мысли, могло еще утечь много воды. Дерзкіе титаны, съ такою рѣзкостью напавшіе на новый Олимпъ, тоже нашли лучшимъ пойти на уступки. Ридъ объявилъ, что онъ говорилъ противъ христіанскихъ миссій, какъ ихъ ведутъ обыкновенно, а не противъ миссіи, какъ ею руководитъ епископъ Колензо. Онъ радовался, что собраніе слышало правду, такъ какъ, можетъ быть, это былъ первый примѣръ, что миссіонеръ рѣшился на публичномъ собраніи открыто говорить правду. Ридъ выразилъ свое сочувствіе миссіонерству съ цѣлью ремесленною, торговою, впослѣдствіи же и съ научною. Французы поступали такъ на берегахъ Сенегала, потому что имѣли дѣло съ мухаммеданами, дѣти которыхъ не пошли бы въ ихъ школы, еслибы тамъ учили религіи. Но въ настоящее время миссіонерство составляетъ романъ религіи, и пройдетъ много времени прежде, чѣмъ этотъ романъ оставятъ въ сторонѣ. Обязанность путешественника—указать на ошибки, которыя могутъ быть исправлены. Ридъ полагалъ, что сами миссіонеры не откажутся отъ нововведеній. По его мнѣнію, настоящихъ враговъ миссіонерскаго дѣла надо искать въ Анг-

ліи между направителями миссіонерскихъ трудовъ, людьми, которые вовсе не понимаютъ значенія этихъ трудовъ.

Уэллесъ (Wallace) выразилъ также полное согласіе съ воззрѣніемъ епископа на этотъ предметъ. Дѣйствительно, по его мнѣнію, дикихъ народовъ слѣдуетъ просто учить. Зулу, съ которыми имѣлъ дѣло Колензо, стоятъ, по умственному развитію, значительно выше многихъ другихъ племенъ, напримѣръ туземцевъ Австраліи, которые не могутъ считать далѣе 3 или 5 и не понимаютъ, что 2 и 3 составляетъ 5. Такимъ народамъ совершенно безполезно говорить о религіи, потому что они не въ состояніи понять, что̀ это значитъ. Увѣренность, что миссіонеръ дѣйствуетъ не изъ себялюбивыхъ намѣреній, а исключительно изъ одного желанія добра— всегда производитъ хорошее дѣйствіе и, по мнѣнію Уэллеса, она можетъ лучше всего повліять на народъ.

Упомянемъ еще о замѣчаніи Дэнбаръ Гиса (Dunbar Heath), который приплелъ къ вопросу дарвинизмъ, высказавъ, что миссіонеры и дикіе, живя рядомъ, вступаютъ въ борьбу и видоизмѣняютъ нравственно другъ друга. И онъ призналъ цѣлью миссіонерства не спасеніе душъ, а возвышеніе человѣческихъ расъ вообще.

Споры въ парижскомъ и лондонскомъ обществахъ, точно также какъ свѣдѣній, имѣющіяся изъ другихъ источниковъ, нисколько не доказываютъ полной невозможности низшимъ расамъ подняться до болѣе высокой ступени человѣческаго развитія, ступени, которая можетъ даже стоять довольно высоко; но точно также они не могутъ убѣдить, что всѣ расы человѣка д ѣ й с т в и т е л ь н о равны по способностямъ и могутъ стать современемъ рядомъ въ общечеловѣческомъ развитіи. Одно доказано почти безспорно, что нынѣшній строй европейской цивилизаціи, со своею смѣсью средневѣковыхъ привычекъ и научныхъ стремленій, положительно гибеленъ для низшихъ расъ. Европейцы, въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, несутъ въ другія части свѣта не только общечеловѣческій элементъ, ими выработанный, но еще многочисленныя особенности, привитыя имъ исторіею, или климатиче-

скими условіями, и эти-то особенности, вносимыя насильно въ чуждый строй, въ чуждыя условія, дѣйствуютъ какъ истребительный ядъ на чуждыя племена, или мѣшаютъ имъ заимствовать отъ европейцевъ и чисто-человѣческія начала. Мы не говоримъ уже о той звѣрской беззаботности, съ которою иныя низшія племена были предоставлены полному истребленію. Что европейскія приличія, европейская обычная нравственность, европейскіе схоластическіе споры неприложимы къ чуждымъ племенамъ, это весьма не трудно понять, особенно когда вспомнимъ, что и въ самой Европѣ всѣ эти остатки добраго стараго времени въ глазахъ трезвыхъ мыслителей перестали уже быть идолами, которымъ должно приносить въ жертву все человѣческое. Но пропаганда знанія и справедливости въ ея чистой формѣ не была еще пробована никогда. Ее собственно требуютъ всѣ тѣ, которые надѣются поднять низшія расы. Ее имѣютъ въ виду и люди, подобные Колензо, хотя они и не могутъ еще отстать отъ привычки примѣшивать къ ней хотя какой-нибудь остаточекъ преданій добраго стараго времени. На эту пропаганду согласятся и тѣ, которые скептически относятся ко всякой попыткѣ цивилизовать дикихъ или даже отрицаютъ возможность это сдѣлать.

Но способна ли нынѣшняя Европа къ подобной пропагандѣ? Не слишкомъ ли въ нее въѣлись средневѣковые остатки, чтобы она могла отречься отъ нихъ въ своемъ миссіонерствѣ среди дикихъ? Мы видимъ, что до сихъ поръ, въ своей собственной средѣ, Европа не рѣшается выдѣлить сектаторскія направленія изъ своихъ школъ, на подобіе Америки, сдѣлавшей это хотя частью. Возможно ли же, чтобы мѣра, на которую не рѣшаются у себя дома, была принята при отдаленныхъ учрежденіяхъ? Едва ли не вѣроятнѣе, что самой Европѣ предстоитъ еще періодъ обновленія и внутренней реформы, прежде чѣмъ ея миссіонеры среди дикихъ будутъ дѣйствительно „наслѣдниками всѣхъ вѣковъ“, а не муравьями, проповѣдующими величіе своихъ муравейниковъ въ средѣ осъ и пауковъ.

15. Фазисы человѣческаго развитія.

Самый сильный аргументъ въ пользу возможности развитія низшихъ расъ нѣсколько подобенъ тому, который вывысказываютъ защитники такъ-называемаго произвольнаго зарожденія и измѣненія видовъ. Было время, когда организмы не существовали, потомъ они появились; значитъ, организмы могутъ зарождаться отъ неорганическаго вещества. Было время, когда нынѣшніе виды организмовъ не существовали, потомъ они явились; значитъ они развились изъ другихъ видовъ. Было время, когда всѣ люди стояли на той же ступени, какъ нынѣшніе самые неразвитые дикари, потомъ явились разныя формы исторической жизни; значитъ изъ низшаго состоянія дикости можетъ племя развиться до состоянія современныхъ наивысшихъ расъ.

И не только изъ низшаго состоянія до высшаго можетъ дойти и долженъ былъ дойти человѣкъ. Ему приходилось выйти изъ животнаго состоянія и дойти до человѣческаго. Лэббокъ, какъ мы видѣли выше, высказываетъ мнѣніе, что простѣйшія ремесла были самостоятельно изобрѣтены у различныхъ племенъ, въ различныхъ частяхъ свѣта. Онъ думаетъ [1]), что еще и теперь мы можемъ прослѣдить, какимъ образомъ люди дошли или могли дойти до этихъ изобрѣтеній. Говорятъ, что иныя обезьяны часто употребляютъ въ дѣло дубины, и бросаютъ въ непріятелей палками и каменьями; мы знаемъ, что онѣ вкладываютъ каменья между раковинами устрицы, чтобы достать животное [2]), и круглыми камнями раскалываютъ орѣхи; отъ этого до употребленія остраго камня чтобы рѣзать, шагъ, кажется, невеликъ, и его въ одинъ счастливый день совершили наиболѣе развитые изъ нашихъ предшественниковъ, а другіе быстро усвоили. Когда остріе притуплялось, камень бросали, и отыскивали другой. Потомъ, случайно или обдумавъ, могли найти, что

[1]) J. Lubbock: „Pre-historic Times“. 475.
[2]) Archiv etc. II, 33.

круглые камни раскалываютъ не только орѣхи, но и другіе камни, и такимъ образомъ дикарь могъ дойти до того, что сталъ самъ дѣлать для себя заостренные камни. Сначала, какъ мы видимъ въ ископаемыхъ остаткахъ, они были грубы и шероховаты, но мало по малу удары, при обдѣлкѣ ихъ, стали наносить разсчитаннѣе, осторожнѣе; и наконецъ нашли, что для обдѣлки камня удобнѣе и лучше во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствовать давленіемъ, чѣмъ ударомъ. Отъ давленія до полированія тоже весьма недалеко. Изготовляя кремневыя орудія, конечно, замѣчали искры; полируя, нельзя было не замѣтить, что камни нагрѣваются, и вотъ какимъ образомъ, вѣроятно, были открыты два способа добыванія огня.

Чимпанзе строитъ себѣ шалаши, весьма похожіе на жилища нѣкоторыхъ дикарей. Слѣдовательно, наши первые праотцы могли знать это ремесло; если же они не пошли такъ далеко, то впослѣдствіи, когда они начали заниматься охотою, они, конечно, подобно всѣмъ племенамъ охотниковъ, дополняли недостаточность своего оружія хорошимъ знаніемъ образа жизни и привычекъ животныхъ, которыхъ они преслѣдовали. Бродя по лѣсамъ, они не могли не видѣть жилища, устраиваемыя различными животными, а видя эти жилища, люди могли перенять ихъ, и строить такія же жилища себѣ.

У эскимосовъ нѣтъ глиняной посуды, они замѣняютъ ее выдолбленными камнями, окружая ихъ по краямъ возвышеннымъ слоемъ глины. Слой этотъ могли дѣлать толще, камень уменьшать, и наконецъ увидѣли, что можно обойтись и безъ него. Въ теплыхъ странахъ, для содержанія жидкостей, употребляются деревянные сосуды, или скорлупа нѣкоторыхъ плодовъ, напримѣръ, кокосовыхъ орѣховъ и пр. Они не могутъ, конечно, противиться дѣйствію огня, но если ихъ съ наружной стороны обмазать глиной, то они противостоятъ ему. Есть данныя, что подобныя, постепенныя улучшенія были совершены, въ недавнее время, у многихъ отдѣльныхъ

племенъ [1]). Можно бы привести множество подобныхъ фактовъ, гдѣ весьма простымъ и, повидимому, совершенно естественнымъ образомъ, доходили до значительныхъ открытій. Весьма невѣроятно, чтобы подобный успѣхъ, однажды достигнутый, былъ когда нибудь забытъ.

Не замѣчено, говоритъ Тейлоръ, чтобы какой-нибудь народъ, выучившись сучить нитки веретеномъ, или добывать огонь верченьемъ, помощью ремня, потомъ перешелъ къ болѣе грубому способу, и сталъ обходиться безъ этого орудія; да и трудно вообразить себѣ подобную вещь. „Слѣдовательно, низшія расы, нынѣ существующія, должны стоять по крайней мѣрѣ на той ступени развитія, на которой стояли наши праотцы, когда они стали распространяться по поверхности земли, произошло ли это распространеніе изъ нѣсколькихъ различныхъ пунктовъ на земной поверхности, или изъ одного, вблизи тѣхъ мѣстностей, о которыхъ говоритъ Джибсонъ [2]).

Въ какомъ же положеніи находились они тогда? Они не имѣли глиняной посуды, потому что и до сихъ поръ, или по крайней мѣрѣ до позднѣйшаго времени, не имѣли ее ни эскимосы, ни полинезцы, ни австралійцы, ни нѣкоторые сѣверо и южно-американскія племена, и еще многіе дикари. У нихъ не было лука и стрѣлъ, такъ какъ и то, и другое было неизвѣстно австралійцамъ и новозеландцамъ; ихъ лодки, вѣроятно, были самой грубой работы; они были наги и не умѣли прясть; они не имѣли понятія о земледѣліи и вѣроятно не имѣли домашнихъ животныхъ, кромѣ собакъ. О менѣе употребительныхъ оружіяхъ они, вѣроятно, тоже не имѣли понятія. Даже праща и дротикъ, вѣроятно, были имъ неизвѣстны, точно такъ, какъ и щитъ.

Копье, которое есть не что иное, какъ остріе ножа, посаженное на длинную ручку, и палица, которая, въ сущности, только длинный молотокъ—единственныя оружія, которыхъ существованіе можетъ быть допущено у нашихъ пер-

[1]) Tylor: «Early History of Mankind». 269.
[2]) См. выше, гл. 9.

выхъ предшественниковъ. Они, кажется, единственныя всеобщія и естественныя оружія человѣка.

Можетъ показаться страннымъ, какъ человѣкъ, въ началѣ, могъ убивать дичь; но мы должны припомнить, что если человѣкъ былъ неискусенъ, животныя были довѣрчивы. Всѣмъ извѣстно, какъ ручны птицы на необитаемыхъ островахъ; осторожность животныхъ и искусство человѣка вѣроятно вырабатывались вмѣстѣ.

Такъ же можно разсуждать и относительно умственнаго состоянія дикихъ народовъ. Весьма невѣроятно, чтобы наши первые предки умѣли считать до десяти, такъ какъ многіе изъ существующихъ расъ не идутъ далѣе четырехъ.

Съ другой стороны, трудно предполагать, чтобы человѣкъ могъ находиться еще на низшей противъ вышеупомянутой степени развитія. Въ тропическихъ странахъ, человѣкъ, конечно, могъ питаться плодами, и жить, какъ живутъ обезьяны. Бэтсъ говоритъ, что такъ живутъ нѣкоторыя бразильскія племена. „Обезьяны, говоритъ онъ, ведутъ совершенно такую же жизнь, какъ и индіанцы парарауты (Para-rauate)“.

Но перейдя въ болѣе умѣренный климатъ, наши предки необходимы должны были, по крайней мѣрѣ отчасти, питаться животной пищей. Вѣроятно тогда, если только не ранѣе, ножъ превратился въ копье, а молотокъ въ палицу.

Многіе предполагали, что человѣкъ распространялся на поверхности земли рядомъ постепенныхъ „переселеній“. Но переселенія, собственно, свойственны уже сравнительно высшей организаціи. Кромѣ того, замѣчено, что географическое распредѣленіе человѣческихъ расъ совпадаетъ съ распредѣленіемъ другихъ животныхъ формъ; и такъ, несомнѣнно, что человѣческій родъ распространялся по поверхности земли, мало по малу, годъ за годомъ, также какъ въ настоящее время, медленно, но вѣрно европейскія растенія распространяются на почвѣ Австраліи.

Съ тѣхъ поръ, когда наши предки, вооруженные только копьями и дубинами, бились за свое существованіе съ жи-

вотными и проходили первый фазисъ человѣческаго существованія,—съ этого, вполнѣ до-историческаго времени, для тѣхъ народовъ, которые жили историческою жизнью, прошли долгіе періоды, обозначенные различными формами общественнаго строя. Когда мы сближаемъ отдаленные пункты этого долгаго развитія, они кажутся намъ столь мало сходными, что мы прежде всего готовы ихъ отнести къ немногимъ существенно различнымъ фазисамъ общественной жизни.

Въ такомъ случаѣ между дикостью и современной цивилизаціей существуетъ обрывъ. Но онъ существуетъ не только между ними. Жизнь бедуина, калмыка, жизнь древняго германца въ его лѣсахъ, еще болѣе древняго арійца, шедшаго въ Европу, до раздѣленія новыхъ народовъ, наконецъ жизнь средневѣковаго феодала—все отлично отъ нашей современности, и отъ жизни австралійца или пещернаго человѣка-людоѣда. Классификація составляетъ такой привычный логическій пріемъ, что ее неудержимо стремились приложить къ соціальнымъ формамъ, какъ только, въ послѣдній періодъ, стала разработываться соціальная наука. Начиная съ грубой классификаціи охотниковъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ, придумано было много классификацій, при чемъ старались все полнѣе охарактеризовать каждый фазисъ общественной жизни. Одну изъ такихъ попытокъ, слѣдуя Шарлю Фурье, внесъ Пелларенъ въ пренія парижскаго антропологическаго общества въ 1867 г., и при этомъ затронулъ нѣкоторыя стороны въ понятіи о цивилизаціи, заставляющія насъ обратить вниманіе на его рѣчь.

„Антропологическое общество — сказалъ Пелларенъ, — судя по характеру нѣкоторыхъ преній, происходившихъ въ немъ, ставитъ себѣ цѣлью не только разрѣшеніе задачъ, касающихся нашего предмета, какъ ни важна уже, сама по себѣ, и эта цѣль; оно имѣетъ еще, если я не ошибаюсь, благородное стремленіе способствовать улучшенію положенія предмета своего изученія, въ настоящемъ и въ будущемъ“.

Подобная постановка вопроса неизбѣжно вызывала критику современной цивилизаціи. Уже Ларте замѣтилъ, что

«наша эпоха еще оставляетъ громадное мѣсто желанію лучшаго» [1]). Пелларенъ рѣшительно всталъ на эту точку зрѣнія, говоря, что слѣдуетъ еще провѣрить, не промѣняли ли мы инстинктивную грубость низшаго соціальнаго быта на другіе пороки, присущіе настоящей общественной формѣ цивилизованныхъ народовъ, пороки, которые, при болѣе правильномъ общественномъ строѣ, были бы, можетъ быть, устранены, при чемъ общество сохранило бы драгоцѣнныя завоеванія цивилизаціи „или, прибавилъ Пелларенъ, выражаясь точнѣе, завоеванія, сдѣланныя наукой въ фазисѣ цивилизаціи“.

По мнѣнію Пелларена, вопросъ, возбужденный Брока, требуетъ сравненія различныхъ строевъ общества, черезъ которые проходило человѣчество, что, безспорно, входитъ въ программу антропологическихъ изслѣдованій. Различное органическое строеніе человѣческихъ расъ несомнѣнно вліяетъ на способность ихъ къ тому или другому общественному строю. Но, въ свою очередь, общественный строй, въ которомъ живетъ народъ, вліяетъ сильно на органическія наклонности; онъ развиваетъ иныя изъ нихъ, измѣняя формы тѣла, особенно черепа, въ которомъ заключается органъ всѣхъ умственныхъ проявленій.

Между общественнымъ строемъ и органическимъ строеніемъ существуетъ взаимное соотношеніе. Оно проявляется, по мнѣнію Пелларена, не только въ общемъ превосходствѣ черепа личностей, жившихъ въ лучшей общественной средѣ, относительно размѣровъ и формъ, но и, по замѣчанію Гратіолэ, въ большемъ разнообразіи головъ личностей въ передовыхъ обществахъ, и въ многочисленнѣйшихъ индивидуальныхъ особенностяхъ этихъ головъ. Такъ собраніе череповъ цивилизованнаго народа будетъ представлять болѣе разнообразія въ сравненіи съ собраніемъ череповъ дикаго племени. Между послѣдними, мы найдемъ менѣе уклоненій, какъ въ размѣрахъ, такъ и въ формѣ. Однообразіе въ строеніи че-

[1]) См. гл. 4.

реповъ, по мнѣнію Пелларена, указываетъ на весьма отсталое, почти неподвижное общественное устройство, а разнообразіе свидѣтельствуетъ о большей сложности общества и дальнѣйшаго его движенія на пути прогресса. „Такъ что— прибавляетъ онъ, — мы направляемся не къ равенству, а къ серіи разнообразій, всѣ члены которой движутся прогрессивно".

Замѣтимъ, что послѣдняя мысль совершенно совпадаетъ съ теоріей Герберта Спенсера, что дифференцированіе въ обществѣ составляетъ явленіе, соотвѣтствующее его прогрессу, но это дифференцированіе выражается большимъ обособленіемъ личностей, а не спеціализаціей ихъ занятій, какъ, повидимому, допускаетъ Спенсеръ [1]). Возвращаемся къ рѣчи Пелларена.

Со времени появленія первыхъ поколѣній человѣка на землѣ, до нашего времени, человѣчество жило въ обществахъ столь различнаго строя, что пришлось дать имъ различныя названія. Пелларенъ предложилъ слѣдующую серію соціальныхъ устройствъ, идущую отъ наиболѣе отсталой къ наиболѣе прогрессивной. Состояніе дикое, патріархальное, варварское, цивилизованное. Образцѣ ихъ доступны и въ наше время наблюденію.

Раса составляетъ, повидимому, главную причину болѣе продолжительной остановки народа на низшей ступени общественнаго строя, или его болѣе быстраго соціальнаго развитія, но раса—не единственная причина. „Я замѣчу — при этомъ сказалъ ораторъ—что это обстоятельство (раса) представляетъ роковой фактъ, измѣнить который не можетъ человѣкъ; и спрашиваю себя, можетъ ли оно, въ какомъ-либо случаѣ, сдѣлать для нѣкоторыхъ расъ безусловно невозможнымъ когда-нибудь подняться по общественной лѣстницѣ до той ступени, на которой находимся мы, народы цивилизованные, и даже пойти выше насъ".

---

[1]) См. статью Спенсера «Соціальный организмъ» въ I томѣ «Опытовъ», «Теоріи прогресса»; тамъ же и разборъ первыхъ выпусковъ Спенсера въ «Женскомъ Вѣстникѣ» 1867.

„Утвердительный отвѣтъ былъ бы смертнымъ приговоромъ низшихъ расъ, предназначенныхъ, такимъ образомъ, на полное исчезаніе. Мнѣ кажется невозможнымъ подписать этотъ приговоръ. Я вѣрю, что если ихъ старшіе братья придутъ къ нимъ на помощь, съ искреннимъ желаніемъ блага, съ разсудительностью и самоотверженіемъ, но наши меньшіе братья всевозможныхъ цвѣтовъ кожи и всевозможнаго физическаго строенія, будутъ способны когда-либо стать въ условія развитія, и особенно въ условія общественной гармоніи, до которыхъ еще далеки и мы въ настоящее время. И можетъ быть, въ этомъ именно, то-есть въ несовершенствѣ нашего общественнаго строя, и кроется главная причина того, что мы не можемъ подвинуть дикія и варварскія племена, населяющія почти двѣ трети обитаемой поверхности земнаго шара, на путь цивилизаціи.

„Намъ не удается ихъ общественное воспитаніе; причина тому лежитъ, можетъ быть, на столько же съ нашей стороны въ недостаткѣ способностей, нужныхъ воспитателямъ, какъ и съ ихъ стороны въ недостаткѣ способностей, нужныхъ воспитываемымъ“.

Это естественно привело Пелларена къ высказанію своего основнаго положенія относительно цивилизаціи, именно что цивилизація, въ его глазахъ, не есть окончательная форма человѣческаго общежитія, а только переходная форма, какъ и всѣ остальныя.

Разбирая вопросъ, каковы были эти формы, онъ указалъ на послѣдовательность, принятую Ог. Контомъ въ развитіи религіозныхъ ученій (фетишизмъ, политеизмъ, монотеизмъ) на эпохи, отмѣченныя Кондорсэ, но остановился преимущественно на ученіи Шарля Фурье, отъ котораго онъ заимствовалъ свою серію.

Фурье, по мнѣнію Пелларена, строже другихъ распредѣлилъ серію общественныхъ формъ или періодовъ. Онъ выставилъ, какъ ихъ признаки, не только виды промышленности, въ нихъ встрѣчающіеся, и пріемы въ нихъ употребляемые, но также, и главнымъ образомъ, отношенія лич-

ностей между собой, положеніе массы, и въ особенности женщины. Положеніе работника и женщины — вотъ, по его мнѣнію, истинное мѣрило общественнаго прогресса.

Кромѣ того, Фурье не смѣшивалъ степень промышленныхъ успѣховъ и промышленнаго могущества общества со степенью благополучія, которое общество доставляетъ большей части своихъ членовъ. Въ этомъ отношеніи строй жизни дикихъ племенъ, такъ далеко отставшихъ отъ другихъ народовъ по могуществу промышленности, вовсе не даетъ массѣ чувствовать наиболѣе горечи, притѣсненій, униженій и всевозможныхъ бѣдствій. У нихъ вождь не такъ самовластно распоряжается подчиненными, какъ позднѣйшіе правители-патріархи, предводители періода варварства, и даже монархи періода цивилизаціи, когда захватъ власти освящается волей Божіей, а большинство заковывается въ болѣе крѣпкія цѣпи, или вслѣдствіе соединенія духовной и политической власти въ однѣхъ рукахъ, или вслѣдствіе постоянной коалиціи обѣихъ властей, для порабощенія большинства, удержаннаго въ положеніи низшихъ классовъ, какъ-то: невольниковъ, паріевъ, феллаховъ, крѣпостныхъ, вилановъ и пролетаріевъ.

Дикарь, берущій свою пищу тамъ, гдѣ ее находитъ, работающій только вслѣдствіе собственныхъ потребностей, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, ни для себя, ни для своего семейства, во многихъ отношеніяхъ гораздо счастливѣе невольника временъ патріархальныхъ и варварскихъ или даже бѣдняка цивилизаціи. Этотъ послѣдній, среди своихъ лишеній и нищеты, видитъ вокругъ себя наслажденія, къ которымъ онъ не имѣетъ права прикоснуться, подъ страхомъ кары законовъ, охраняющихъ права собственности. Его несчастіе увеличивается отъ постояннаго раздраженія, при видѣ счастія другихъ. Ничего подобнаго не испытываетъ дикарь. Голодая самъ, онъ не видитъ вокругъ себя сытыхъ людей. Лишенія его зависятъ отъ общаго хода природы, какъ-то: отъ недостатка дичи или плодовъ и корней, служащихъ ему пищей. Эти лишенія не представляются результатами условныхъ общественныхъ отношеній.

„Итакъ, нѣкоторые писатели—говоритъ Пелларенъ—имѣли право сказать, что дикарь, въ зародышномъ состояніи своего общества, пользуется нѣкоторыми естественными правами, которыя были отняты позднѣйшими обществами у массы народа, безъ достаточнаго за то вознагражденія". Судя по разсказамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, каждый дикарь призывается на совѣтъ своего племени, подаетъ свой голосъ по вопросу о мирѣ или войнѣ съ сосѣдями, разсуждаетъ о предстоящихъ экспедиціяхъ и пр. Слѣдовательно, онъ обладаетъ нѣкоторыми гарантіями отъ воинственныхъ фантазій своего вождя, «гарантіями—прибавляетъ Пелларенъ — которыхъ не имѣютъ не только подданные какого-либо султана, что̀ само собой разумѣется, но и жители многихъ цивилизованныхъ государствъ». При этомъ Пелларенъ касается вопроса, который за два года предъ этимъ возбудилъ жаркій споръ въ лондонскомъ антропологическомъ обществѣ, именно слабыхъ успѣховъ миссіи между низшими расами. Онъ находитъ, что было бы странно приписывать исключительно-органическимъ недостаткамъ то отвращеніе, которое выказываетъ большинство дикихъ народовъ, или даже всѣ они, къ поученіямъ миссіонеровъ и къ стараніямъ ввести европейскія привычки въ ихъ образъ жизни. Допустивъ, что это одна изъ причинъ ихъ сопротивленія религіозному поученію и перемѣнѣ обычаевъ, было бы весьма односторонне взваливать все на несовершенство ихъ организма. «Почему бы не спросить себя—говоритъ Пелларенъ—точно ли наши поученія не представляютъ ничего противнаго естественнымъ законамъ разума, и даже справедливости? А если представляютъ, что мудренаго, что простой, здравый смыслъ дикаря, согласный въ этомъ случаѣ съ разумомъ философа, отказывается принять изрѣченіе credo quia absurdum, одного изъ самыхъ знаменитыхъ отцовъ (западной) церкви? Дикарь можетъ замѣтить разногласіе нашихъ миссіонеровъ различныхъ исповѣданій, насчетъ догматовъ и обрядовъ, не весьма добросовѣстные пріемы нашихъ купцовъ, строгое подчиненіе дисциплинѣ нашихъ солдатъ и матросовъ;

всего этого едва ли не достаточно, чтобы дикарь недовѣрчиво относился къ тому, что мы ему даемъ, взамѣнъ его независимости. Не слѣдуетъ ли объяснить это непобѣдимое отвращеніе сдѣлаться колесомъ въ машинѣ цивилизаціи, какъ протестъ самой природы противъ несовершенства общественнаго механизма?...

„Изъ предыдущаго получается практическое заключеніе, что, можетъ быть, слѣдовало бы вести сдержаннѣе религіозную пропаганду между дикими, по крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока наши теологи различныхъ сектъ не достигнутъ сами до соглашенія въ основаніяхъ подобнаго поученія; слѣдовало бы тоже пока воздержаться отъ дѣйствія на народы путемъ реформъ, и самое лучшее было бы, можетъ быть, отказаться временно отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ образъ жизни. Эти пріемы должна бы намъ внушить по моему мнѣнію, разумная любовь къ ближнему въ отношеніи къ дикимъ, пока мы можемъ представить имъ лишь довольно дурные примѣры, передать имъ лишь пагубныя побужденія и привычки, не говоря уже о многочисленныхъ заразительныхъ элементахъ. Исторически доказанъ фактъ, что вездѣ, гдѣ европейцы соприкасались съ туземцами другихъ частей свѣта, оставшимися въ болѣе или менѣе первобытномъ состояніи, это соприкосновеніе повело или къ истребленію туземныхъ расъ, какъ въ Америкѣ, или къ ухудшенію ихъ положенія, какъ на всемъ западномъ берегѣ Африканскаго материка, вслѣдствіе торговли неграми, возбудившей вождей къ постояннымъ войнамъ, для пріобрѣтенія невольниковъ съ цѣлію продажи.

По свидѣтельству путешественника Ливингстона, народы внутреннихъ частей материка, не имѣвшіе никакихъ сношеній съ европейцами и не испытавшіе воздѣйствія этихъ сношеній, сохранили болѣе кроткіе нравы; обращеніе вождей съ подданными гуманнѣе, чѣмъ у народовъ ближайшихъ къ берегу, испытавшихъ вліяніе сношеній съ цивилизованными націями.

„Скажу мимоходомъ, что слѣдовало бы увѣрить нѣсколько

наше усердіе въ дѣлѣ религіозной пропаганды и соціальнаго вмѣшательства относительно населеній далекихъ странъ. Не обсуждая вопроса, который, какъ дѣло благочестія, не подлежитъ моему разсмотрѣнію, я невольно спрашиваю себя, можно ли считать разумнымъ дѣйствіемъ любви къ ближнему, напримѣръ, налогъ въ нѣсколько су на дѣтей нашей страны, для выкупа маленькихъ китайцевъ, тогда какъ вдругъ, и какъ бы случайно, мы замѣчаемъ, въ одинъ прекрасный день, что у насъ, во Франціи, погибаетъ ежегодно нѣсколько тысячъ грудныхъ младенцевъ, отъ недостатка ухода и попеченій?“

Возвратясь къ общимъ соображеніямъ, Пелларенъ обратилъ вниманіе на много разъ высказанное замѣчаніе о сходствѣ развитія человѣчества съ развитіемъ отдѣльной особи въ различные періоды ея возвраста. Онъ нашелъ, что это сходство, хотя и существуетъ вообще, но оба процесса развитія представляютъ, въ частностяхъ, замѣтныя различія. Такъ, напримѣръ, у отдѣльной особи всѣ части организма развиваются вмѣстѣ; никогда не бываетъ, чтобы одинъ органъ достигъ развитія зрѣлаго возраста, въ то время, какъ другіе оставались бы въ періодѣ дѣтства. У человѣчества, напротивъ, мы видимъ, какъ нѣкоторыя группы остаются еще на низшей ступени дикости, между тѣмъ, какъ другія уже достигли той ступени, на которой возможна обработка наукъ и искусствъ въ обширныхъ размѣрахъ. Но допустимъ, что человѣчество должно составить когда-либо одно цѣлое, несмотря на разнообразіе этнологическихъ его особенностей. „Это единство — говоритъ Пелларенъ — провидѣли нѣкоторые древніе философы; его, при самомъ возникновеніи своемъ, громко заявило христіанство; его, наконецъ, поочередно приняли, и придали ему все болѣе и болѣе опредѣленную форму, философы XVIII столѣтія, и основатели соціалистическихъ школъ XIX столѣтія“.

Въ такомъ случаѣ Пелларенъ находитъ естественнымъ, что отсталыя части догонятъ передовыхъ. Возможность солидарности всего человѣчества, въ нравственномъ и соціаль-

номъ отношеніи, Пелларенъ подтверждаетъ аналогіею эпидемій, которыя безразлично передаются отъ особей одной расы особямъ другой.

Какъ бы то ни было относительно будущаго, но относительно прошедшаго Пелларенъ призналъ, что общественная жизнь человѣчества проявлялась, смотря по времени и по мѣстности, въ формахъ рѣзко отличающихся одна отъ другой, и что цивилизація есть не что иное, какъ одна изъ этихъ формъ, стоящая, пока, выше всѣхъ остальныхъ на пути прогресса.

Съ мнѣніемъ Пелларена согласился въ засѣданіи 1-го августа Баррье, который, впрочемъ, отказался отъ развитія своей мысли, когда Голенъ заявилъ желаніе спорить, требуя объясненія, обозначаютъ ли термины—дикость, патріархальность, варварство, цивилизація—періоды развитія одного и того же общества, или формы, въ которыхъ остаются общества, однажды въ нихъ попавшія. Долли, очевидно, употреблялъ терминъ „цивилизація“ весьма неопредѣленно, говоря въ одно и то же время, что она начинается первымъ орудіемъ, и что наша эпоха даетъ приблизительно картину цивилизаціи въ формахъ своей жизни.

Всего сильнѣе возражалъ Пелларену Кудро. Онъ обвинилъ Пелларена въ недостаткѣ опредѣленности его характеристикъ, говоря, что ни одинъ изъ признаковъ, приписанныхъ имъ цивидизаціи, не таковъ, чтобы можно было отрицать эти признаки въ другихъ общественныхъ формахъ и даже у животныхъ. Промышленность есть принадлежность всѣхъ ступеней общественнаго развитія и даже животныхъ. Если одноженство признать вѣрнымъ признакомъ цивилизаціи, то нѣкоторыя пары голубей будутъ гораздо цивилизованнѣе нѣкоторыхъ паръ человѣческихъ принадлежащихъ къ высшимъ группамъ. Науку (собственно знаніе) онъ находилъ во всѣхъ животныхъ обществахъ. Относительно возможности развитія дикихъ племенъ Кудро выразился такъ:

„Г. Пелларенъ высказалъ прекрасную надежду, что нѣкогда низшія группы возвысятся на одинъ уровень съ выс-

шими и всѣ народы сольются въ общей цивилизаціи (собственно Пелларенъ не употреблялъ здѣсь подобнаго термина). Я не могу раздѣлять его надежды. Не считаю невозможнымъ, чтобы когда-либо установилась обширная федерація разныхъ земныхъ цивилизацій, но это будетъ не одна и та же цивилизація, а союзъ цивилизацій весьма различныхъ, изъ которыхъ каждая будетъ соотвѣтствовать спеціальнымъ потребностямъ темперамента, физическаго и нравственнаго сложенія данной расы.

«Будутъ ли призваны всѣ низшія расы къ этому увѣнчанію зданія человѣчества? Многочисленные факты уже отвѣчаютъ отрицательно. Не забудемъ естественнаго подбора... Борьба за существованіе устанавливается, и природа дѣлаетъ выборъ, выражаетъ предпочтеніе все тѣмъ же грубымъ способомъ: гибелью слабѣйшаго.

«Благодаря гуманнымъ идеямъ, господствующимъ въ Европѣ, нѣкоторыя народности будутъ имѣть возможность вступить на путь прогресса и выдержать побѣдоносно великое испытаніе, которому онѣ подвергаются или скоро подвергнутся. Но большое число ихъ несомнѣнно погибнетъ при этомъ».

Вообще же въ опредѣленіи цивилизаціи Кудро удержалъ свои два, прямо противорѣчащіе одинъ другому взгляды. Съ самаго начала рѣчи онъ сказалъ, что дѣйствительно считаетъ синонимами слова: общежитіе (état social) и цивилизація. Тѣмъ не менѣе, онъ столь же рѣшительно утверждалъ ниже: „Говоря о цивилизаціи, мы говоримъ объ обществѣ и о прогрессѣ. Прогрессъ принадлежитъ всему ряду (обществъ), но есть мгновеніе, когда изъ безсознательнаго и фаталистическаго, какимъ онъ былъ до тѣхъ поръ, прогрессъ становится результатомъ воли. Эту точку и предложилъ разсматривать, какъ линію раздѣла между цивилизаціею и дикостью“. Подъ конецъ рѣчи, онъ еще повторилъ, что за эту линію онъ предлагаетъ принять „нравственное и умственное движеніе, то-есть добровольное общественное движеніе“, и сказалъ: „Какъ ни ог-

раничены общественныя проявленія, лишь только ихъ сопровождаетъ стремленіе воли къ прогрессу (tendance voulue vers le progrès), они составляютъ основу всякой цивилизаціи и заслуживаютъ названіе цивилизаціи".

Пелларенъ возражалъ очень слабо.

Мы не остановимся на болѣе подробномъ изложеніи четырехъ членовъ серіи, которые предлагалъ Пелларенъ. Читатели, знакомые съ рубриками фурьеристовъ, не найдутъ здѣсь ничего новаго, а при описаніи того или другаго члена серіи Пелларенъ держится постоянно столь общихъ выраженій и характеристикъ, что не даетъ никакихъ фактовъ, которые бы могли намъ служить для болѣе конкретнаго представленія предмета. Намъ важна самая мысль, выставленная Пеллареномъ предъ ученымъ парижскимъ антропологическимъ обществомъ, а рубрики Фурье, поддержанныя Пеллареномъ, имѣютъ недостатокъ всѣхъ слишкомъ крупныхъ рубрикъ для большаго количества весьма разнообразныхъ явленій. Онѣ остаются слишкомъ отвлеченными формулами. Какъ только мы возьмемъ какое-либо конкретное явленіе, сейчасъ оказывается, что оно, по богатству своего содержанія и по своей индивидуальности, не подходитъ подъ формулы. Съ одной стороны мы не находимъ въ немъ всего того, что требуетъ формула; съ другой оно заключаетъ множество частностей, которыя принадлежатъ другимъ формуламъ; или, наконецъ, въ немъ встрѣчаемъ черты, бросающіяся въ глаза, преобладающія по своей характеристичности, но вовсе не имѣвшіяся въ виду при составленіи формулъ. Эти недостатки, присущіе всѣмъ подобнымъ классификаціямъ, къ какой бы сферѣ предметовъ они ни относились, еще разительнѣе выступаютъ при классификаціи общественныхъ ступеней по слѣдующей причинѣ. Пелларенъ справедливо замѣтилъ, что разница развитія человѣчества отъ отдѣльной особи, между прочимъ, заключается въ томъ, что всѣ части особи переходятъ вмѣстѣ чрезъ разные возрасты, тогда какъ въ человѣчествѣ однѣ группы людей можно считать принадлежащими къ одному возрасту, другія къ другому. Но это самое прило-

жимо въ значительной степени не только къ цѣлому человѣчеству, но и къ отдѣльнымъ его группамъ, подвинувшимся нѣсколько далѣе первобытнаго состоянія. Члены серіи Фурье и Пелларена не только существовали во времена, въ данномъ народѣ; не только они существуютъ въ данный моментъ въ пространствѣ у разныхъ племенъ земнаго шара; они еще существуютъ одновременно въ различныхъ слояхъ одного и того же общества, весьма небольшая часть котораго дошла до болѣе высокихъ ступеней развитія, а остальная располагается по самымъ разнообразнымъ ступенямъ, спускаясь довольно низко. Мало того, въ міросозерцаніи и въ обычаяхъ цивилизованнаго меньшинства передовыхъ обществъ можно найти слѣды міросозерцаній и обычаевъ, которые, по своей сущности, принадлежатъ, по классификаціи Фурье и Пелларена, къ періоду варварства, патріархата или дикости. Въ обществахъ, которыя бы можно поставить съ Фурье на ступень варварства и патріархата, точно также найдутся группы личностей, и элементы въ мысли и въ жизни передоваго меньшинства, которые слѣдуетъ отнести къ низшимъ ступенямъ развитія.

Къ этому всему присоединяется еще обстоятельство, что при соприкосновеніи различныхъ элементовъ въ мысли и жизни личности, и въ общественномъ сожительствѣ разныхъ группъ, каждый изъ этихъ элементовъ нѣсколько видоизмѣняется подъ вліяніемъ другихъ. То же самое, хотя въ нѣсколько меньшей степени, можно сказать и о взаимномъ вліяніи различныхъ сосѣднихъ племенъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ развитія. И всѣ эти вліянія, измѣненія, переходы формъ разнообразятъ до того строй человѣческихъ обществъ, что для соціолога термины дикости, патріархата, варварства, цивилизаціи (въ смыслѣ Фурье) становятся почти безполезны. Мы еще возвратимся ниже къ ихъ анализу. Точно также мы обратимся и къ другимъ пунктамъ взгляда Пелларена. Теперь же, размѣстивъ предъ читателемъ всѣ факты, доставленные намъ матеріаломъ, указаннымъ нами въ началѣ, въ томъ видѣ, какъ эти факты

доставлялись намъ авторами статей или ораторами обществъ, теперь постараемся извлечь изъ нихъ искомый нами результатъ.

15. Общественный элементъ безпозвоночныхъ.

Для того, чтобы лучше обозрѣть законъ измѣненія въ ряду членовъ, которые мы разсматриваемъ, сравнимъ прежде всего крайніе, полученные нами члены, и посмотримъ, что въ нихъ общаго и въ чемъ ихъ существенное различіе.

Безпозвоночныя животныя представили намъ низшую зоологическую ступень, на которой мы нашли общество, со всѣми его условіями жизни. Изъ фактическаго развитія человѣческихъ обществъ высшая точка, доступная нашему наблюденію, это—цивилизація юридически-промышленнаго строя, какъ она существуетъ въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ въ передовыхъ государствахъ Европы и въ республикахъ Америки. Спускаться ниже государствъ суставчатыхъ было бы разсужденіемъ надъ фактами, соціологическое значеніе которыхъ гадательно. Пойти далѣе современныхъ положительныхъ фактовъ человѣческой общественности, было бы углубленіемъ въ безграничное поле теоретическихъ предположеній, допускающихъ слишкомъ много простору произвольной полемикѣ.

И такъ сравнимъ общественный строй низшихъ животныхъ, доступныхъ въ этомъ отношеніи довольно точному наблюденію, съ тѣмъ, что мы гордо называемъ современной европейской цивилизаціей. Къ своему удивленію мы замѣчаемъ въ нихъ общій элементъ, который въ насѣкомыхъ имѣетъ исключительно-преобладающее значеніе, а у насъ играетъ самую видную роль, и этотъ элементъ, какъ онъ ни различенъ въ своихъ формахъ, но по сущности совершенно одинаковъ тамъ и здѣсь.

Возьмемъ современное европейское общество и въ немъ обратимся прежде всего къ меньшинству, которое поставлено въ наивыгоднѣйшее положеніе. Оно пользуется всѣми благами

того, что мы называемъ нашею цивилизаціею. Ему открыты всѣ дороги жизни. Но легко замѣтить, что личности этого меньшинства распадаются на три весьма различныя группы по своей общественной дѣятельности.

Собственно дѣятелями можно назвать очень немногихъ. Это люди, выработавшіе себѣ болѣе или менѣе основательный, болѣе или менѣе широкій взглядъ на задачи теоретическія и практическія, встрѣчающіяся въ обществѣ. Взглядъ этотъ они вынесли изъ фактовъ знанія и изъ событій жизни, а если и получили отъ другихъ, то усвоили его во всѣхъ его частностяхъ; они вносятъ этотъ взглядъ въ свои дѣйствія, пріобрѣтаютъ ему приверженцевъ или подчиняютъ ему другихъ какъ орудія. Измѣняя свой взглядъ на теоретическіе и практическіе вопросы, они точно также распространяютъ свою новую точку зрѣнія на другихъ и вовлекаютъ этихъ другихъ въ стремленіе, вызванное ихъ мыслію. Ихъ разнообразныя стремленія и разнообразные процессы мысли, лежащіе въ основѣ этихъ стремленій, составляютъ, въ сущности, всю движущую силу современнаго цивилизованнаго меньшинства.

Близко къ нимъ стоитъ другая, уже болѣе многочисленная группа, безъ которой первые ничего бы не сдѣлали. Эти люди находятся въ подобной же обстановкѣ, какъ и первые, даже иногда въ гораздо выгоднѣйшей, но живутъ мыслію первой группы. Они повторяютъ слова двигателей общества, дѣйствуютъ по ихъ указанію, усвоиваютъ ихъ привычки и составляютъ ихъ самую прочную поддержку. Даже въ нѣкоторой степени, они усвоиваютъ себѣ мысль общественныхъ дѣятелей, особенно въ ея практическомъ значеніи защиты существующихъ порядковъ или нападенія на эти порядки. Но эти люди сами не были бы способны придать обществу жизнь и движеніе, точно также какъ дикая коза не вздумаетъ укрыться отъ непогоды на скотный дворъ, куда бѣжитъ ея одомашненная родня. Это—участники въ цивилизаціи современнаго европейскаго меньшинства, но уже никакъ не дѣятели.

Наконецъ самое большое число личностей въ этомъ меньшинствѣ принадлежитъ третьей группѣ. Эта послѣдняя пользуется не менѣе другихъ, а пожалуй и болѣе, всѣми ощутимыми выгодами современной общественной жизни, но не участвуетъ вовсе мыслію въ современномъ движеніи. Она лишь присутствуетъ при европейской цивилизаціи. Люди этой группы потому лишь принадлежатъ къ цивилизованному обществу, что родились въ немъ, родились при условіяхъ, поставившихъ ихъ рядомъ съ двигателями и участниками цивилизаціи. Они получили по наслѣдству нѣкоторыя формы жизни и привычки, и сохранятъ ихъ, подобно тому, какъ австраліецъ до конца жизни сохранитъ обычаи и привычки семьи, въ которой родился, какъ муравей сохранитъ тотъ или другой строй унаслѣдованнаго имъ муравейника. О людяхъ третьей, разсматриваемой нами группы можно, нисколько не обижая ихъ, повторить фразу Кудро, поставившаго рядомъ муравьевъ, бобровъ, обезьянъ и французовъ [1]), только мы не рѣшимся приложить къ нимъ слово цивилизованныя существа. Они дѣйствительно живутъ въ средѣ цивилизаціи, но для нихъ цивилизація есть лишь нѣсколько сложнѣйшая форма общественности, гдѣ ходы мышиныхъ норъ и построекъ термитовъ замѣнены паркетными гостиными, boulevard Montmartre, Pall-Mall, Большой Морской; дойныя вши муравьевъ замѣнены наслѣдственною рентою, или чиновничьимъ жалованьемъ; но въ сущности разницы нѣтъ никакой. Мысль подобнаго господина не идетъ далѣе круга привычной рутины или плотскихъ наслажденій. Ему къ данному часу поваръ готовитъ кушанье; лакей въ данную минуту говоритъ: обѣдъ поданъ; другой лакей подаетъ блюда и разливаетъ вино; три паразита забавляютъ амфитріона свѣтскимъ разговоромъ, купленная жена или камелія ждутъ его взгляда, чтобы отдать свои прелести въ его распоряженіе. Неужели же это не тотъ же Коойлитукъ [2]), которому нѣсколько деликатнѣе втискиваютъ въ ротъ пальцами сладо-

[1]) Гл. 4.
[2]) См. гл. 7.

сти жизни различныя Арналооа? Еще ниже даже, не напоминаетъ ли этотъ господинъ муравья-амазонку, котораго кормятъ похищенные и пріученные невольники и который бы умеръ съ голоду, еслибы они не были подлѣ него [1]). Его память обогащена громкими словами и звонкими фразами; онъ усвоилъ себѣ десять тысячъ церемоній свѣтскаго приличія и сословной субординаціи. Онъ знаетъ, предъ кѣмъ слѣдуетъ согнуться и къ кому можно отнестись высокомѣрно. Но все это выучка, преданіе, привычка. Готентотъ имѣетъ свои преданія и привычки. Осы—опять свои. И тутъ разница лишь въ сложности, но подобіе полное.

Конечно, Кудро неправъ, когда онъ всю цивилизацію новаго общества приравнялъ жизни животныхъ [2]). Для первыхъ двухъ группъ цивилизованнаго меньшинства то, что уподобляетъ ихъ муравьямъ и эскимосамъ—только обстановка ихъ жизни, настоящая же ихъ жизнь въ постоянной переработкѣ, перестройкѣ, въ расширеніи, въ осмысленіи, въ идеализированіи этой обстановки. Но для третьей группы оно совершенно такъ. Это животныя, родившіяся въ условіяхъ цивилизаціи, живущія въ нихъ потому, что въ нихъ родились, и столь же мало способны подумать о ихъ улучшеніи, какъ австраліецъ способенъ найти что-нибудь возмутительное въ томъ, чтобъ лѣзть въ гніющій трупъ кита и пожирать разлагающееся мясо, или какъ пчела способна пожалѣть шмеля, выгоняемаго изъ улья.

Опустимся нѣсколько ниже въ европейскомъ же обществѣ. Перейдемъ къ классу, поставленному по рожденію въ худшія условія и для котораго цивилизація нашего общества представляетъ лишь тяжесть, а не наслажденія. Послѣднія ему недоступны. Положеніе его рядомъ съ болѣе цивилизованнымъ меньшинствомъ подобно положенію низшихъ расъ рядомъ съ болѣе цивилизованными. Выгодно поставленное меньшинство его эксплуатируетъ, развращаетъ, презираетъ, заражаетъ его своими недостатками и не передаетъ ему своихъ

[1]) См. гл. 6.
[2]) Тамъ же.

достоинствъ, зависящихъ отъ удобнѣйшей обстановки, раздражаетъ его присутствіемъ своего благополучія и потомъ борется съ нимъ оружіемъ закона, конкуренціи капитала съ трудомъ, знанія съ невѣжествомъ; Кудро справедливо замѣтилъ, что и въ Европѣ часть населенія стоитъ по развитію не выше жителей Дагомея и что эти люди «лишь подчиняются» европейскимъ общественнымъ формамъ. Делазіовъ правильно указалъ на существованіе крайняго неразвитія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ блестящихъ столицъ, въ то время какъ мы „уже нѣсколько вѣковъ плывемъ въ океанѣ цивилизаціи“ [1]). Онъ могъ бы указать ближе на бѣдное населеніе самыхъ центровъ цивилизаціи, то населеніе, о которомъ Ридъ сказалъ, что среди дикихъ племенъ Африки онъ не встрѣчалъ такой нищеты, какъ въ Лондонѣ [2]). Этотъ классъ, подобно дикимъ, смотритъ большею частью съ недовѣріемъ на все, что ему приносятъ миссіонеры цивилизованнаго меньшинства. Онъ чуждается ихъ пріютовъ, ихъ совѣтовъ, ихъ книгъ, ихъ примѣра. Онъ чувствуетъ, что они ему чужды и что сближеніе ихъ съ нимъ искусственно. Онъ также видитъ, что приносятъ ему великолѣпные храмы, дворцы, фабрики и вся роскошь, на которую онъ работаетъ. И въ немъ, какъ у дикихъ племенъ, физическій типъ искажается, болѣзни становятся наслѣдственными, смертность значительно болѣе, чѣмъ у его болѣе счастливыхъ сосѣдей, и дѣти мрутъ тысячами изъ-за недостатка ухода, по замѣчанію Пелларена [3]). Не вымираетъ этотъ классъ лишь потому, что все-таки его гораздо болѣе, чѣмъ цивилизованнаго меньшинства, да послѣднее, во имя своей собственной пользы, въ наше время, начинаетъ заботиться о томъ, чтобы классъ этотъ не доходилъ до крайности.

Въ этомъ классѣ мы замѣтимъ тѣ же группы, которыя указали выше. И тутъ есть двигатели, пробивающіе всѣ преграды и становящіеся въ ряды счастливаго меньшинства

---

[1]) См. гл. 11.
[2]) См. гл. 13.
[3]) См. гл. 14.

или вносящіе въ жизнь своего круга знаніе и художественность, стремленіе къ истинѣ и справедливости, подымающіе уровень своихъ товарищей силою своей мысли. Они достигаютъ всего, чего можно достигнуть при формахъ ихъ жизни, работою этой мысли. По ихъ примѣру идутъ другіе и участвуютъ въ ихъ работѣ, не принося въ нее ничего самостоятельнаго. Это вторая группа. Наконецъ третья стоитъ точно также на ступени животныхъ, родившихся въ обстановкѣ данной цивилизаціи, какъ и счастливцы, о которыхъ мы говорили, дикіе, которыхъ мы съ ними сравнивали и общественныя животныя.

Кромѣ класса, наслаждающагося цивилизаціей, и класса, только терпящаго ее, мы найдемъ цѣлый рядъ промежуточныхъ положеній, именно найдемъ личностей, въ нѣкоторой степени ею наслаждающихся и несущихъ нѣкоторую долю ея неудобствъ въ пользу наслажденій меньшинства, наивыгоднѣйшимъ образомъ поставленнаго. Для всѣхъ подобныхъ личностей повторяется прежнее подраздѣленіе. Люди, работающіе мыслію для улучшенія своей обстановки; люди, участвующіе въ этомъ улучшеніи по примѣру первыхъ; люди, потому лишь живущіе въ данной обстановкѣ, что въ ней родились, получили ее какъ рутинный способъ удовлетворенія своихъ потребностей, какъ преданіе, и усвоившіе жизнь въ ней, какъ привычку.

Обратимся ли мы къ предъидущимъ періодамъ развитія высшихъ расъ, или къ современному быту низшихъ, мы и здѣсь найдемъ то же: болѣе или менѣе значительное большинство лицъ, родившихся въ данной общественной обстановкѣ, иногда весьма разнообразной, различной для лицъ того же общества, причемъ это большинство удовлетворяетъ свои потребности тѣми способами, которые ему переданы какъ преданіе и вошли въ его привычки; затѣмъ меньшинство съ нѣсколько высшими потребностями, мало по малу измѣняющее свои привычки, и замѣняющее одни преданія другими. Но и въ этомъ меньшинствѣ лишь нѣсколько человѣкъ, работающихъ мыслію самостоятельно, болѣе или менѣе практи-

чески относящихся къ существующему общественному строю во имя новыхъ идеаловъ, ими выработанныхъ. Остальные члены меньшинства получаютъ свои новыя потребности и способы ихъ удовлетворить отъ этого меньшинства.

Переходя къ обществамъ животныхъ, мы видимъ, въ самыхъ благоустроенныхъ изъ нихъ, исключительное господство той группы, въ которой критика личной мысли отсутствуетъ [1]). Строгое преданіе и неумолимая привычка въ удовлетвореніи потребностей здѣсь выставляются въ полномъ развитіи. Протеста, хотя самомалѣйшаго, мы не въ состояніи замѣтить. Особи скорѣе умираютъ, чѣмъ измѣняютъ привычки къ другой обстановкѣ, и эксплуатируемые не думаютъ воспользоваться случайными выгодами, чтобы отмстить эксплуатирующимъ, или улучшить свое общественное положеніе. Подтвержденіемъ можетъ служить опытъ Гюбэра. Тѣмъ не менѣе и тутъ отъ времени до времени происходитъ измѣненіе привычекъ, и небольшое соображеніе доказываетъ, что оно должно было произойти въ несравненно большей степени въ прежнее время, при образованіи, напримѣръ, государства пчелъ. Хотя справедливо замѣчаніе Гюбэра, что человѣкъ лишь тогда понялъ бы поводы, заставляющіе дѣйствовать пчелу такъ или иначе, когда бы онъ былъ въ состояніи мысленно превратиться въ пчелу и посмотрѣть на вещи съ ея точки зрѣнія, но тѣмъ не менѣе нельзя отвергнуть предположенія, что и въ государствахъ животныхъ, при внезапныхъ обстоятельствахъ, когда мы замѣчаемъ измѣненіе привычекъ, нарушеніе преданій, мысль выйти изъ затруднительнаго положенія, попробовать новый способъ дѣйствія, могла явиться прежде у одной особи, могла найти быстро въ другихъ особяхъ участниковъ новизны и образовать новое преданіе.

Замѣчаніе Кудро совершенно вѣрно: лишь необходимость созидаетъ общества; лишь потребность вызываетъ прогрессъ [1]). Это безусловно приложимо въ обществахъ животныхъ, какъ

---

[1]) См. гл. 5 и 6.

въ обществахъ человѣка. Но необходимость есть лишь первый шагъ къ общественности, потребность — первый шагъ къ прогрессу. И кромѣ того, потребности потребностямъ рознь. Есть потребности, прямо вытекающія изъ физіологическаго устройства существъ и изъ ихъ обстановки. Есть другія, переданныя имъ по преданію, усвоенныя ими по привычкѣ. Затѣмъ, при данной обстановкѣ, всякой потребности можно, большею частью, удовлетворить разными способами; можно удовлетворить ей полнѣе или менѣе полно, лучше или хуже. Когда однажды новое существо является въ жизнь въ общество опредѣленнаго строя, уже самое существованіе среды, въ которой это существо явилось, предполагаетъ, что есть средства удовлетворить потребностямъ его организаціи, что есть преданіе для ихъ удовлетворенія, что ему могутъ сообщить рутинную технику, назначенную для этой цѣли, и что новое существо найдетъ цѣлую систему привычныхъ соображеній, привычныхъ пріемовъ жизни, привычнаго общественнаго строя. Сдѣлавшись однимъ изъ органовъ этого строя, это существо будетъ передавать всю эту привычную систему новымъ существамъ, и ничто не мѣшаетъ подобнымъ процессамъ повторяться неопредѣленно длинное количество времени, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Всѣ предъидущія соображенія совершенно одинаково приложимы къ государству насѣкомыхъ, какъ къ бѣдной жизни какого нибудь племени островитянъ или къ разнообразнымъ явленіямъ жизни государства, имѣющаго сложное законодательство, обширную промышленность, великолѣпное богослуженіе, даже обширную литературу. Всюду здѣсь, по выраженію Вундта, общественный строй даннаго поколѣнія опирается на поколѣнія, жившія до него [2]) и, прибавимъ, опирается только на нихъ. Когда однажды въ привычки пчелъ вошла опредѣленная система кормленія личинокъ, устраненія борьбы за престолъ, періодическое истребленіе ненужныхъ самцовъ, опредѣленная система колонизаціи,—она длится уже тыся-

[1]) См. гл. 5.
[2]) См. гл. 6.

чи лѣтъ. Когда островитянинъ, рождаясь въ данной семьѣ нашелъ употребленіе огня, копья, бумеранга, обжиганія посуды, обычное отношеніе къ женщинѣ, обычное воззрѣніе на предметы, обычные обряды въ разные періоды жизни,—вся эта система жизни можетъ просуществовать, безъ малѣйшаго измѣненія, впродолженіе столь же длиннаго ряда поколѣній, какъ бытъ термитовъ или пчелъ. Но представьте себѣ общество съ опредѣленнымъ раздѣленіемъ работъ, со строгими законами, охватывающими всю жизнь человѣка, съ господствующимъ классомъ, обладающимъ достаточною силою для удержанія законодательства безъ измѣненія, съ системою вѣрованій, освящающихъ существующій порядокъ и внушаемыхъ столь же послѣдовательно, какъ муравьи-амазонки внушаютъ воспитаннымъ ими невольникамъ, что обязанность послѣднихъ—кормить повелителей и за ними ухаживать. Представьте себѣ, при этомъ, великолѣпные дворцы, храмы, фабрики, литературу, строго слѣдующую даннымъ образцамъ, строго оберегаемую закономъ и общественнымъ мнѣніемъ отъ новизны и нарушенія приличій, отъ критики существующаго и отъ оскорбленія разныхъ respectabilities. Что мѣшало бы подобному государству просуществовать десятки тысячъ лѣтъ безъ всякаго измѣненія? При достаточно-послѣдовательной техникѣ воспитанія и администраціи—ровно ничего. Нѣкоторыя азіатскія государства, государство ацтековъ приближались, на сколько могли, къ этой неподвижности. Въ сущности, она составляетъ идеалъ каждой догматической теоріи общества. Совершенно независимо отъ воли средневѣковыхъ теоретиковъ не удалось устроить Европу въ муравейникъ съ папою во главѣ, съ рядомъ феодаловъ и монастырей, пользующихся выгодами жизни, и съ массою вилановъ для прокормленія этого господствующаго класса. Византійская Имперія пошла даже довольно далеко на пути окоченѣнія подъ данными формами церемоніала и законодательства. Московское царство стояло уже на той точкѣ, гдѣ могло надѣяться съ успѣхомъ окоченѣть, и плоды подобнаго окоченѣнія еще не исчезли въ разныхъ группахъ нашего общества. Всюду, на

всѣхъ ступеняхъ развитія, грозитъ человѣческому обществу это явленіе, уподобляющее его обществамъ животныхъ. Въ обѣихъ сторонахъ цивилизаціи, разсмотрѣнныхъ Гизо [1]), мы можемъ найти элементы, допускающіе окочененіе: обширное промышленное производство, дѣятельность общественныхъ сношеній и даже распредѣленіе благъ, удовлетворяющее физіологическимъ потребностямъ большинства, не представляютъ ручательства за прогрессъ, точно также, какъ довольно значительное количество литературныхъ произведеній, художественныхъ трудовъ и даже научныхъ фактическихъ изслѣдованій. Формы общественной жизни, на сколько онѣ получаются по преданію и передаются по привычкѣ, отличаются отъ строя животной жизни лишь по сложности, а не по существеннымъ признакамъ. Человѣческій муравейникъ можетъ обладать администраціей, законодательствомъ, промышленностію, искусствомъ, религіею, даже въ извѣстной степени наукою и оставаться не болѣе, какъ человѣческимъ муравейникомъ. Кудро рѣшился сказать, что обычаи пчелъ могутъ иногда служить примѣромъ человѣку. Можно прибавить, что ни одна изъ формъ жизни, придуманныхъ человѣкомъ, не мѣшала бы человѣческому обществу дойти до высокаго идеала государства насѣкомыхъ.

16. Общественный элементъ позвоночныхъ.

Но до сихъ поръ мы не встрѣчали въ обществахъ, перешедшихъ за нѣкоторую ступень развитія формъ, примѣровъ полнаго и окончательнаго застоя. Какія старанія ни употреблялись, чтобы упрочить человѣческій муравейникъ того или другаго развитія, они не удавались. Препятствія этому были, какъ доказываетъ исторія, внѣшнія и внутреннія, но, по сущности своей, они вызывали одинъ и тотъ же процессъ, мѣшавшій человѣческому муравейнику упрочиться.

---

[1]) См. гл. 2.

Этотъ процессъ былъ протестъ личности во имя новыхъ потребностей, сдѣлавшихся для этой личности столь большою побудительною силою, что эта сила превозмогла силу привычки и преданія и заставила личность возстать противу строя, еще невызывавшаго протеста со стороны другихъ личностей. Если мы будемъ отыскивать слѣды проявленія подобнаго протеста въ ряду разсмотрѣнныхъ выше общественныхъ формъ у разныхъ расъ человѣка и у животныхъ, то всего труднѣе намъ найти нѣчто подобное у безпозвоночныхъ. Что рой муравьевъ или пчелъ измѣнялъ свои привычки, на это мы имѣемъ данныя и, кромѣ того, разсужденія Вундта совершенно ясно доказываютъ, что пчелы должны были измѣнять преданія [1]). Но тѣ немногіе случаи, которые были наблюдаемы въ этой сферѣ явленія, указываютъ не на борьбу одной или нѣсколькихъ особей съ общественнымъ строемъ, а какъ бы одновременную рѣшимость всего общества, подъ вліяніемъ данныхъ обстоятельствъ, измѣнить свои преданія. Можетъ быть, даже вѣроятно, что и тутъ сначала одна особь получаетъ подобную рѣшимость и сообщаетъ ее другимъ, но мы нѣкоторымъ образомъ вправѣ предполагать процессъ мысли у этихъ существъ столь простымъ и разнообразіе этого процесса въ разныхъ особяхъ столь незначительнымъ, что другія особи разомъ усвоиваютъ себѣ мысль первой единицы. Можетъ быть, даже для нихъ не нужно и одного предшественника, а процессъ мысли, приводящей къ рѣшенію измѣнить преданіе, совершается одновременно у всѣхъ. Революція происходитъ, но борьбы не замѣчаемъ. Конечно, незнаніе—не доказательство, и мы не можемъ отвергать возможности, что и между муравьями являются особи, несогласныя съ общественной рутиной, протестующія и борющіяся противъ нея, но это—возможность, не болѣе, а вѣроятность заключается въ томъ, что подобныхъ революціонеровъ разомъ бы казнили, какъ муравья чужой колоніи, попавшаго въ муравейникъ.

---

[1]) См. гл. 6.

Наблюдателямъ, привыкшимъ къ мысли, что общественно-государственная жизнь—высшій идеалъ для особей, должно было казаться страннымъ, какъ это безпозвоночныя существа, нервная система которыхъ бѣднѣе позвоночныхъ, слѣдовательно психическій процессъ долженъ быть ниже послѣднихъ, дошли до такихъ стройныхъ обществъ, какъ пчелы и муравьи, а у позвоночныхъ ничего подобнаго нѣтъ, несмотря на существованіе центральнаго органа нервной дѣятельности, органа, постепенно развивающагося до того, что наконецъ онъ мало чѣмъ отличается отъ человѣческаго мозга. У самыхъ общественныхъ животныхъ среди птицъ и млекопитающихъ, не говоря уже о рыбахъ и гадахъ, ни одинъ натуралистъ не нашелъ чего-либо подходящаго къ строгому раздѣленію работъ, къ систематической и сложной традиціи существъ, которыхъ зоологическая классификація ставитъ несравненно ниже. За то у позвоночныхъ [1]) замѣчаемъ временные союзы для опредѣленныхъ цѣлей и распаденіе ихъ по достиженіи цѣли; замѣчаемъ выборъ, семейную привязанность, умѣнье отличить одну особь отъ другой, какъ бы личную дружбу, выходящую даже за предѣлы вида и класса (напримѣръ, между собакой и гусемъ). Наконецъ, намъ указываютъ примѣры, къ сожалѣнію нуждающіеся въ подтвержденіи, что особи сознательно нарушали обычай и принимали мѣры для того, чтобы избѣжать ожидаемаго за то наказанія. Вундтъ приводитъ анекдотъ [2]) о легкомысленной самкѣ журавля, которая нарочно купалась каждый разъ предъ прилетомъ мужа, чтобы скрыть слѣды своей невѣрности съ другимъ журавлемъ, и попалась только потому, что какой-то жестокій блюститель нравственности (изъ людей) выпустилъ воду изъ корыта, въ которомъ она обыкновенно купалась, что имѣло слѣдствіемъ, вѣроятно къ истинному удовольствію нравственнаго наблюдателя, открытіе виновности и жестокую казнь. Если этотъ анекдотъ, въ истинѣ котораго Вундтъ не сомнѣвается, но который черезчуръ одинокъ, имѣлъ дѣйстви-

[1]) Wundt: «Vorlesungen» etc. II. 191.
[2]) См. гл. 5 и 6.

тельно мѣсто, то въ немъ, кажется, замѣчательно вовсе не то, что чистота семейнаго союза поддержана была судомъ и казнію, потому что всѣ животныя общества поддерживаютъ казнію свой общественный строй во всѣхъ его подробностяхъ, и если однажды животныя приняли обычай моногаміи, надо было ожидать, что они казнятъ того, кто преступитъ обычай, — замѣчательно здѣсь сознательное отношеніе самки и къ своему поступку, и къ его несогласію съ обычаемъ, и къ своему безсилію бороться съ установившимся обычаемъ. Еслибы подобныя наблюденія имѣли мѣсто въ большемъ числѣ, то они бы показали высшее проявленіе личной мысли въ присутствіи подавляющаго обычая.

Но и оставляя еще подъ сомнѣніемъ подобный фактъ, мы, изъ общихъ явленій жизни позвоночныхъ, можемъ вывести заключеніе, что въ нихъ выработывается постоянно элементъ, незамѣчаемый въ безпозвоночныхъ; это—господство индивидуальнаго побужденія надъ общественнымъ строемъ, надъ обычаемъ. Индивидуальное влеченіе, индивидуальное чувство разнообразятъ явленія. Всѣ голуби и голубки нѣжничаютъ другъ съ другомъ, но привязанность одной пары не то, что привязанность другой. Всѣ волки и лисицы хитры, но есть и волки и лисицы, которые хитрѣе другихъ. Не говоримъ уже о собакахъ и лошадяхъ, которымъ любители приписываютъ индивидуальность, превосходящую индивидуальность инаго человѣка, что могло развиться частью подъ вліяніемъ сожительства съ человѣкомъ, хотя частью, можетъ быть, существуетъ лишь въ фантазіи любителей. Позвоночныя животныя относятся къ общественной жизни какъ къ средству, и не отдаютъ ей себя совсѣмъ, подобно муравьямъ и пчеламъ. Преданія и привычка въ нихъ весьма сильны и обусловливаютъ жизнь рядами поколѣній, но, вслѣдствіе большей простоты преданій и привычекъ, на долю особи приходится большая широта въ отклоненіяхъ, новыхъ пріобрѣтеніяхъ и въ постепенныхъ измѣненіяхъ. Осторожность животныхъ, говоритъ Лэббокъ, выработывалась, вѣроятно,

вмѣстѣ съ искусствомъ человѣка [1]). Въ недолгое время послѣ перваго выстрѣла на необитаемомъ островѣ, птицы и звѣри приноравливаются къ новой опасности, учатъ дѣтенышей избѣгать ее, и различныя особи выказываютъ при этомъ различную сообразительность. Какъ враги, какъ жертвы, какъ невольники, какъ помощники человѣка—позвоночныя, особенно млекопитающія, доказали, что они могутъ измѣнить свои привычки весьма различнымъ образомъ. Еслибы общественныя формы были у нихъ сложнѣе, можетъ быть, они были бы столь же мало въ состояніи это сдѣлать, какъ муравьи и пчелы. Но простота формъ, или,—употребляя обычный терминъ—отсутствіе государственности, дозволило индивидуальности въ средѣ позвоночныхъ развиться болѣе разнообразно. Поэтому едва-ли правильно признавать психическій строй этихъ существъ ниже строя государственныхъ насѣкомыхъ. Напротивъ, именно въ томъ, что особь здѣсь видитъ въ общественномъ преданіи лишь временное средство, именно въ томъ, что особь выбираетъ, измѣняетъ, соображаетъ с а м а, именно въ этомъ лежитъ, кажется, умственное преимущество позвоночныхъ, и едва ли не должно связать существованіе центральнаго органа нервной дѣятельности и его развитіе съ первыми зародышами индивидуальности въ природѣ. Личная мысль и ея вліяніе на измѣненіе обычая—вотъ важный элементъ общественности, появляющійся среди позвоночныхъ.

Тѣмъ не менѣе, индивидуальность, проявляющаяся въ животныхъ, остающихся въ дикомъ состояніи, еще очень слаба. Общія условія жизни подавляющимъ образомъ дѣйствуютъ на нее, и постоянная, неисходная забота о пищѣ, размноженіи и объ охраненіи отъ безчисленныхъ опасностей налагаетъ даже на высшія породы животныхъ тотъ сглаживающій уровень, который имѣетъ слѣдствіемъ, что человѣку такъ трудно отличать одну особь отъ другой. Только подъ вліяніемъ ухода, заботливости, обезпеченія отъ внѣшнихъ неудобствъ, домашнія живот-

[1]) См. гл. 14.

ныя, въ особенности собаки и лошади, выработываютъ болѣе опредѣленную индивидуальность. Но тутъ невольничество и втягиваніе въ интересы чуждой породы, можетъ быть, обусловливаютъ искаженіе процесса. Что касается искажающаго дѣйствія тяжелыхъ заботъ о поддержаніи жизни на животныхъ высшихъ классовъ, недоступныхъ прирученію, это дѣйствіе выражается именно тѣмъ, что старыя особи въ высшихъ породахъ имѣютъ несравненно низшее строеніе головы, чѣмъ особи молодыя. Это особенно поразительно въ животныхъ, которыя естественно привлекаютъ наибольшее вниманіе ученыхъ по близости своего строенія къ строенію человѣка,—въ человѣкообразныхъ обезьянахъ. Мы уже привели выше замѣчаніе Пушэ [1]) о разности психическихъ способностей молодыхъ чимпанзе, гориллы или оранга отъ старыхъ особей тѣхъ же родовъ. Интересны замѣчанія, сдѣланныя на этотъ счетъ Рютимейеромъ [2]) по поводу явившейся въ 1867 г. книги Бишофа [3]), имѣвшаго передъ собою небывалый до сихъ поръ матеріалъ, именно 55 череповъ самокъ и самцовъ молодыхъ и старыхъ чимпанзе, гориллъ и орангъ-утанговъ. Несмотря на то, что Бишофъ не довольно строго передалъ частности измѣреній и, въ особенности, не довольно научно составилъ рисунки череповъ, по словамъ Рютимейера, все-таки его атласъ изъ 22 таблицъ даетъ возможность получить важные выводы. «Поучительно—говоритъ Рютимейеръ—впечатлѣніе, получаемое при изученіи таблицъ, что всѣ эти обезьяны—между прочимъ, и азіатскія (орангъ-утангъ), остающіяся впослѣдствіи назади въ своемъ развитіи—сначала сильно стремятся достигнуть чего-то высшаго; но скоро эти стремленія оставлены, какъ лишь просыпаются матеріальныя заботы, добываніе насущнаго хлѣба, и, вѣроятно, еще болѣе, когда просыпается половое влеченіе и потребность обезпечить потомство. Пови-

[1]) См. гл. 11.
[2]) «Archiv f. Anthrop.» II, 343 и слѣд.
[3]) Th. L. W. Bischoff: «Ueber d. Verschiedenheit in der Schädelbildung d. Gorilla» etc. (1867).

димому, горькая борьба за существованіе какъ особи, такъ и вида, то-есть забота о пищѣ и размноженіи, разрушила надежды и убила цвѣтъ, замѣчаемые нами въ молодыхъ особяхъ. Спрашиваемъ себя, что вышло бы изъ головъ таб. XX, и въ особенности таб. XXII, еслибы цѣль стояла выше, и борьба могла идти не только за существованіе, а за прогрессъ. Всѣмъ анатомамъ знакомы черепа людей (и каждый изъ насъ могъ знать подобныхъ особей нашего вида), которые начали съ ступени, навѣрно высшей, чѣмъ орангъ, и, подъ конецъ жизни, пришли къ тому, чѣмъ началъ орангъ таб. XXII; и во многихъ случаяхъ это было слѣдствіемъ горькой борьбы за существованіе. Какъ ясно видно изъ этихъ таблицъ, что борьба за существованіе, конечно, совершенствуетъ животныя особенности, матеріальныя пособія органической жизни, укрѣпляетъ мускулы и зубы, даже, повидимому, развиваетъ органы чувствъ, но если эта борьба очень трудна, то все это совершается насчетъ мозга; немного бы дала эта борьба непреходящаго, еслибы неизсякаемый источникъ неизвѣстнаго происхожденія не приносилъ юности все снова и снова средства стремиться къ высшему, и въ этомъ стремленіи перегонять родителей. Сравнивая фиг. 27 съ фиг. 3 или фиг. 28 съ фиг. 6, не придется ли всякому печально воскликнуть: „что изъ тебя вышло?“ Къ борьбѣ за существованіе должно еще присоединиться другое стремленіе... стремленіе впередъ“. Сравнивая три вида человѣкообразныхъ, Рютимейеръ находитъ, что орангъ представляетъ длиноголовый (долихокефальный), африканскія же породы — широкоголовый (брахикефальный) типъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Орангъ, въ своихъ формахъ и въ своемъ развитіи ниже и, такъ-сказать, животнѣе (viel thierischeres Thier), чѣмъ африканскіе виды. Чимпанзе ближе къ человѣку, и потому, что остается вѣрнѣе строенію головы молодой особи, и потому, что развитіе передней и задней долей мозга у него значительнѣе, чѣмъ у гориллы. Для двухъ африканскихъ видовъ Рютимейеръ находитъ возможнымъ начертать, при пособіи рисунковъ, нѣчто въ родѣ „исторіи ихъ жизни“.

Точки исхода у нихъ очень схожи, хотя у чимпанзе съ самаго начала передніе доли мозга болѣе развиты и глаза больше, у гориллъ же болѣе развиты заднія доли мозга и челюсти крѣпче. „Замѣтно—говоритъ Рютимейеръ — что ей (горилльѣ) предстоитъ болѣе тяжелая борьба, чѣмъ чимпанзе". Но конецъ развитія очень различенъ, хотя и тутъ у чимпанзе преобладаетъ передняя, у гориллы—задняя часть мозга, и глаза у чимпанзе болѣе открыты. Но, кромѣ того, матеріалъ для питанія у нихъ долженъ быть различенъ. У гориллы сильнѣе всего развиты коренные зубы, у чимпанзе—рѣзцы и клыки, что выказывается въ большемъ или меньшемъ развитіи соотвѣтственныхъ мускуловъ и ямокъ челюсти. Орангъ соединяетъ, повидимому, оба способа жеванья. Половое различіе имѣетъ наибольшее вліяніе на различіе строенія головы у оранга, наименьшее—у чимпанзе, «слѣдовательно, оно увеличивается съ трудностью борьбы за существованіе». Чѣмъ болѣе сводится все на механическую задачу, чѣмъ матеріальнѣе существованіе, тѣмъ болѣе личныя заботы преобладаютъ надъ умственнымъ развитіемъ у самца, на которомъ лежитъ поддержаніе вида... „И у обезьянъ, судя по таблицамъ Бишофа, подтверждается—говоритъ Рютимейеръ—результатъ моихъ многолѣтнихъ изысканій въ отдаленной области, надъ грызунами, совпадающей съ нашимъ собственнымъ человѣческимъ опытомъ, именно, что женщина остается во всю свою жизнь ближе къ состоянію молодости, подающей надежды, и составляетъ болѣе консервативный элементъ въ супружествѣ. По тому самому она представляетъ болѣе прочную основу для удержанія высоты общественнаго развитія, чѣмъ мужчина, когда послѣдній подавленъ нуждою и страстями. Тѣмъ не менѣе, самецъ чимпанзе, можетъ быть, вслѣдствіе болѣе легкой борьбы за существованіе, перегналъ въ развитіи черепа свою самку, точно такъ же, какъ самокъ прочихъ видовъ, поставленныхъ вообще въ выгоднѣйшія условія, чѣмъ ихъ самцы. Но Рютимейеръ находитъ, что сходство азіатскаго вида (оранга) съ человѣкомъ въ молодости несравненно значительнѣе, тогда какъ

африканскіе виды въ молодости сближаются съ павіаномъ (cynocephalus).

Здѣсь мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на процессъ, которымъ совершается развитіе существа въ жизни вообще. Молодое существо рождается съ возможностью высшаго развитія и при данной обстановкѣ. Эта обстановка постоянно вызываетъ въ молодой особи два процесса: мышленіе съ цѣлію удовлетворить насущнымъ потребностямъ, и мышленіе съ цѣлію улучшить способы этого удовлетворенія, или создать себѣ новыя потребности. Если борьба съ обстановкою трудна, то всѣ силы уходятъ на одинъ первый процессъ, а второй, не менѣе возможный вообще, становится не возможенъ при данной обстановкѣ. Поколѣнія усвоиваютъ данную рутину удовлетворенія потребностямъ, передаютъ ее одно другому въ системѣ болѣе или менѣе сложныхъ обычаевъ и привычекъ, и на этомъ останавливаются. Даже можно допустить, что, въ рядѣ поколѣній, долго несовершенствовавшихся подъ вліяніемъ подавляющей обстановки, возможность усовершенствоваться становится все менѣе для молодаго поколѣнія, Тѣмъ не менѣе все-таки рождающіяся особи выказываются способнѣе; тѣмъ не менѣе позвоночныя высшихъ разрядовъ не такъ коченѣютъ въ своихъ привычкахъ, какъ муравьи и пчелы, и способны приноровиться къ новымъ обстоятельствамъ, найдти средство для обороны отъ новаго врага, придумать орудія для того, чтобы овладѣть новою добычею. Совершенное измѣненіе обстановки высшихъ породъ обезьянъ, то-есть обезпеченіе ихъ первыхъ нуждъ при оставленіи ихъ на свободѣ, можетъ быть, дастъ имъ возможность сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ въ своемъ развитіи, но до сихъ поръ человѣкъ сумѣлъ улучшить бытъ тѣхъ животныхъ, которыхъ обратилъ въ неволю. Для остальныхъ данная климатическая и топографическая обстановка тяготѣетъ однообразно надъ всякимъ рождающимся поколѣніемъ и неизмѣнно поглощаетъ всѣ его умственныя силы на борьбу со средою, такъ-что поколѣнія смѣняются и всетаки поневолѣ прихо-

дится сказать съ Рютимейеромъ, сравнивая молодого оранга съ старымъ: «что изъ тебя вышло»?

Натуралисты сближаютъ длинноголовыхъ оранговъ съ длинноголовыми племенами Азіи, широкоголовыхъ чимпанзе и гориллъ съ широкоголовыми неграми. Но Фогтъ, котораго, конечно, нельзя заподозрить въ желаніи увеличить разстояніе, отдѣляющее человѣка отъ его ближайшихъ современныхъ сродниковъ, Фогтъ утверждаетъ на основаніи своего замѣчательнаго изслѣдованія о малоголовыхъ идіотахъ [1]), что общіе предки приматовъ лежатъ далеко за нынѣшними породами обезьянъ какъ человѣкообразныхъ, такъ и другихъ, имѣли гладкій мозгъ и незакрывавшуюся сильвіеву складку. Какъ бы то ни было, но явилось на землѣ существо, поставленное строеніемъ мозга и обстановкою въ условія на столько выгодныя, что могло придумать ножъ и молотъ, копье и дубину, перехитрить другихъ и получило возможность нетолько изобрѣсти болѣе искусную технику для борьбы за существованіе, но еще отнестись къ своему быту критически и истратить нѣкоторое время на улучшеніе процесса собственнаго мышленія. Подобно млекопитающимъ, сближающимся на время, и человѣкъ сходился для опредѣленной цѣли съ своими ближними, и онъ, конечно, сначала оставлялъ своихъ товарищей, по минованіи нужды въ нихъ.

Но въ этотъ періодъ мы уже не застали его. Повидимому, и тѣ племена австралійцевъ, которыхъ описываютъ, какъ стоящихъ ниже другихъ людей, живутъ *постоянными* семьями и даже группами—семей, племенами, хотя эти племена, по словамъ О-Рурка, оставались неопредѣленными [2]). Свѣдѣнія, которыя приводитъ Шафгаузенъ объ одинокихъ особяхъ темныхъ племенъ Индостана [3]), не представляютъ достаточно данныхъ для оцѣнки. И такъ, чело-

[1]) K. Vogt. «Ueber d. Mikrocephalen od. Affenmenschen» въ „Archiv f. Anthropologie» II, (1867) вся вторая тетрадь. Memoire sur les microcephales» въ «Memoires de l'Institut national generais» XI (1867) и особо. Эта записка получила годоровскую премію.

[2]) Гл. 11.

[3]) Гл. 9.

вѣка, котораго мы привыкли считать дикимъ, мы встрѣчаемъ уже въ прочномъ обществѣ. И переходя съ этой точки выше и выше, до современныхъ государствъ, стоящихъ во главѣ цивилизаціи, всюду человѣкъ находится въ опредѣленномъ строѣ съ привычками и преданіями, обратившимися въ обычай.

Но отъ ряда млекопитающихъ, бывшихъ до него, онъ получилъ въ наслѣдство не только возможность жить, въ данныхъ формахъ общества, а еще способность лично приноравливаться къ обстановкѣ, пользоваться лично болѣе или менѣе выгоднымъ положеніемъ, для достиженія себѣ большихъ благъ, для поставленія себѣ въ выгоднѣйшее положеніе относительно своихъ собратій. Онъ живетъ въ обществѣ подобно муравьямъ и пчеламъ, но онъ готовъ, подобно позвоночнымъ, каждую минуту выйти изъ условій этого общества, если ему это лучше; онъ можетъ уклониться отъ обычая, лицемѣрить и употреблять обычаи не какъ священный законъ, а какъ щитъ для своихъ цѣлей и подчиняясь обычаю, онъ можетъ это сдѣлать потому, что онъ лично, какъ особь, вѣритъ въ высокое значеніе обычая, или потому, что онъ сознаетъ свое безсиліе противиться обычаю. Опять таки онъ можетъ это сдѣлать, но въ дѣйствительности достигаютъ этого лишь немногіе. Другіе живутъ въ данныхъ формахъ, не не обсуждая этихъ формъ, подобно муравьямъ.

Спасеніе человѣческихъ обществъ отъ застоя заключается именно въ томъ, что въ нихъ есть всегда первые. Эти дерзкіе критики существующаго, эти лицемѣры, относящіеся съ тайнымъ эгоистическимъ разсчетомъ къ священному обычаю, эти львы, идущіе за другими не потому, что и тѣ идутъ, а потому, что имъ лично видна цѣль въ этомъ направленіи—это люди мысли, работники прогресса, или реакціи, но во всякомъ случаѣ, враги закона. Они мѣшаютъ своимъ присутствіемъ другимъ останавливаться навсегда на той или другой ступени общественнаго развитія и хранятъ ихъ традицію позвоночныхъ животныхъ среди общества, готоваго опуститься на ступень безпозвоночныхъ.

Въ той части этихъ людей, которая стремится къ истинѣ и справедливости, лежитъ элементъ прогресса общества. Но еще существованіе подобныхъ личностей не вноситъ въ самую жизнь общества прогрессъ. Здѣсь дѣйствуютъ двѣ силы, противодѣйствующія прогрессу. Одна сила ведетъ свое начало изъ общества безпозвоночныхъ, другая изъ условій жизни позвоночныхъ. Первая есть установившійся строй преданій, привычекъ и обычаевъ, вторая—подавляющая среда. Обычные порядки жизни уносятъ часть дѣятельности личности; подавляющая среда требуетъ еще часть на борьбу за существованіе. Если зоологическая традиція не дозволяла человѣку погнуться надъ первой силой, то обѣ вмѣстѣ могли сломать его. Онъ доработался до нѣкотораго общественнаго строя съ цѣлью удобнѣе бороться при помощи этого строя. Но самое усложненіе строя жизни стало подавляющею силою для личности, и, наконецъ, усложненіе строя дошло до того, что въ совокупности съ природными условіями, оно остановило прогрессъ.

Здѣсь остановка произошла на другой точкѣ, чѣмъ та, которую мы встрѣтили у человѣкообразныхъ обезьянъ. Тамъ рождается каждая особь съ возможностью развиться, но каждая же особь непремѣнно сходитъ на низшую ступень развитія при возмужалости. Здѣсь постоянно въ обществѣ живутъ и борятся нѣсколько развитыхъ личностей; онѣ сами не спускаются обыкновенно на нижнюю ступень развитія. Но условія жизни не дозволяютъ имъ увеличиваться въ числѣ, и каждое поколѣніе приноситъ и уноситъ волну людей мысли, безсильную въ борьбѣ съ обстановкою.

Впрочемъ, подобное положеніе существуетъ болѣе въ понятіи, чѣмъ въ дѣйствительности. Какъ только человѣческое общество не двигается впередъ работою людей мысли, то сейчасъ большею частію находятся сосѣди, которые перегоняютъ его, и потомъ являются передъ нимъ, какъ подавляющіе соперники въ борьбѣ аа существованіе. Или самыя учрежденія общества теряютъ свою скрѣпляющую силу и дѣйствуютъ противъ него. Послѣдній пунктъ требуетъ поясненія.

Мы уже говорили, что человѣкъ, живя въ обществѣ съ данными формами, подчиняется ему не какъ муравей, безусловно, но можетъ подчиняться ему лицемѣрно, для своихъ эгоистическихъ цѣлей. Въ этихъ лицемѣрныхъ защитникахъ обычая встрѣчаютъ противники существующаго порядка наиболѣе сильное сопротивленіе. Оно и понятно, потому что здѣсь не рутина противодѣйствуетъ мысли, а мысль—мысли. Если общество доведено до невозможности измѣняться въ прогрессивномъ смыслѣ, значитъ, люди, эксплуатирующіе установившійся порядокъ, преобладаютъ надъ людьми, стремящимися измѣнить его. Въ сущности, и тутъ общество не осталось тѣмъ, чѣмъ было, но его строй, установившійся въ виду наибольшей пользы, сталъ лишь маскою, подчинился мысли людей, эксплуатирующихъ этотъ строй въ свою пользу. Чѣмъ дѣйствительнѣе эксплуатація, тѣмъ болѣе силы общества слабѣютъ. Одни питаются на счетъ другихъ, но эти послѣдніе истощаются и начинается обезсиленіе, меньшая способность противостоять болѣзнямъ, вымираніе. Общество человѣческое, неидущее впередъ, имѣетъ всѣ шансы идти назадъ уже не въ смыслѣ общественныхъ формъ, а чисто въ смыслѣ физіологическаго истощенія.

Какъ ни недостаточны доказательства, что нѣкоторыя племена людей выродились и съ высшей ступени развитія сошли на низшую, но нѣкоторыя явленія подобнаго рода нельзя не признать. Тэйлоръ, отвергнувшій большую часть основаній, на которыхъ иные авторы (напримѣръ, архіепископъ Уэтли, Whately) принимали всѣхъ дикихъ за выродившіяся племена человѣчества, тѣмъ не менѣе, говорилъ [1]): „Мы видимъ, что вырожденіе расъ происходитъ какъ результатъ войнъ, ига другихъ племенъ, вытѣсненія въ менѣе благопріятныя мѣстности и отъ различныхъ другихъ причинъ. Иногда случается, что причиною упадка бываетъ завоеваніе,

[1]) Edw. Burnet Tylor: «Researches into the early history of mankind» (1865). 182 и слѣд. Мы воспользовались переводомъ: «Доисторическій бытъ человѣчества и начала цивилизаціи» (1868) 241 и слѣд., исправленъ по оригиналу.

когда завоевавшая раса стоитъ въ чемъ-либо на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ завоеванная. Дѣйствительный упадокъ происходитъ въ томъ случаѣ, когда грубая, но сильная раса преодолѣваетъ цивилизованную, но слабую, и объ этомъ мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства. Замѣтки Ливингстона о Бакалагари Южной Африки показываютъ намъ расу, у которой цивилизація упала, но этотъ упадокъ произошелъ совершенно, или отчасти, подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ.

Такія племена, о которыхъ извѣстно, что они стояли нѣкогда на высшей ступени культуры, нежели теперь, можно встрѣтить въ Азіи. Нѣкоторые изъ береговыхъ тунгузовъ живутъ рыболовствомъ, хотя они и называются еще Орохи—имя, имѣющее то же значеніе, какъ Оленные тунгузы. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ справедливости того преданія о Гольдахъ, что хотя у нихъ нѣтъ теперь ни одного оленя, но нѣкогда они были у нихъ, подобно тунгузскимъ племенамъ къ сѣверу отъ Амура. Существуютъ калмыки къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, которые лишились своихъ стадъ и превратились въ рыболововъ. Богатѣйшіе изъ нихъ имѣютъ еще у себя пару коровъ. Они смотрятъ на лошадей, верблюдовъ и овецъ, какъ на странныя и чудесныя существа, когда иностранцы приводятъ ихъ въ ихъ страну. Они съ удивленіемъ слушаютъ разсказы старыхъ людей о жизни въ степяхъ, объ огромныхъ стадахъ и о безпрестанныхъ странствіяхъ по обширнымъ равнинамъ, тогда какъ сами живутъ въ камышевыхъ шалашахъ и навьючиваютъ свою домашнюю рухлядь себѣ на спины, когда переходятъ на новое мѣсто, удобное для рыбной ловли. Несчастные индіанцы Корнерайки Сѣверной Америки суть отчасти Шомонесы или Змѣиные индіанцы, которые сведены въ свое теперешнее состояніе ихъ врагами Черноногими (Blackfeet), которые пріобрѣли ружья отъ Гудзонбайской компаніи, и такимъ образомъ покорили Змѣинныхъ индіанцевъ и отняли ихъ охотничьи земли. Теперь они ведутъ кочевую жизнь, ища пристанища между холмовъ и утесовъ, скрываясь отъ взоровъ бѣлыхъ людей и индіанцевъ и питаясь главнымъ образомъ

кореньями дикихъ растеній, рыбою и тою дичью, какую только можетъ пріобрѣсти такая безсильная раса. Они худощавы, жалки въ своей наружности, вполнѣ заслуживая имя gens de pitié, данное имъ французскими трэпперами, они принуждены были оставить ремесла, которыми они обладали въ болѣе счастливые дни, какъ, напримѣръ, верховая ѣзда и даже, какъ кажется, искусство строить шалаши, но насколько ихъ вырожденіе принесло съ собою упадокъ въ другихъ частяхъ ихъ первобытной цивилизаціи, это трудно сказать".

Но Тэйлоръ руководствовался лишь археологическими свидѣтельствами. Сравненіе анатомическаго строенія привело къ подобнымъ же заключеніямъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такъ, мы видѣли, что анатомъ Оуэнъ [1]) видитъ въ андаманскихъ минкопіяхъ выродившуюся въ культурномъ отношеніи расу, между тѣмъ, какъ строеніе ихъ череповъ указываетъ на высшее развитіе. Еще поразительнѣе можетъ быть примѣръ суматрскихъ баттовъ, о которыхъ даже думаютъ, по словамъ Шафгаузена [2]), что они принадлежатъ къ арійцамъ, и которые, тѣмъ не менѣе, дошли до утонченнаго людоѣдства, именно: до съѣданія своихъ жертвъ живыми. Едва-ли не слѣдуетъ видѣть въ подобныхъ явленіяхъ указаніе на подавляющее дѣйствіе культуры, которая остановилась въ своемъ развитіи на довольно высокой степени (именно для баттовъ), но, вслѣдствіе остановки, вызвала въ одномъ случаѣ полное вырожденіе, въ другомъ — самыя патологическія явленія въ сферѣ обычая.

Прюнеръ-бей сказалъ, что для вступленія дикаго народа на путь цивилизаціи, необходимо принужденіе, заключающееся или въ недостаткѣ пищи, или въ могущественныхъ личностяхъ, или въ соприкосновеніи съ высшею цивилизаціею [3]). Онъ этимъ не исчерпалъ побужденій для указаннаго имъ явленія, но слѣдуетъ замѣтить, что всѣ названныя имъ

---

[1]) Гл. 9.
[2]) Тамъ же.
[3]) Гл. 11.

нобужденія могутъ явиться и губительными элементами для племени. Недостатокъ пищи можетъ свести расу почти на ступень низшихъ животныхъ. Личности могутъ искажающимъ, а не развивающимъ образомъ дѣйствовать на общество. Что касается до вліянія высшей цивилизаціи на низшую, то намъ необходимо теперь сказать, въ чемъ же одна цивилизація можетъ считаться выше другой, и приступить къ рѣшенію вопроса, проходящаго чрезъ всѣ эти статьи, вопроса объ элементахъ цивилизаціи, на который, впрочемъ, отвѣтъ получается самъ собою изъ предъидущихъ соображеній.

17. Два элемента цивилизаціи.

Сравнивая современный нашъ общественный строй съ государствомъ насѣкомыхъ, мы нашли въ нихъ общій элементъ, и въ первомъ нашли элементъ, который совершенно отсутствуетъ во второмъ, незамѣтенъ вообще въ мірѣ безпозвоночныхъ, начинаетъ проявляться въ классѣ позвоночныхъ животныхъ, но подавляемый обстоятельствами, наконецъ выработывается въ человѣческомъ обществѣ, высказывается въ немъ все съ большею силою и, своимъ присутствіемъ, обусловливаетъ для человѣческаго общества возможность имѣть исторію, своимъ преобладаніемъ—прогрессъ общества, своимъ подчиненіемъ—его гибель. Нельзя не счесть справедливымъ обособить эти два элемента.

Второй изъ нихъ не нуждается въ особомъ названіи, потому что этотъ элементъ есть не иное что, какъ мысль, съ ея критическимъ отношеніемъ къ обстановкѣ, въ видахъ удовольствія, пользы, истины или справедливости. Что касается до перваго элемента, общаго всякому обществу, съ опредѣленною системою привычекъ, преданій и обычаевъ, ему можно, повидимому, придать названіе, употребляемое уже теперь для внѣшнихъ проявленій общественной жизни авторомъ, наиболѣе обратившимъ вниманіе на эту сторону соціальныхъ явленій, Клеммомъ, именно названіе культуры.

Правда, что онъ и большинство авторовъ, употреблявшихъ это слово, какъ мы видѣли выше, не ограничились только внѣшними формами общественной жизни, но подразумѣвали подъ словомъ культура, и бо́льшую часть проявленій мысли въ обществѣ, однако, съ одной стороны, никто не выдѣлялъ обычныхъ формъ общественности изъ этого слова; съ другой—приходится или сочинять для этого значенія новое слово или употреблять одно изъ прежнихъ, близкихъ по смыслу; съ третьей—въ нашей литературѣ уже есть примѣры употребленія слова „культура“ именно въ этомъ смыслѣ; наконецъ, съ четвертой,—обозначая словомъ культура исключительно элементъ привычки, обычая и преданія въ общественной жизни, мы имѣемъ возможность обособить это слово отъ слова цивилизація, съ которымъ первое сливается; и тогда послѣднее получаетъ возможность найти себѣ точное примѣненіе къ совокупности двухъ разсмотрѣнныхъ общественныхъ элементовъ.

Въ этомъ мы опять держимся возможно ближе къ народному употребленію словъ. И тѣ, которые употребляютъ слово цивилизація въ самомъ широкомъ значеніи, и тѣ, которые ограничивали его по возможности, были согласны въ томъ, что это слово примѣнимо къ современному намъ строю европейскаго общества, для котораго мы и сохранили его, принявъ этотъ строй за исходную точку анализа. Но лишь самые рѣшительные обобщатели, подобно Кудро, подвели подъ слово „цивилизація“ государство безпозвоночныхъ, да и тутъ не рѣшились остаться послѣдовательными, потому что для привычекъ общественной рѣчи было неудобно говорить о цивилизаціи муравьевъ. При томъ значеніи терминовъ, которое здѣсь принято, подобное обобщеніе и ненужно. Весь міръ безпозвоночныхъ, не представляя слѣдовъ протеста личной мысли и переработки культуры мыслію, остается при одной культурѣ, то-есть онъ имѣетъ одинъ изъ элементовъ цивилизаціи, ея формальную сторону, жизнь общественную какъ наслѣдственный, необсуждаемый, ненарушимый, безусловно обязательный обычай, какъ преданіе и привычку.

Этотъ элементъ есть и во всякой человѣческой цивилизаціи, но къ нему здѣсь присоединяется другой элементъ, мысль личности, постоянно переработывающая культуру и развивающая въ этой переработкѣ,—это элементъ человѣчный; хотя его можно прослѣдить и въ мірѣ позвоночныхъ, но тамъ онъ постоянно подавленъ внѣшними обстоятельствами и не можетъ добраться до состоянія прогрессивности въ обществѣ. Въ высшихъ обезьянахъ каждое существо заключаетъ уже возможность прогресса своей организаціи, но неизбѣжно приходитъ къ невозможности его въ теченіе жизни. Въ низшихъ человѣческихъ обществахъ противъ возможности прогресса, заключенной въ мысли личности, вооружаются двѣ силы, внѣшнія обстоятельства и культурное стремленіе къ застою. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общество не выдерживаетъ борьбы. Но остановиться оно почти не можетъ; по самымъ условіямъ внутренней работы мысли личности, общество должно идти впередъ или гибнуть. Оно и слѣдуетъ этой судьбѣ. Одни общества пытаются остановиться и гибнутъ. Другія развиваются, достигаютъ высшихъ формъ цивилизаціи, постоянно переработывая мыслію личностей свою систему привычекъ, преданій и обычаевъ, постоянно оживляя и осмысливая свою культуру. Чѣмъ болѣе въ нихъ элементъ мысли преобладаетъ надъ элементомъ культуры, тѣмъ цивилизація ихъ стоитъ выше.

Становясь на эту точку зрѣнія, мы чрезвычайно удобно разрѣшаемъ противорѣчія, встрѣчавшіяся въ употребленіи слова „цивилизація“ [1]). Они происходили частью оттого, что авторы недостаточно ясно различали два, раздѣленные нами, элемента, частью оттого, что тотъ или другой ученый обратилъ исключительное вниманіе на одинъ изъ этихъ элементовъ въ ущербъ другому. Имѣя въ виду преимущественно культуру, можно было ставить на одну ступень общество безпозвоночныхъ и общество современныхъ парижанъ, находить прогрессъ элементомъ чуждымъ цивилизаціи. Имѣя въ виду

[1]) См. гл. 4.

преимущественно работу мысли, можно было считать прогрессивность исключительнымъ содержаніемъ цивилизаціи (какъ Лартэ, Летурно). Желая согласить и то и другое, Кудро могъ впадать въ неизбѣжныя противорѣчія, потому что онъ сначала назвалъ цивилизаціею только культуру, а потомъ принялъ въ соображеніе только работу мысли. Называя цивилизаціею состояніе, въ которомъ живутъ существа, „находящіяся въ общественномъ союзѣ“, и прибавляя для объясненія: „муравьи, бобры, обезьяны, французы—цивилизованы“, Кудро имѣлъ въ виду зоологическій, обычный элементъ цивилизаціи, человѣческую культуру; когда же онъ перешелъ къ замѣткѣ, что началомъ цивилизаціи надо считать моментъ сознательнаго прогресса общества, онъ перешелъ на точку зрѣнія работы мысли. Гарригу, допускавшій, что антропофагія составила успѣхъ цивилизаціи, имѣлъ въ виду, что могли быть формы человѣческой культуры, еще низшія, чѣмъ та, которую встрѣчаемъ при людоѣдствѣ. Въ развитіи наукъ и искусствъ видѣли цивилизацію тѣ, которые темно сознавали, что работа мысли составляетъ существеннѣйшую принадлежность цивилизаціи, видѣли въ наукахъ и искусствахъ вѣрнѣйшій признакъ этой работы и не различали критической, развивающей работы мысли въ ученыхъ и художественныхъ трудахъ отъ компилятивныхъ и рутинерныхъ произведеній, нисколько не стоящихъ выше архитектуры улья. Когда же Прюнеръ-бей допускалъ существованіе цивилизаціи лишь въ государствѣ, при поощреніи развитія всѣхъ человѣческихъ способностей, онъ слишкомъ тѣсно ограничивалъ терминъ цивилизаціи культурными идеалами послѣдняго періода и близко подходилъ къ Пелларену, который, отходя (съ Фурье) отъ всей традиціи обычной рѣчи, придавалъ слову уже смыслъ одной спеціальной культурной формы. Подобнымъ же образомъ можно бы уяснить и всѣ существовавшія опредѣленія и взгляды на цивилизацію, какъ ограниченіе или затемненіе того значенія, которое здѣсь принято для этого слова. Въ двухъ отрасляхъ литературы о культурѣ и цивилизаціи, упомянутыхъ въ началѣ, произошло само со-

бою то раздѣленіе элементовъ цивилизаціи, на которое мы теперь указываемъ. Одни писатели, вслѣдъ за Клеммомъ, стали разработывать все съ большею старательностью въ наше время культуру обществъ, ихъ внѣшнія формы, такъ какъ тутъ они имѣли дѣло съ большинствомъ общества, изучали не только умственную аристократію философовъ, художниковъ и ученыхъ, а жизнь большинства людей присутствующихъ при цивилизаціи, работающихъ на нее, терпящихъ отъ нея. Другіе писатели остались вѣрны традиціи прежняго времени, и, не обращая вниманія на культурный элементъ общества и на его измѣненіе подъ вліяніемъ мысли, слѣдили въ цивилизаціяхъ только исторію тѣхъ „свидѣтелей и истолкователей идей минувшаго“, по словамъ Лацаруса, тѣхъ „идеальныхъ произведеній“, въ которыхъ мысль оставила прочные, неумирающіе слѣды своего развитія. Но остановимся нѣсколько на главныхъ писателяхъ, нами упомянутыхъ въ началѣ, и посмотримъ, на сколько они уяснили себѣ дѣйствительное значеніе цивилизаціи и отношеніе ея двухъ элементовъ въ ихъ взаимодѣйствіи.

Гизо [1]) противоположилъ въ цивилизаціи два, другъ друга вызывающіе, элемента: развитіе дѣятельности личной и дѣятельности общественной, измѣненіе внутренняго человѣка или внѣшняго его состоянія. Это было уже немаловажное указаніе, хотя понятіе о развитіи общественной дѣятельности оставалось туманнымъ: послѣдняя собственно можетъ развиться исключительно путемъ большаго развитія дѣятельности личной. Прогрессъ общественныхъ сношеній, увеличеніе общественнаго богатства, лучшее его распредѣленіе столь же мало могутъ совершиться сами собою, какъ научное открытіе, философская идея или художественное произведеніе могутъ явиться на свѣтъ внѣ сознательной дѣятельности ученаго, мыслителя и художника. Если, при худшемъ общественномъ строѣ, процвѣтаютъ гдѣ либо науки и искусства, то это признакъ одного изъ двухъ случаевъ. Или об-

[1]) См. гл. 2.

щество идетъ къ перевороту, потому что мысль въ немъ сильна, но проявляется лишь въ мирныхъ сферахъ, допускаемыхъ культурнымъ строемъ, а втайнѣ работаетъ надъ разрушеніемъ строя, доставляющаго обществу худшее положеніе сравнительно съ другими. Или общество идетъ къ паденію, потому что жизнь цивилизованнаго меньшинства, обезпеченнаго культурною обстановкою, разошлась съ жизнію большинства: первое направило свою мысль на сферы чуждыя второму, изолировалось въ области отвлеченнаго мышленія, и не замѣчаетъ, что культура, необновляемая мыслію, гніетъ въ своемъ основаніи, не сегодня — завтра рухнетъ, и унесетъ съ собою тѣ высокія созданія науки и искусства, которыми наслаждается меньшинство, не позаботившееся укрѣпить свою цивилизацію лучшимъ общественнымъ строемъ. Но у Гизо, хотя нѣсколько смутнымъ, высказалось различеніе личной дѣятельности, измѣняющей общество во имя своего идеала, и общественной культуры, представляющей лишь среду для развитія личностей и обусловливающей болѣе или менѣе удобное ихъ развитіе. Особенно важно у Гизо указаніе на прогрессивное стремленіе, какъ на характеристическій признакъ цивилизаціи. Послѣдующіе мыслители, разбирая болѣе подробно, какъ можетъ совершиться прогрессивное движеніе, и гдѣ можетъ появиться стремленіе въ этомъ направленіи, должны были неизбѣжно придти къ открытію, что переработывающая мысль личности и заключаетъ въ себѣ это стремленіе. Что касается до различныхъ культурныхъ формъ, отнесенныхъ Гизо частью къ общественному, частью къ личному или человѣчному развитію, то всѣ эти формы на столько человѣчны и прогрессивны, на сколько въ нихъ работаетъ критическая мысль; на сколько же онѣ—дѣло обычая и привычки, на столько онѣ стоятъ не выше постройки термита, только онѣ посложнѣе.

Гердеръ [1]) обратилъ болѣе вниманія на вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на личность, чѣмъ на участіе личности

[1]) См. гл. 2.

въ развитіи общества. У него встрѣчаемъ мысль, что культура общества есть воспитаніе человѣка подъ вліяніемъ среды и общества. Слѣдовательно, онъ замѣтилъ измѣненіе личности, ея прогрессивность, но упустилъ изъ виду, что этотъ прогрессивный элементъ, въ присутствіи данной среды и даннаго общественнаго строя, будетъ не только приноравливаться къ нимъ, но и переработывать ихъ. Тѣмъ не менѣе его замѣчаніе о воспитаніи личности обществомъ не могло пропасть даромъ до послѣдующаго времени. Вслѣдствіе свой точки зрѣнія Гердеръ усвоивалъ разнымъ климатамъ и мѣстностямъ разную цивилизацію, которую онъ называлъ культурою; онъ не выдѣлялъ достаточно ясно изъ этого понятія элементъ, дѣйствительно обусловленный временемъ и обстоятельствами: преданія, привычки и обычаи; этотъ культурный элементъ разнообразенъ почти до безконечности. Но въ понятіи о цивилизаціи есть другой элементъ, недопускающій такого различія: это—мысль съ ея критикою. Значеніе этого элемента должно было быть уяснено трудами новыхъ идеалистовъ.

Собственно личная мысль играла въ ихъ построеніяхъ довольно жалкую роль. Творческое я Фихте старшаго быстро перешло въ безусловное я, въ разумъ вещей, разумъ міра, разумъ исторіи. Когда у Гегеля [1]) исторія сдѣлалась поприщемъ развитія духа, и послѣдній развивался путемъ сознанія собственной свободы, то это былъ не духъ личности, а духъ безусловный. Иначе говоря и прилагая въ частности процессъ Гегеля къ разсматриваемому вопросу, свобода безусловнаго духа заключалась въ болѣе и болѣе разумныхъ формахъ культуры; общественныя формы (объективный духъ) были предъидущимъ фазисомъ для самосознательности безусловнаго духа. Личностямъ же предстояло быть игрушкою „хитрости“ безусловнаго духа, воображать, что онѣ преслѣдуютъ свои цѣли, свои идеалы, а въ сущности исчезать въ процессѣ развитія культурныхъ формъ, быть жертвами осуществленія неизмѣнныхъ цѣлей, необходимой послѣдователь-

[1]) См. гл. 3.

ности въ развитіи культуры. Тѣмъ не менѣе личностямъ было дано мѣсто: проницательный умъ Гегеля замѣтилъ, что безъ нихъ, хотя бы въ видѣ орудій, дѣло никакъ обойтись не можетъ.

Какъ ни незначительно оно съ перваго взгляда, но это указаніе драгоцѣнно, и вотъ у Лацаруса [2]) идеи прежде всего и чище всего проявляются въ личностяхъ. Эти личности, проникаясь идеями, становятся ихъ представителями. Въ самое глухое время исторіи, въ личностяхъ идеи хранятся для потомства. Идеальное содержаніе личности служитъ мѣркою для умственной и нравственной высоты личности, для ея историческаго значенія. Здѣсь работа личной мысли поставлена на надлежащее мѣсто. Проницательность Лацаруса высказывается и въ томъ, что онъ не увлекся значеніемъ втораго проявленія идеи въ исторіи, именно идеальными произведеніями науки, искусства и техники. Онъ указалъ, что творческая сила личности въ этой области можетъ быть весьма отлична отъ исторической силы личности, какъ представителя современныхъ идей; иначе говоря, что ученый, художникъ и техникъ иногда можетъ быть болѣе представителемъ культуры, чѣмъ мысли. Послѣднею формою проявленія идей Лацарусъ призналъ культурныя формы, которыя «живутъ въ исторіи и исторія въ нихъ», и составляютъ «самую ткань» человѣческой жизни. Но какъ ни высоко онъ поставилъ эти «историческіе результаты идей», тѣмъ не менѣе онъ настолько проникся сознаніемъ необходимости ихъ переработки, что прямо указалъ на неизбѣжную гибель народности, которая «узко и односторонне» преслѣдуетъ одну и ту же идею (понятую здѣсь въ ея проявленіи въ культурныхъ формахъ), и на движеніе человѣчества впередъ «лишь вслѣдствіе появленія новыхъ идеальныхъ элементовъ». Отъ Лацаруса не ускользнули и обстоятельства, вытекающія изъ сопоставленія элемента культуры и мысли; именно, что личность, углубляющаяся въ свою работу мысли, можетъ поте-

[1]) См. гл. 3.

рять пониманіе потребностей современной культуры, нравственную связь съ тѣми, которые живутъ этою культурою или ею подавлены; и что культурные процессы, поглощая всю дѣятельность личности, могутъ ослабить работу ея мысли, нужную для обновленія культуры; что работа мысли, концентрируясь въ небольшомъ числѣ лицъ, можетъ достигнуть значительной высоты («мышленіе можетъ уплотниться», какъ выражается Лацарусъ), но это меньшинство настолько отдѣлится въ своей работѣ отъ большинства, что цивилизующая мысль можетъ распространяться крайне туго («будетъ недостаточно улетучиваться»). Можно сказать, что Лацарусъ почти вполнѣ формулировалъ ту теорію отношенія работы мысли къ формамъ культуры, которую здѣсь мы пробовали развить; но онъ получилъ свою терминологію въ наслѣдство отъ идеалистовъ, и придалъ болѣе полемическую цѣль своей статьѣ, гдѣ мысли, выписанныя въ началѣ, составляютъ лишь эпизодъ; это помѣшало ему, можетъ быть, развить указанную теорію болѣе отчетливо.

Если, на этой точкѣ зрѣнія, цивилизація является культурою, развивающеюся подъ вліяніемъ критической мысли, то само собою разумѣется, что мы не можемъ уже принять опредѣленіе Пелларена, ограничивающаго, вслѣдъ за Фурье, смыслъ слова обозначеніемъ одного изъ фазисовъ культуры [1]). Если допустить это обозначеніе, то пришлось бы создать новое слово для того обобщающаго значенія, которое здѣсь придано цивилизаціи и, при этомъ, отойти отъ всѣхъ привычекъ языка. Въ послѣднихъ мы не находимъ, при употребленіи слова цивилизація, ни одного признака, который бы помѣшалъ намъ приложить это слово къ болѣе гармоническому общественному строю, чѣмъ строй современной Европы, какъ бы мы ни разрисовывали въ нашемъ воображеніи этотъ ожидаемый строй. Все-таки это будетъ какая-либо система обычаевъ и привычекъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе мыслію и переработываемыхъ ею въ виду обширной истины и болѣе полной спра-

[1]) См. гл. 14.

ведливости. Если мы, съ нѣкоторымъ правомъ, можемъ сказать объ общественной жизни животныхъ и нѣкоторыхъ элементарныхъ человѣческихъ обществъ, что это ещe не цивилизація, но нѣчто низшее, то едва ли есть такое матеріальное удобство, или умственное и нравственное совершенство въ развитіи личности и общества, которое было бы не совсѣмъ удобно обозначить этимъ терминомъ, и, при появленіи котораго, мы почувствовали бы себя вынужденными сказать: это уже не цивилизація.

Поэтому слова Уэка (Wake), что «цивилизація есть окончательный продуктъ человѣческой умственной дѣятельности» [1]), мы можемъ допустить лишь въ томъ смыслѣ, что это продуктъ, постоянно развивающійся, получившій мѣсто уже весьма давно въ исторіи, проявляющійся въ весьма различныхъ формахъ культуры и въ весьма разнообразныхъ процессахъ дѣятельности мысли на эти формы. Впрочемъ, едва ли Уэкъ имѣлъ въ виду подобный смыслъ, и его фраза, вмѣстѣ съ послѣдующими разъясненіями, скорѣе указываетъ на полнѣйшую темноту слова для высказавшаго его автора.

18. Взаимодѣйствіе цивилизацій.

Зная составные элементы цивилизаціи, намъ уже легче разсмотрѣть, что должно произойти при столкновеніи двухъ разнородныхъ цивилизацій. Мы сказали выше, что общество, остановившееся въ своемъ развитіи, и слабѣющее вслѣдствіе этой остановки, дѣлается легкою жертвою другой народности. Это и есть причина, почему рѣдко общества умираютъ отъ внутренняго истощенія. Являются сосѣди, пошедшіе нѣсколько далѣе; являются они съ намѣреніемъ эксплуатировать ослабленное общество въ свою пользу, и столкновеніе кончается потерею автономіи со стороны общества, недостаточно зашедшаго впередъ. Иногда, конечно, это происходитъ и въ обще-

[1]) Гл. 4.

ствѣ развивающемся, но встрѣчающемъ напоръ сильнѣйшаго врага. Впрочемъ, мы видѣли, что и безъ войны, отъ одного прикосновенія съ высшею цивилизаціею, иныя народности гибнутъ. Здѣсь намъ представляется важный вопросъ, который, какъ мы видѣли, вызвалъ столько споровъ и не нашелъ себѣ надлежащаго разрѣшенія, вопросъ о гибели низшихъ расъ въ присутствіи европейской цивилизаціи [1]). Для уясненія этого вопроса разберемъ, что происходитъ, когда двѣ расы, стоящія на разныхъ ступеняхъ общественнаго строя, сталкиваются, и выше стоящая, какъ обыкновенно, получаетъ преобладаніе.

Общество высшаго развитія приноситъ съ собою два элемента: зоологическій элементъ культуры, состоящій въ преданіяхъ, привычкахъ и обычаяхъ, и человѣческій — мысль, стремленіе къ лучшему, критику существующаго во имя пользы, изящества, истины, справедливости. Если общество стоитъ выше, значитъ въ его цивилизаціи элементъ мысли развитъ болѣе; но этотъ элементъ, критика мысли, прилагается одинаково ко всѣмъ формамъ; слѣдовательно, притокъ людей лучшей и высшей мысли въ низшее общество можетъ быть для него лишь благомъ. Они лучше туземцевъ различатъ недостатки общества, его нужды, его средства, и лучше туземцевъ воспользуются средствами общества, чтобы исправить его недостатки; конечно, предполагая, что они сблизятся съ туземцами, какъ педагогъ сближается съ ученикомъ, войдутъ въ строй мысли низшей расы и пожелаютъ искренно посвятить себя ея развитію. Но приходятъ большею частію не люди мысли, а люди, которые, при помощи людей мысли, выработали себѣ только болѣе искусную технику, и приносятъ то, что имъ всего дороже и свойственнѣе, т.-е. свой зоологическій элементъ, свои преданія, привычки и обычаи. Тогда начинается борьба не мысли съ культурою низшей расы, а двухъ культуръ, двухъ зоологическихъ началъ. Если они близки, то происходитъ слитіе или вытѣсненіе одного дру-

[1]) См. гл. 4 и 11.

гимъ безъ особеннаго вреда для народности. Катрфажъ замѣтилъ, что цивилизующій элементъ дѣйствуетъ удачнѣе, когда воспитатели не очень далеко отстоятъ отъ цивилизуемыхъ по развитію [1]). Это вовсе несправедливо для распространенія истинной цивилизаціи, какъ несправедливо въ педагогіи, что учитель менѣе развитый съумѣетъ лучше научить вовсе неразвитаго ученика. Замѣчаніе Катрфажа справедливо лишь въ предѣлахъ передачи другихъ формъ культуры. Эти формы, дѣйствительно, тѣмъ легче усвоиваются расою низшей культуры, чѣмъ самыя культуры ближе. Случается даже, что побѣжденное общество господствуетъ при этомъ надъ побѣдившимъ нѣкоторыми культурными элементами. Но при столкновеніи двухъ, сильно различающихся культуръ подобное примиреніе уже не имѣетъ мѣста. Преданія, привычки, обычаи одного племени на столько разнородны съ преданіями, привычками, обычаями другого, что для низшихъ скачокъ невозможенъ. Оно сопротивляется до конца и гибнетъ, если не въ силахъ сопротивляться.

Это исторія дикихъ въ столкновеніи съ европейцами. Что принесли дикарю послѣдніе: критику ли мысли, изощренной наукою? искусство ли рукъ, пріучившихся къ техникѣ? мастерство ли психолога-педагога, способнаго приноровиться къ низшему состоянію ума и возвести его на высшую ступень? Нѣтъ; европейцы принесли дикарю слова, приличія, обычаи, привычки, преданія, т.-е. свою культуру. Европейцы заставили дикаря говорить mi Deus вмѣсто Мумбо-джумбо [2]). Они сказали ему, что ходить голымъ неприлично. Они захотѣли, чтобы онъ жилъ въ домѣ, ходилъ въ школу, читалъ учебники, повторялъ заученыя фразы. Они пріучили его пить водку и захотѣли пріучить къ европейскимъ формамъ жизни. Развѣ прогрессъ заключается въ усвоеніи европейской культуры? Развѣ формы культуры не могутъ быть столь же многообразны, какъ гнѣзда осъ и пауковъ при совершенно равномъ нравственномъ достоинствѣ? Развѣ сила и величіе со-

[1]) Гл. 11.
[2]) См. гл. 13.

временной цивилизаціи заключаются въ ея культурныхъ формахъ, а не въ методической выработкѣ мысли новаго времени? Понятно возмущеніе противниковъ миссій при видѣ этой, совершенно безтолковой дѣятельности наклеиванія на нѣсколько десятковъ дикарей, остающихся при прежнемъ процессѣ мысли, мелкихъ внѣшностей европейской культуры.

Но и Колензо, Гэррисъ и ихъ единомышленники [1]) еще не могутъ обѣщать себѣ успѣха, потому что и они не уяснили себѣ различія европейской мысли отъ европейской культуры и тоже имѣютъ въ виду, хотя частью, прививать культуру, а не работать надъ дикимъ матеріаломъ европейскою мыслію. Оно и понятно, потому что въ самой Европѣ идетъ борьба гораздо болѣе между людьми разной культуры, чѣмъ между людьми мысли и людьми культуры.

Между тѣмъ гибель дикихъ племенъ замѣчается при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, и мы привели выше удивленіе ученыхъ членовъ парижскаго общества, относительно племени, жившаго на островѣ Гаваіи [1]), которое цивилизовалось, говорятъ они, само собою, до колонизаціи страны европейцами, осталось независимо и все-таки не спаслось отъ вымиранія безъ особенныхъ болѣзней. Но спрашивается, на сколько насилія великаго Тамеа-меа должны быть сочтены нѣжнѣе и разумнѣе при введеніи европейской культуры на Гаваіи, чѣмъ еслибы на туземцевъ дѣйствовали прямо европейскіе колонисты? Что Тамеа-меа и его династія остались независимы и нашли для себя выгодными формы европейской культуры, это мы знаемъ. Но желало ли этихъ формъ населеніе? Не были ли онѣ ему навязаны насильно? Не послужили ли къ удобнѣйшему подчиненію туземцевъ ихъ правителямъ? На сколько работа европейской мысли усвоилась на почвѣ Гаваіи?—Все это намъ очень мало извѣстно, слѣдовательно и здѣсь, до новыхъ, болѣе точныхъ изслѣдованій, внѣ всѣхъ таинственныхъ причинъ или ослабленія жизненной силы туземцевъ, какъ говорилъ Шафгау-

[1]) См. гл. 13.
[2]) См. гл. 11.

зенъ [1]), можно просто приписать гибель туземцевъ тому, что культурные формы, весьма различныя отъ прежнихъ, навязаны туземцамъ насильно, и племя, не будучи въ состояніи на столько измѣнить своихъ привычекъ, внѣ разумнаго, цивилизующаго дѣйствія мысли, не выдерживаетъ и гибнетъ.

Но должны ли неизбѣжно гибнуть дикія племена подъ вліяніемъ цивилизаціи? Для правильнаго отвѣта на этотъ вопросъ обратимъ вниманіе на мысль, высказанную Пеллареномъ [2]) и довольно важную для уясненія факта, что наша цивилизація для низшихъ племенъ оказывается невозможною, не имѣетъ для нихъ привлекательности и фактически истребляетъ ихъ. Пелларенъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе аргументомъ, что, при допущеніи невозможности прогресса для расъ дикихъ, пришлось бы подписать смертный приговоръ всѣмъ дикимъ племенамъ, и не рѣшается допустить возможности этого. Аргументъ, приведенный Пеллареномъ, конечно ненаученъ. Изъ того, что, въ случаѣ невозможности совершенствоваться, низшія расы были бы обречены на погибель, нельзя еще ничего заключить о фактѣ ихъ способности къ прогрессу. Предполагать въ природѣ сожалѣніе, разумность и цѣлесообразность внѣ чувствующихъ и желающихъ особей, значило бы вносить въ науку тѣ causes occultes, которыя [3]) слишкомъ уже долго задерживали науку; если онѣ недоступны опыту по самой своей сущности, то объ нихъ можно сказать, что онѣ не существуютъ. Природа подписала смертный приговоръ слишкомъ многимъ группамъ существъ, чтобы позволительно было усомниться въ ея готовности столь же безжалостно исполнить подобный приговоръ и надъ сколькими угодно расами людей. Человѣку *можетъ* быть и *должно* быть это жаль; человѣкъ, подписывающій смертный приговоръ человѣку безъ крайней необходимости, едва ли по своему развитію стоитъ высоко въ ряду существъ своего рода. Но природа знаетъ *только* необходимость. — Впро-

[1]) Гл. 12.
[2]) Гл. 14.
[3]) См. гл. 4.

чемъ, вѣправильность одного аргумента оставляетъ нетронутыми другіе. Согласимся въ фактѣ, что низшія расы гибнутъ подъ вліяніемъ нашей цивилизаціи; допустимъ, что онѣ *могутъ* погибнуть безъ малѣйшаго нарушенія общихъ законовъ природы относительно живни и смерти единичныхъ и коллективныхъ существъ; положимъ даже, было бы доказано, что не только миссіонерство, но пропаганда европейской цивилизаціи по мысли Колензо и Гэрриса оказалась бы совершенно безсильною предъ отвращеніемъ дикихъ племенъ отъ формъ нашей жизни. Все это еще не доказательство, что они *должны* погибнуть и не могутъ вообще совершенствоваться. Европейская цивилизація въ такомъ только случаѣ могла бы объявить себя *окончательнымъ* идеаломъ человѣческаго общества, когда бы человѣкъ сталъ на точку зрѣнія муравья и рѣшился бы столь же энергически противодѣйствовать всякому измѣненію въ настоящемъ строѣ, какъ члены муравейника отстаиваютъ неподвижность своихъ кастъ, своихъ невольниковъ, дойныхъ вшей и т. п. Голоса, протестующіе противъ неизмѣнности культурныхъ формъ, не переставали раздаваться съ тѣхъ поръ, какъ въ XIII вѣкѣ пробудилась новая Европа. Тогда протестовали противъ другихъ культурныхъ формъ. Эти формы измѣнились значительно. Но, по мѣрѣ ихъ измѣненія, требованія новыхъ, еще болѣе обширныхъ измѣненій все росли, особенно съ того времени, какъ новая Европа вступила въ свой настоящій фазисъ въ XVII вѣкѣ. Критика науки написана на знамени ея представителей. Измѣненіе общественнаго строя соотвѣтственно требованіямъ справедливости или пользѣ большинства есть явно высказанное требованіе ея соціальныхъ теоретиковъ и ея популярнѣйшихъ предводителей въ политическихъ столкновеніяхъ. Все это указываетъ на существованіе въ самомъ умственномъ и жизненномъ строѣ современной Европы глубокаго убѣжденія, что ея культура не окончательная, что эта культура есть *одинъ* изъ историческихъ фазисовъ развитія человѣчества, что будущее представитъ болѣе полное осуществленіе идеаловъ, которые теперь лишь темно рисуются въ воображеніи большин-

ства. Дѣло не въ томъ, будетъ ли этотъ неосуществленный еще идеалъ называться въ свое время гармоніей или какъ нибудь иначе, но въ немъ потребности человѣка отдѣльно и коллективно будутъ удовлетворены лучше, чѣмъ онѣ удовлетворяются теперь. Слѣдовательно, нисколько не лишено вѣроятности изложенное выше предположеніе Пеллярена; въ человѣкѣ существуютъ требованія личной свободы и устраненія неравенства; эти требованія въ культурѣ дикарей осуществляются нѣсколько ощутительнѣе для личности, чѣмъ при господствѣ юридическихъ формъ и конкурренціи капиталовъ, составляющемъ отличительную черту культуры настоящаго періода; не лишено вѣроятности предположеніе, что эти требованія будутъ полнѣе осуществлены въ ожидаемую эпоху высшей культуры, чѣмъ нынѣ, и что, слѣдовательно, дикія племена, которыя доживутъ до нея, будутъ совершенно способны принять эту высшую культуру, хотя совершенно неспособны принять нашу. Что подобные случаи представлялись и представляются, тому служитъ доказательствомъ исторія. Негры оказались способными жить въ Либеріи и участвовать, какъ полноправные граждане, въ передовомъ государствѣ міра [1]), хотя весьма сомнительно, чтобы они оказались способными примкнуть къ феодальному строю прежней Европы или даже къ той смѣси феодализма съ юридически-промышленнымъ строемъ, которая осталась въ культурѣ современной Европы. Здѣсь мы имѣемъ фактъ, что культуры прежней и новой Европы удовлетворяютъ меньшему числу человѣческихъ потребностей, чѣмъ культура американская, и потому могли лишь избивать негровъ, развращать ихъ или обращать въ невольничество, тогда какъ послѣдняя дозволяетъ имъ участвовать въ общественной жизни. Еще разительнѣе примѣръ, можетъ быть, представляютъ евреи, которые остались особнякомъ въ присутствіи всѣхъ восточныхъ, древне-классическихъ и феодальныхъ цивилизацій, а, подъ вліяніемъ движенія новыхъ европейскихъ идей, сами

[1]) Гл. 12.

оказались способными къ реформамъ и приняли самое живое и вліятельное участіе въ жизни Европы нашего времени, болѣе и болѣе сливая свои интересы съ интересами государствъ юридически-промышленнаго строя. Если юридически-промышленная цивилизація новаго времени сдѣлала такія пріобрѣтенія, какъ въ своихъ менѣе чистыхъ формахъ (европейскихъ), такъ и въ болѣе чистой (американской), то совершенно дозволительно надѣяться, что слѣдующая ступень ея будетъ способна охватить еще нѣкоторыя расы человѣчества, и ввести ихъ въ общечеловѣческое общеніе; новый шагъ можетъ обозначиться опять новыми завоеваніями цивилизаціи; и, по аналогіи, нѣтъ причины не допустить, что можно придти къ формѣ цивилизаціи, доступной всѣмъ расамъ, не потому что она достаточно низка, а потому что она достаточно высока, т.-е. такъ несложна въ своихъ формахъ, такъ нестѣснительна для личностей, такъ прямо относится къ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ ихъ потребностямъ, и такъ хорошо выработала технику для удовлетворенія этихъ потребностей, что достаточно быть человѣкомъ для пониманія ея выгодъ и для участія въ ея механизмѣ. Степень этого участія будетъ уже опредѣляться не различіемъ расъ, а различіемъ индивидуальныхъ способностей, подобно тому, какъ участіе въ политической жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ опредѣляется уже теперь лишь способностью личности къ успѣшной конкурренціи съ другими на почвѣ юридической и промышленной. Такимъ образомъ, кажется, можно допустить съ нѣкоторою увѣренностью предположеніе: чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ она доступнѣе большему числу личностей.

Но уже слово доступнѣе, нами употребленное, указываетъ, что цивилизація не есть что-либо само собою достающееся личности. Это—благо, которое находится въ кругѣ возможности для личности, но требуетъ отъ нея самостоятельнаго труда. Еврей въ Европѣ можетъ сдѣлаться Мозесомъ Мендельсономъ, Мейербером, Гейне, Кремье, д Израэли или Лассалемъ, но для этого нужно, чтобы онъ, какъ

личность, доработался мыслію до одного изъ первыхъ мѣстъ въ обществѣ по наукѣ, по искусству или по общественной дѣятельности. Негръ *можетъ* занять мѣсто среди законодателей одного изъ могущественнѣйшихъ государствъ міра, но для этого онъ долженъ пріобрѣсти *умственное* вліяніе на согражданъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся опять съ элементомъ *мысли*, необходимымъ при усвоеніи цивилизаціи. Личность или общество можетъ возвыситься съ низшей точки цивилизаціи на высшую или усвоивая высшую культуру, вмѣстѣ съ мыслію, ее оживляющею, или прилагая къ своей собственной культурѣ процессъ переработывающей мысли. Какъ первое, такъ и послѣднее можетъ быть принесено личности и обществу извнѣ. Первый пріемъ удаченъ иногда, но не всегда, и чѣмъ выше культура, чѣмъ болѣе она даетъ простора мысли, и чѣмъ доступнѣе переработкѣ, тѣмъ большій кругъ личностей и племенъ она можетъ захватить. Но второй пріемъ не имѣетъ этихъ недостатковъ.

Мысль есть общій элементъ для самыхъ различныхъ цивилизацій. Онѣ разнятся культурными формами, и эти формы, какъ мы уже говорили, могутъ быть до крайности разнообразны. Но мысль въ своемъ критическомъ процессѣ обща всему мыслящему. Ея методы вездѣ и всюду одинаковы, вездѣ и всюду приложимы, потому что требуютъ постоянно одного и того же, и только этого: улучшенія существующаго помощью средствъ, данныхъ этимъ же существующимъ. Они требуютъ истины и справедливости, но не истины вычитанной, завѣщанной или прорицаемой, а истины, вытекающей изъ фактовъ, доступныхъ наблюденію; не справедливости, заключенной въ обычай, въ законъ или въ догматъ, а справедливости, вынесенной изъ жизни. Поэтому мысль есть элементъ цивилизаціи, принадлежащій всѣмъ временамъ и народамъ, приложимый повсюду и всегда; культура же есть начало мѣстное и временное, подлежащее критикѣ и измѣненію по мѣрѣ надобности и возможности. Перье сказалъ, что всемірный культъ, всемірныя учрежденія и всемірное воспитаніе столь

же невозможны, какъ общій языкъ и общій миръ [1]). Относительно послѣднихъ слишкомъ дерзко предсказывать невозможность ихъ въ будущемъ. Невозможность всемірнаго культа и всемірныхъ учрежденій довольно вѣроятна, вслѣдствіе разнообразія культуръ, да и стремиться къ подобнымъ всемірнымъ формамъ—дѣло лишнее. Относительно же воспитанія можно сказать, что, при крайнемъ разнообразіи его пріемовъ, вслѣдствіе личнаго разнообразія между учениками, его методы всемірны и единообразны, какъ сама мысль. Когда Пелларенъ, вслѣдъ за Фурье, ставилъ рубрики общественнаго строя въ ихъ послѣдовательной серіи, онъ не могъ не ошибиться, точно также, какъ нельзя примѣнить къ развитію цивилизаціи серіи религіозныхъ формъ. Политеизмъ, монотеизмъ и фетишизмъ такія же культурныя, зоологическія формы въ человѣчествѣ, какъ полигамія и моногамія, невольничество, патріархатъ, деспотизмъ, торговая олигархія и т. п. Сами они, какъ обычаи и преданія, не имѣютъ никакого значенія; они важны въ моментъ своего появленія, какъ признаки мысли, стремящейся къ улучшенію общества, къ истинѣ и справедливости, или къ эксплуатаціи общества въ виду частныхъ цѣлей или узко-понятой пользы. Присутствіе или отсутствіе той или другой общественной формы само по себѣ ничего не доказываетъ въ пользу или во вредъ племени, гдѣ она присутствуетъ или отсутствуетъ. Та или другая форма семейнаго союза столь же мало свидѣтельствуетъ о высшемъ развитіи человѣческой расы, какъ болѣе или менѣе тѣсная семейная связь у птицъ, служитъ, по Вундту [2]), свидѣтельствомъ умственнаго развитія того или другаго вида. Невольничество, при своемъ появленіи, какъ замѣна избіенія плѣнныхъ, было результатомъ прогрессивной мысли. Невольничество, какъ требованіе плантаторовъ южной конфедераціи, было результатомъ мысли реакціонной. Невольничество во множествѣ странъ міра есть не болѣе, какъ культурный обычай предковъ, противъ котораго мысль должна

[1]) Гл. 11.
[2]) Гл. 6.

бороться, внушая невольникамъ, что они не должны терпѣть своего положенія, а рабовладѣльцамъ, что они не должны терпѣть у себя невольниковъ, но минута освобожденія опредѣляется всею исторіею общества. Крѣпостное право было дикимъ анахронизмомъ въ Россіи 1855 года, какъ въ продолженіи всей исторіи нашего отечества, потому что было время, когда этотъ обычай не существовалъ; но тамъ, гдѣ онъ служилъ переходомъ отъ худшаго положенія, онъ имѣлъ свой періодъ исторически-правомѣрнаго существованія. Это прилагается и ко всѣмъ культурнымъ формамъ.

Для трезваго мыслителя есть культурные формы индифферентныя, пріятныя, отвратительныя, сравнительно лучшія, но нѣтъ ни одной безусловно-истинной и безусловно-справедливой. Мы видѣли, что Лацарусъ прямо указалъ, на сколько для движенія человѣчества необходимо «появленіе новыхъ идеальныхъ элементовъ». Нѣтъ «наилучшей организаціи общественныхъ отношеній», какъ Гизо опредѣлилъ вначалѣ цивилизацію по первому представленію о ней [1]). Мысль личности, изо всякой данной организаціи, можетъ выработать другую, лучшую. Въ строѣ европейскаго общества, какъ и всякаго другого, обычаи и преданія, накопленныя исторіею, сами по себѣ не имѣютъ никакого человѣчнаго значенія. Они важны на столько, на сколько осмыслены и сознаны, какъ возможно лучшее при современныхъ условіяхъ распредѣленія знаній и потребностей. Они имѣютъ свою историческую причину, потому, что было время, когда они составляли результатъ работы мысли. Онн имѣютъ свое оправданіе въ настоящемъ, потому что потребности бо́льшаго или меньшаго класса ими удовлетворяются. Но мыслитель не борется противъ нихъ лишь до тѣхъ поръ, пока новая мысль не выработала лучшаго средства удовлетворять насущнымъ потребностямъ. Вся европейская культура есть лишь временная одежда общества, пока европейская мысль не найдетъ новой.

---

[1]) Гл. 2.

И протестъ противу наличныхъ формъ культуры, стремленіе переработать ихъ въ лучшія, не исчезаетъ. Въ передовыхъ племенахъ міра элементъ мысли настолько уже силенъ, что можетъ съ успѣхомъ заявлять свои протесты, частью приводить ихъ въ дѣло, а, главное, расширяться замѣтно въ обществѣ. Этому способствуютъ двѣ культурныя особенности новаго общества: распространяющійся обычай научнаго образованія и научнаго авторитета; расширяющееся преданіе свободныхъ политическихъ учрежденій, обезпечивающихъ личности безопасность при критикѣ существующей культуры. Эти два культурные элемента, входя болѣе и болѣе въ привычки передовыхъ народовъ, даютъ уже несравненно болѣе правильное и нестѣсненное теченіе мысли, переработывающей современную культуру во всѣхъ ея областяхъ.

Но эти условія не даютъ еще намъ права ставить современную цивилизацію особнякомъ и отнимать это названіе у предшествовавшихъ фазисовъ общественнаго развитія. Если теперь существуютъ условія, при которыхъ работа мысли идетъ успѣшно, то и при другихъ культурныхъ условіяхъ она могла имѣть обезпеченія другаго рода; а какъ только работа мысли была обезпечена и могла побороть совокупность двухъ силъ, ей противодѣйствующихъ, природную обстановку и культурный застой, то прогрессивный элементъ преобладалъ надъ зоологическимъ и цивилизація имѣла мѣсто. Научное образованіе, научные авторитеты, свобода мысли обезпечены въ передовыхъ націяхъ нашего времени закономъ и опираются на общественный капиталъ. Законъ и капиталъ образуютъ въ своемъ соединеніи тотъ культурный элементъ, который, если не ошибаемся, составляетъ существенное отличіе современнаго строя отъ предыдущаго. Государство, это „божественно-земное“ (irdisch-göttliches) начало Гегеля [1]), помощью бюджета, стало преобладающимъ капиталистомъ; на основаніи этого преобладанія, оно оцѣпило общество служебною сѣтью администраціи, и сквозь всѣ ткани живаго общественнаго тѣла проткнуло

[1]) G. W. Fr. Hegel: „Grundlinien der Philosophie des Rechts» (1833) 354.

скелетъ закона съ его искусными механическими сочлененіями. Въ политическихъ учрежденіяхъ личность пріобрѣла право критически относиться ко всѣмъ этимъ существеннымъ элементамъ культуры, но на основаніи ихъ же. Личность, обезпеченная капиталомъ, и стоящая на твердой юридической почвѣ, можетъ, въ большой части передовыхъ націй, быть самостоятельна въ своихъ дѣйствіяхъ, смѣла въ своей критикѣ, энергична въ ея перенесеніи въ жизнь. Но громадное преобладаніе государственнаго капитала надъ частнымъ и законной формы надъ личными усиліями дѣлаютъ для большинства личностей борьбу невозможною. Къ тому же, одно изъ слѣдствій юридически-промышленнаго строя современности есть зависимость правоспособности личности отъ ея капитала. Эта зависимость, въ большей части государствъ Европы, вошла даже въ законъ, въ формѣ различныхъ цензовъ, ограничивающихъ правоспособность личности въ разныхъ областяхъ; только сѣверо-американскій строй исключилъ ее изъ закона, хотя не могъ исключить изъ жизни. Если юридически-промышленный строй государства далъ личности болѣе и болѣе возможности критически относиться къ культурѣ и перерабатывать ее мыслію, то онъ же установилъ предѣлы дозволеннаго, и болѣе прежняго стѣснилъ мысль въ ея поискахъ за этими предѣлами, такъ какъ, при лучшей администраціи и при болѣе строгой систематичности законодательства, труднѣе стало личности ускользать отъ кары за нарушеніе даннаго культурнаго порядка. Въ уясненіи отношенія личной воли къ государственному закону и личныхъ силъ къ капиталу лежитъ основная соціологическая работа мысли въ наше время, именно потому, что законъ и капиталъ составляютъ основные культурные принципы настоящаго европейскаго строя и могутъ быть точно также направлены во вредъ развитія общества, какъ и въ пользу его.

Вообще, въ тѣхъ самыхъ націяхъ, которыя теперь стоятъ во главѣ цивилизаціи, еще много остается сдѣлать для переработки культуры мыслію и для правильнаго взаимнаго отношенія этихъ элементовъ. Около самихъ двигателей циви-

лизаціи, около людей мысли, стоитъ въ самыхъ высшихъ слояхъ общества значительное число личностей, для которыхъ все добытое европейскою мыслію, наравнѣ съ остатками исторіи прошлыхъ вѣковъ, есть не что иное, какъ обычай, преданіе, привычка, т.-е. чисто-зоологическій элементъ. И ниже, во всѣхъ слояхъ, на которые давитъ современная культура, еще большинство живетъ лишь культурною, зоологическою жизнію привычки и преданія. Правда, мысль просыпается на всей глубинѣ слоевъ европейскаго общества. Всюду слышится требованіе лучшаго строя, болѣе осмысленныхъ отношеній между личностями, болѣе справедливыхъ общественныхъ формъ. Но еще преданія крѣпки, рутина сильна, и работа людей мысли въ областяхъ теоріи и практики не довольно согласна, чтобы переработка нынѣшней европейской цивилизаціи въ новую, лучшую, шла такъ быстро, какъ того бы требовало положеніе дѣлъ.

На прежнихъ ступеняхъ общественнаго развитія личность была поставлена иначе въ отношеніи къ культурѣ. Законы государства опирались на меньшій капиталъ, онъ преобладалъ въ рукахъ частныхъ лицъ и семей. Оттого законъ былъ слабѣе, государственный строй былъ не на столько въ состояніи связывать личность. Борьба сильныхъ личностей: капиталистовъ, собственниковъ, главъ городскихъ и религіозныхъ общинъ, подвергала слабыхъ безпрестанному произволу, но, въ то же время, давала имъ возможность безнаказанно вносить критику мысли въ самыя заповѣдныя области теоріи; иногда даже удавались попытки внести ее въ жизнь. Наука не имѣла методовъ, усвоенныхъ традиціею университетскихъ каѳедръ, но личность отыскивала свои методы болѣе или менѣе точные и удивляющіе насъ иногда силою и гибкостію мысли. Привычка къ неприкосновенности личности не существовала, но личности, неогражденныя отъ произвола, вырабатывали въ себѣ тѣмъ болѣе энергіи для борьбы, исходъ которой онѣ не могли прочесть въ кодексѣ, и пріискивали новые способы сплотиться и оградить себя, не стѣсненныя никакими постановленіями о дозволенныхъ ассоціаціяхъ. Тогда

другіе обычаи, другія преданія стѣсняли работу мысли. Фетишизмъ въ многоразличныхъ его формахъ былъ болѣе распространенъ; необезпеченность личности дѣлала для большинства прогрессивную дѣятельность невозможною; культурные элементы преобладали въ большемъ числѣ личностей и занимали болѣе мѣста въ строѣ мысли самыхъ передовыхъ личностей; наконецъ самыя формы культуры были менѣе удобны и въ особенности менѣе прочны. Но именно послѣднее обстоятельство, неудобство и непрочность формъ, вѣчная борьба, вѣчное безпокойство за завтра—возбуждали въ высшей степени дѣятельность личностей, работу мысли, недовольство существующимъ. Культурный строй не могъ окоченѣть, потому что постоянно подвергался потрясеніямъ и въ этихъ потрясеніяхъ мысль находила возможность крѣпнуть и отыскивать новые способы дѣйствія.

19. Соціологическія рубрики.

Придя къ разсмотрѣнію общественныхъ формъ, предшествовавшихъ нашей цивилизаціи, мы встрѣчаемся съ разнообразными рубриками, употребленными тѣмъ или другимъ авторомъ для обозначенія послѣдовательныхъ періодовъ развитія человѣчества, и, прежде всего, намъ приходится вернуться къ періодамъ Фурье-Пелларена [1]). Мы уже говорили о неудобствѣ приложить какія-либо крупныя рубрики къ явленіямъ, столь разнообразнымъ, какъ общественныя формы, въ точно-научномъ смыслѣ. Разговорный языкъ, конечно, употребляетъ и будетъ употреблять термины дикости, варварства, патріархата и цивилизаціи для отличенія одного общественнаго строя отъ другаго, но въ довольно неопредѣленномъ значеніи. Дикость при этомъ остается приличнымъ терминомъ для всего того, что стоитъ на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, такъ что животныя, обособляющія влеченія, преобладаютъ надъ всякимъ связующимъ об-

[1]) Гл. 14.

щественнымъ идеаломъ. Терминъ патріархата вызываетъ представленіе о строѣ, гдѣ преобладаетъ родовое начало. Терминъ варварства—представленіе о преобладаніи союза для военныхъ хищническихъ цѣлей. Что касается до цивилизаціи, то еслибы это слово дѣйствительно вошло въ употребленіе, какъ терминъ, обозначающій особенную культурную форму, то для него нельзя было бы найти болѣе вѣрной и добросовѣстной характеристики, какъ слова: культура, похожая на строй жизни современной Европы. Все, что мы вздумали бы сдѣлать для обособленія этихъ четырехъ терминовъ съ бо́льшею точностью, свелось бы, для втораго и третьяго, на дедукцію изъ понятія о родовомъ и военно-хищническомъ бытѣ, или на черты, надерганныя отсюда и оттуда. Затѣмъ характеристика цивилизаціи заключала бы фактическое развитіе характеристики, приведенной выше, т.-е. мы бы старались внести въ это развитіе всѣ самыя крупныя особенности общественнаго строя современной Европы. Для дикости, намъ бы остались отрицательные признаки обществъ, не подходящихъ, по нашему мнѣнію, подъ рубрики варварства и патріархата.

Если же мы отнеслись бы къ нашему вопросу съ большею научностью, то съ нашими рубриками совершилось бы то же, что нынче совершается съ рубриками видовъ и родовъ въ естественной исторіи. Онѣ бы расплылись на множество разнообразныхъ формъ. Мы бы нашли сотню различныхъ дикостей, различныхъ патріархатовъ, различныхъ варварствъ, различныхъ цивилизацій; и каждая изъ этихъ формъ имѣла бы свои весьма характеристическія черты, и, при внимательномъ изученіи, оказалось бы, что иная дикость гораздо менѣе разнится отъ инаго патріархата или варварства, чѣмъ отъ какой-либо другой дикости; иное варварство съ такимъ же правомъ можно отнести къ патріархату или къ цивилизаціи, какъ къ варварству; иная цивилизація до такой степени проникнута элементами варварства, патріархата и даже дикости, что лишь произволъ классификатора можетъ быть здѣсь рѣшительнымъ аргументомъ. Что же оста-

нется научнаго въ нашихъ крупныхъ соціологическихъ рубрикахъ? Для удержанія ихъ придется обратиться отъ естественной классификаціи (составляющей цѣль всѣхъ наукъ, гдѣ классификаціи нужны) къ классификаціи искусственной, т.-е. по одному или по немногимъ признакамъ. Но польза ея для соціологіи весьма сомнительна, и признакъ, принятый Фурьѣ и Пелларѣномъ для отличія цивилизаціи отъ варварства, не можетъ не вызвать улыбки. Это—единоженство. Но спрашивается, много ли мужчинъ живутъ въ дѣйствительномъ единоженствѣ въ центрахъ европейской цивилизаціи и въ классахъ, составляющихъ главныхъ представителей ея. Можно ли мормоновъ потому лишь считать варварами, что они приняли многоженство и ввели его въ религіозный обычай? Положеніе женщины въ обществѣ есть, конечно, весьма важный признакъ высшей или низшей ступени общественнаго развитія, но существованіе или несуществованіе закона о единоженствѣ составляетъ весьма маловажное обстоятельство для этого разносторонняго вопроса.

Между тѣмъ мысль объ установленіи рубрикъ для соціологическихъ періодовъ человѣческаго общества постоянно возвращается подъ разными формами. Мы видѣли, что Летурно пробовалъ ее осуществить уподобленіемъ періодовъ развитія общества періодамъ развитія личности, періодамъ питанія, чувства, нравственнаго аффекта и мысли [1]). Эти періоды также могутъ найти себѣ оправданіе, если ихъ принять за неопредѣленныя рубрики разговорной рѣчи, и столь же мало могутъ имѣть притязанія на научную точность, еслибы вздумали подвести всѣ человѣческія общества подъ одну изъ этихъ рубрикъ и дать имъ строгую характеристику. Разнообразіе конкретныхъ формъ обществъ и разнообразіе развитія личностей въ одномъ и томъ же обществѣ составили бы здѣсь, можетъ быть, и еще болѣе рѣшительное препятствіе, чѣмъ для членовъ серіи Ш. Фурье. То же можно сказать и о трехъ ступеняхъ общественнаго развитія, на

[1]) Гл. 7.

которыя указалъ Диксонъ въ своей запискѣ „О великихъ лугахъ и луговыхъ индіанцахъ“, читанной въ послѣднемъ собраніи британской ассоціаціи. Мысль о томъ, что охотничество и земледѣліе представляютъ эти три ступени, очень не новà, а мысль, что лишь переходя чрезъ эти ступени въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ общество можетъ развиться— сомнительна, хотя она и нашла въ британской ассоціаціи поддержку извѣстнаго путешественника Вамбери и епископа Лабуанскаго, пробывшаго 20 лѣтъ въ Борнео [1]). Къ этой же категоріи относится и раздѣленіе Уэструпа (Westrupp), высказанное предъ лондонскимъ антропологическимъ обществомъ [2]) о неизмѣнномъ порядкѣ четырехъ фазисовъ цивилизаціи: первобытно-варварскаго, охотничьяго, пастушескаго и замледѣльческаго. Къ тому же здѣсь первый періодъ не имѣетъ смысла, какъ особенный періодъ жизни человѣческаго общества. Пока человѣкъ не существовалъ охотою, и жилъ еще плодами (если былъ такой періодъ, на что, впрочемъ, есть современныя указанія Бэтса, для Бразиліи), то едва-ли онъ былъ человѣкомъ, или если и можно было его признать человѣкомъ, едва-ли онъ жилъ въ постоянномъ обществѣ. Поэтому первый періодъ Уэструпа слѣдуетъ слить съ послѣдующимъ, и остаются прежніе періоды Диксона, извѣстные уже и изъ учебниковъ со всею ихъ неопредѣленностью.

Но если намъ приходится отвергнуть термины, употребленные Ш. Фурьѐ и Пелларѐномъ, въ смыслѣ соціологическихъ періодовъ, какъ пришлось бы, вѣроятно, отвергнуть всякія другія необходимыя рубрики этого рода для тысячъ разнообразныхъ культуръ, представляемыхъ исторіею,—это еще не значитъ, чтобы мы не придавали этимъ терминамъ важности въ другомъ смыслѣ. Такъ какъ нарожденіе личностей, связывавшее ихъ въ семью и въ родъ, было естественнымъ условіемъ, способствовавшимъ сближенію людей и скрѣпленію связи между ними; такъ какъ безпрестанная борьба была также естественною традиціею, полученною

[1]) „Quart. Jurn. of Science“ № XX, 535 и сл.
[2]) «Journ. of the A. S.» V, CXCII и сл.

изъ до-человѣческаго, зоологическаго періода, и должна была вызвать союзы съ военными цѣлями,—то термины патріархатъ и вѣрварство, какъ обозначающіе общественные элементы, имѣютъ полное право на мѣсто въ соціологіи и выказываютъ большую проницательность ума со стороны тѣхъ, кто ихъ поставилъ на видъ. Но это элементы, а не періоды. Въ различныхъ степеняхъ смѣшенія, и усложненные большею или меньшею обособленностью элемента теократическаго, элемента промышленной ассоціаціи и другихъ менѣе значительныхъ, они давали культурѣ самыя разнообразныя формы, образуя, при различныхъ обстоятельствахъ, историческія серіи, едва-ли схожія одна съ другою. Мало по малу въ нихъ выработывался и изъ нихъ выдѣлялся элементъ закона съ его отдѣльными органами, укрѣпляясь присвоеніемъ все болѣе значительнаго капитала безличному собственнику, государству, присутствующему въ буквѣ кодекса. Современная культура получила свое начало съ той минуты, когда государство стало преобладающимъ элементомъ надъ прочими.

Если перейдемъ къ низшей степени общественной лѣстницы по Фурье и Пелларену, то здѣсь мы встрѣчаемъ терминъ дикости, охотно противопоставляемый цивилизаціи, какъ ея отсутствіе или ея противоположность; такъ что, съ одной стороны, мы находимъ стремленіе расширить его на весьма многія культурныя формы, въ представленіи наблюдателя рѣзко отличающіяся отъ нашей цивилизаціи; съ другой, мы замѣчаемъ побужденіе ограничить его приложеніе самыми элементарными культурными формами, выдѣляя изъ него всякую общественность, сколько нибудь развитую въ ея проявленіяхъ. Иные ученые, держась ближе этимологіи слова, готовы признать дикарями лишь тѣ отдѣльно живущія личности, о которыхъ мы имѣемъ отрывочныя и не особенно достовѣрныя свѣдѣнія. Другіе готовы назвать дикими и дагомейцевъ. Мы видѣли, что многіе члены антропологическаго общества прямо протестовали противъ употребленія этого термина въ научномъ смыслѣ: конечно, довольно странно

встрѣтить, хотя бы у Шафгаузена, общій портретъ дикихъ [1]). Самая попытка подобнаго портрета, обобщающаго племена, весьма различныя по происхожденію, отстоящія по мѣсту жительства на огромныя пространства—не можетъ не возбудить сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе, и для термина дикости можно найти значеніе довольно опредѣленное, хотя болѣе отрицательное, но, при этомъ, сходное съ обычнымъ значеніемъ термина въ разговорномъ языкѣ. Всякое общество, въ которомъ ни родовой союзъ ни военный не являются еще преобладающими элементами, можетъ быть отнесено къ дикимъ; и въ культурѣ всякаго общества можно отнести къ элементу дикости всѣ тѣ проявленія личнаго эгоизма, гдѣ человѣкъ, не оспаривая культурныхъ формъ и не вырабатываясь изъ нихъ мыслію, употребляетъ ихъ, какъ орудіе для своихъ личныхъ цѣлей, въ ущербъ другимъ людямъ, съ которыми онъ связанъ этими формами. Въ такомъ случаѣ дикость, въ смыслѣ культурнаго состоянія, обниметъ всѣ низшія культурныя формы, что согласно съ общимъ употребленіемъ слова. Въ смыслѣ же культурнаго элемента, она обниметъ тѣ проявленія мысли, и обычаи изъ нихъ истекающіе, которые принадлежатъ низшимъ формамъ отношенія личности къ обществу, именно эксплуатаціи общественныхъ формъ личностью для своихъ цѣлей. Какъ прогрессивная работа мысли надъ культурою есть элементъ развитія цивилизаціи, такъ регрессивная работа мысли, эксплуатація культуры личностями, ведетъ, какъ мы говорили выше, къ гибели общества, и потому едва-ли не удобно примѣнить къ подобному разрушающему общественному элементу терминъ дикости. Можно считать совершенно правильнымъ приложеніе названія дикаго къ эксплуататору общества съ высшими формами, который неспособенъ усвоить себѣ цивилизующаго элемента общества, его прогрессивной мысли, неспособенъ подчиниться культурнымъ формамъ, какъ люди культуры, усвоившіе себѣ привычки семьянина, члена рода, члена сословія, сектатора

[1]) Гл. 9.

даннаго культа и т. под., но противопоставляетъ всѣмъ интересамъ цивилизаціи свои личныя, болѣе или менѣе животныя влеченія. Подобную же неспособность войти въ интересы высшей цивилизаціи приписываютъ и дикарямъ вообще. Прюнеръ-бей пришелъ къ нѣсколько искусственному заключенію, что есть только дикія личности, а не дикіе народы [1]). Мы допустимъ то и другое въ смыслѣ довольно близкомъ при употребленіи слова въ приложеніи къ тѣмъ и другимъ.

Если въ этомъ смыслѣ мы станемъ употреблять терминъ дикости и прилагать его къ различнымъ обществамъ, живущимъ въ низшихъ культурныхъ формахъ, то прежде всего мы встрѣчаемся съ обвиненіемъ дикихъ въ неспособности цивилизоваться вообще. Мы уже имѣли случаи замѣтить, что подобное обвиненіе, въ его общемъ смыслѣ, едва-ли справедливо. Съ одной стороны, согласно замѣчанію Пелларена, европейская культура, приносимая дикарямъ, можетъ быть имъ негодна, и это еще не доказываетъ, что имъ не будетъ годна культура, нѣсколько высшая. Съ другой же стороны, они могутъ цивилизоваться инымъ путемъ, приложеніемъ методовъ европейской мысли къ ихъ цивилизаціи, безъ перенесенія къ нимъ формъ европейской культуры, и этотъ пріемъ до сихъ поръ приложенъ не былъ, насколько извѣстно, къ цивилизованію дикихъ народовъ. Но оставляя въ сторонѣ это обстоятельство, самая неспособность ихъ усвоить основы европейской культуры подлежитъ еще въ значительной степени сомнѣнію, и при этомъ всегда слѣдуетъ припомнить замѣчаніе, высказанное Руфтомъ въ преніяхъ 1860 года, что народы высшей цивилизаціи весьма часто считали неспособными къ цивилизаціи племена, для которыхъ послѣдующая исторія доказала противное [2]). Для австралійцевъ, относительно которыхъ мы имѣемъ наибольшее число данныхъ, и противъ способности которыхъ къ цивилизаціи Брока собралъ такую массу фактовъ, мы имѣемъ и прямо-

[1]) Гл. 11.
[2]) Гл. 11.

противоположныя свидѣтельства Прюнеръ-бея и Герштеккера, тоже не голословныя, а основанныя на фактахъ. Брока и другіе говорятъ, что они неспособны дойти до понятія о трудѣ; это пишутъ и о другихъ дикихъ. Прюнеръ-бей указалъ на такіе примѣры техники туземцевъ въ Австраліи, что остается лишь допустить существованіе нѣсколькихъ, различно развитыхъ, племенъ на этомъ материкѣ. Однако, и относительно австралійцевъ, ближайшихъ къ англійскимъ колоніямъ, Прюнеръ-бей сослался на свидѣтельства, что они толпами приходятъ въ города *искать* работы, не говоря уже объ отрасляхъ труда, къ которымъ ихъ пріучили. Руфтъ справедливо замѣчаетъ, что ошибка заключалась „въ принужденіи къ труду“, и дѣйствительно, это противно здравой педагогіи. Былъ поставленъ вопросъ: выше ли американскій индіанецъ негра или ниже его, такъ какъ первый не могъ быть пріученъ къ труду, подобно послѣднему, и это спасло перваго отъ невольничества, но способствовало его вымиранію. Но и этотъ вопросъ поставленъ не совсѣмъ вѣрно, потому что негръ былъ пріученъ къ *принудительному* труду, а трудъ свободный могъ быть доступенъ и другимъ дикимъ племенамъ, да и на самомъ дѣлѣ *былъ* доступенъ, потому что у всѣхъ народовъ мы находимъ ту или другую культуру, ту или другую *технику*, что немыслимо безъ нѣкотораго труда.

Впрочемъ, a priori нельзя отвергнуть, что между племенами людей можно встрѣтить различную способность къ цивилизаціи: именно, какъ указалъ Брока [1]), вѣроятно, есть племена способныя, по своимъ физіологическимъ даннымъ и по обстановкѣ, выработать собственною мыслью высшую цивилизацію, есть другія племена, способныя усвоить данную высшую культуру, до которой бы они сами не дошли; наконецъ, есть племена, положительно неспособныя къ принятію данной культуры (что не отнимаетъ возможности и для нихъ цивилизоваться однимъ изъ путей, указанныхъ выше); они

[1]) Гл. 11.

будутъ присутствовать при данной цивилизаціи, но не войдутъ въ ея жизненное движеніе. Это совершенно совпадаетъ съ тремя группами личностей въ каждомъ цивилизованномъ обществѣ, группами, о которыхъ сказано выше. Перье правильно замѣтилъ, что въ равенство всѣхъ человѣческихъ умовъ теперь уже вѣрить нельзя, но онъ же допустилъ, что всѣмъ людямъ доступно воспитаніе, то-есть, что ко всѣмъ племенамъ можно приложить развивающій процессъ мысли. Если же это возможно, то, при правильномъ приложеніи процесса, нѣтъ основанія сказать, до чего можетъ быть доведенъ воспитываемый, и это подрываетъ всякое догматическое увѣреніе о различной способности расъ къ совершенствованію, увѣреніе, которое встрѣчаемъ и у Перье. Столь обычное сближеніе дикарей съ дѣтьми скорѣе говоритъ въ пользу большей вѣроятности ихъ способности къ развитію, чѣмъ въ пользу меньшей. Ребенокъ есть существо, въ которомъ лежитъ возможность развиться всесторонне; но также и возможность умереть и возможность огрубѣть, испортиться и т. п. Значительное число дѣтей подвергаются случайностямъ послѣдняго рода, но нѣкоторые, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, развиваются. Отчего это все неприложимо и къ дикихъ племенамъ? Дѣло лишь въ томъ, чтобы найти благопріятныя обстоятельства. Въ противность этому выставляютъ аргументъ, что низшія расы въ дѣтствѣ способнѣе, также какъ и человѣкообразныя обезьяны, но, подобно имъ же, теряютъ способность, по мѣрѣ того, какъ входятъ въ возрастъ [1]). На это можно отвѣтить, что мы до сихъ поръ не умѣемъ приручить человѣкообразныхъ обезьянъ, да едва-ли и съумѣемъ это сдѣлать, такъ-какъ человѣкъ приручилъ лишь тѣхъ животныхъ, которыхъ обратилъ въ неволю. Слѣдовательно, намъ невозможно и на столько измѣнить условія существованія человѣкообразныхъ обезьянъ, чтобы устранить роковую судьбу, останавливающую развитіе всякой особи. Относительно дикихъ племенъ человѣка мы все-таки ближе,

1) См. гл. 11 и 16.

и не лишены на столько возможности сблизиться съ ними, чтобъ облегчить для особей борьбу за существованіе и дать способнѣйшимъ возможность выработаться. Припомнимъ, что отношеніе высшихъ классовъ въ Европѣ къ низшимъ схоже съ отношеніемъ высшихъ расъ къ низшимъ. Было время, когда высшіе классы считали свою культуру совершенно недоступною низшимъ, говорили: это для народа, это для насъ. Люди, выходившіе изъ народа въ школы высшаго сословія, были потеряны для народа, потому что сближались въ интересахъ съ высшимъ сословіемъ, если не гибли отъ своего ложнаго положенія. Но теперь уже сдѣлалась обычной истина, что желательно и вполнѣ возможно развить низшія сословія, не разрушая ихъ связи между собою, не вырывая личностей изъ ихъ среды, а только внося въ эту среду болѣе благоденствія и болѣе пониманія.

Для того, кто обратилъ вниманіе на законы психологіи, очевидно, что всѣ свѣдѣнія о дикихъ племенахъ указываютъ не на о с о б ы й психическій процессъ, а только на низшую ступень этого процесса. Изъ трехъ ступеней психическаго процесса: ощущенія, представленія и понятія, у нихъ весьма сильно развита первая и весьма слабо послѣдняя. Свидѣтельства, собранныя Лэббокомъ и Шафгаузеномъ, указываютъ какъ ясно и отчетливо дикари различаютъ ощущенія [1]). Относительно второй ступени мы имѣли тоже согласныя показанія лингвистовъ о богатствѣ ихъ языковъ для отдѣльныхъ предметовъ, отдѣльныхъ явленій и т. д., т.-е. всего, что можно ясно представить себѣ. Напротивъ, обобщеніе представленій въ понятіи у нихъ, какъ пишутъ, слабо; даже существуютъ свидѣтельства, будто у нѣкоторыхъ племенъ вовсе не существуетъ обобщающихъ словъ для понятій. Надо признаться, что это сомнительно во многихъ случаяхъ, такъ какъ самый обыкновенный процессъ обобщенія есть распространеніе на родъ названія, существующаго для вида. Можетъ быть, это явленіе и имѣло мѣсто у дикихъ, но могло

[1]). Гл. 10.

ускользнуть отъ вниманія свидѣтелей, большею частью миссіонеровъ, которые не должны быть особенно сильные психологи, или путешественниковъ, недолго остававшихся въ странѣ, Конечно, еслибы было доказано, что племя не имѣетъ словъ для понятій и не можетъ еще перейти отъ представленій къ понятіямъ, то пришлось бы поставить подобное племя весьма низко въ умственномъ отношеніи, но и тутъ еще возможность не исчезла довести до составленія понятій сначала нѣсколько особей, а потомъ распространить привычку этого процесса. Оно можетъ быть неудачно въ двухъ-трехъ поколѣніяхъ, но не должно отчаяваться еще успѣть въ будущемъ. Катрфажъ сказалъ, что порода совершенствуется лишь двумя путями: подборомъ родичей и скрещиваніемъ [1]). Онъ полагалъ, что къ человѣческимъ расамъ приложимо лишь послѣднее средство и, въ смыслѣ физическаго подбора, онъ правъ. Но развивая способнѣйшія личности и давая имъ возможность имѣть болѣе обширное духовное потомство, развѣ нельзя приложить самый общій пріемъ техниковъ-скотоводовъ и къ самому высшему техническому вопросу: къ полученію болѣе развитой расы людей?

Тѣмъ менѣе можно придавать значенія различію нравственныхъ качествъ, которое находятъ у разныхъ племенъ, что Брока совершенно справедливо поставилъ внѣ преній. И здѣсь особенно часто смѣшиваютъ ту обычную нравственность (Sittlichkeit), которая нераздѣльна отъ той или другой формы культуры, съ нравственными началами, развивающимися въ личности по неизмѣннымъ психическимъ законамъ и образующими личную нравственность (Moralität), столь же общеприложимую ко всѣмъ людямъ, какъ и процессъ мысли. При этомъ слѣдуетъ припомнить и замѣчаніе Вайца [2]): „Достаточно постыдныхъ фактовъ заставляетъ насъ признаться, что грубая безчувственность и варварство встрѣчаются не въ меньшей степени среди бѣлой расы, какъ и среди краснокожихъ“, и „пропасть, отдѣляющая цивилизованнаго чело-

[1]) Гл. 11.
[2]) Th. Waitz: «Anthropologie d. Naturvölker“, III, 259.

вѣка отъ такъ-называемаго дикаго, вовсе не такъ велика, какъ воображаютъ". Леббокъ говоритъ, что возмутительныя явленія у насъ исключеніе, у нихъ—правило [2]), но даже съ этой точки зрѣнія едва-ли болѣе достойны порицанія люди, слѣдующіе безъ разсужденія культурному обычаю, хотя и возмутительному, чѣмъ люди, сознательно совершающіе возмутительное дѣло въ противорѣчіи съ общею культурою. Да и точно ли наши потомки скажутъ, что у насъ ие было ничего возмутительнаго, возведеннаго въ правило?

Если при этихъ условіяхъ мы посмотримъ на задачу европейскихъ цивилизаторовъ среди дикихъ, то она оказывается двойною. Обычный пріемъ заключается въ привитіи дикимъ европейской культуры, но мы видѣли, что на европейскую культуру нельзя смотрѣть ни какъ на послѣдній результатъ развитія человѣчества, ни, даже, какъ на заключающую въ себѣ нѣкоторыя, безусловно-годныя формы. Къ чему же навязывать эту одежду, которая не сегодня—такъ завтра, износится и нами, народомъ, неспособнымъ напялить на себя это платье, сшитое изъ разныхъ лоскутьевъ довольно изящно, но все-таки не такъ, чтобы оно могло годиться всѣмъ. Теперь наша культура, очевидно, не годится многимъ племенамъ. Но противъ нея раздаются многочисленные протесты и среди насъ. Когда Европа сама, собственною мыслію, выработываетъ себѣ лучшую культуру, можетъ быть, и миссіонерская дѣятельность европейцевъ пойдетъ успѣшнѣе. Высшій фазисъ развитія, ожидаемый Пелларепомъ, можетъ захватить многія племена, упорно противодѣйствующія нашей цивилизаціи. Пока въ передовыхъ націяхъ міра зоологическій элементъ культуры не подчинился въ достаточной степени человѣчному элементу мысли, до тѣхъ поръ мало вѣроятности, чтобы миссія этихъ націй среди низшихъ расъ могла быть прогрессивною, а не подавляющею.

Но вторая сторона задачи цивилизаторовъ заключается въ принесеніи дикимъ единственнаго элемента цивилизаціи,

---

[2]) Гл. 10.

именно мысли. Когда на острова Южнаго моря явятся люди съ проповѣдью мысли, то-есть съ твердымъ намѣреніемъ не переносить къ чуждымъ племенамъ европейскаго обычая, а выработать изъ даннаго знанія туземцевъ нѣсколько болѣе истины, изъ даннаго быта туземцевъ нѣсколько болѣе справедливости, возбудить въ нихъ самодѣятельность, а не подражательность, тогда можетъ быть дикіе не будутъ вымирать, но будутъ доступны прогрессу. Конечно, это требуетъ самаго тщательнаго изученія привычнаго способа мышленія и привычнаго взгляда на жизнь, существующаго между дикими. Но уже Перье замѣтилъ, что надо приноровиться къ культурѣ дикихъ, подобно тому, какъ мы говоримъ съ ними на ихъ языкѣ; переимчивость же ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться прогрессомъ [1]). Лишь въ возбужденіи самодѣятельности заключается возможность его, и примѣчаніе Делазіова остается справедливо въ отношеніи къ дикимъ, какъ въ отношеніи къ низшимъ классамъ болѣе цивилизованнаго общества: они противятся даже хорошему, но навязанному извнѣ, какъ бы стѣсняющему ихъ свободу [2]). Можетъ быть, повторяемъ, болѣе искусный педагогическій пріемъ спасетъ ихъ отъ гибели. Но для этого надо, чтобы въ самой Европѣ возможны были миссіонеры мысли, а мы сказали уже, что въ ней еще, для самыхъ передовыхъ общественныхъ группъ, не довольно ясно отдѣленіе элемента мысли отъ элемента культуры, человѣчнаго—отъ зоологическаго. Много въ ней самой надо еще поработать, чтобы это отдѣленіе вошло въ обычный пріемъ мысли европейскихъ общественныхъ двигателей. Слѣдовательно, ждать приходится долго въ обоихъ случаяхъ, и для возможности обширнаго миссіонерства европейской мысли, и для того, чтобъ Европа, перейдя въ новый культурный фазисъ, принесла далекимъ племенамъ культуру, способную обнять большее число личностей. Поэтому представляется печальный вопросъ: доживутъ ли дикія племена краснокожихъ, полинезцевъ, австралійцевъ, бы-

[1]) Гл. 11.
[2]) Тамъ же.

стро гибнущія на нашихъ глазахъ, до періода, когда эта лучшая миссія спасетъ ихъ отъ гибели? Или участь тасманійцевъ должна совершиться надъ всѣми низшими расами, кромѣ негровъ и нѣкоторыхъ племенъ Южной и Центральной Америки?

20. Основной признакъ цивилизаціи.

Современныя намъ племена и прежняя исторія народовъ, стоящихъ нынѣ въ числѣ наиболѣе цивилизованныхъ, представляетъ намъ примѣры преобладанія культурныхъ элементовъ военнаго союза, родоваго союза, теократіи, или еще низшихъ формъ, и потому мы справедливо можемъ называть нѣкоторыя націи варварскими, патріархальными или дикими въ извѣстную эпоху ихъ жизни, но стоитъ внимательно вглядѣться въ строй европейскаго общества послѣдняго времени, чтобы замѣтить, какъ еще много въ этомъ строѣ слѣдовъ патріархата и варварства, теократіи и промышленной ассоціаціи, и какъ недавно еще тотъ или другой изъ этихъ элементовъ обусловливалъ въ значительной степени юридически-промышленную жизнь общества. Короли-помѣщики и теорія лояльности въ отношеніи къ династіямъ, дипломатія съ цѣлію перехитрить, ограбить другаго и неполноправность женщинъ, государственныя религіи и неполноправность иновѣрцевъ, цехи и сословія—все это еще недавно жило, а частью и теперь живетъ; но все это—остатки старыхъ элементовъ въ безличномъ государствѣ, законѣ настоящаго, съ его безразличнымъ отношеніемъ ко всему, кромѣ капитала. Борьба новой мысли съ современнымъ строемъ усложняется именно тѣмъ, что за юридически-промышленнымъ строемъ новой культуры мысль еще всюду наталкивается на остатки еще болѣе старыхъ культуръ, не вполнѣ побѣжденныхъ, разложенныхъ и поглощенныхъ юридически-промышленною культурою. Тайлоръ, какъ мы видѣли, показалъ остатки самой низшей ступени человѣческаго міросозерцанія въ нѣкоторыхъ европейскихъ обычаяхъ, принадлежащихъ къ культурнымъ

привычкамъ высшихъ общественныхъ слоевъ [1]), а если спуститься немного ниже, то подобныхъ слѣдовъ варварскихъ и дикихъ воззрѣній можно указать гораздо болѣе. Нѣкоторыя культурныя формы современности можно даже возвести за предѣлы человѣческаго развитія обществъ въ культурѣ животныхъ. Примѣромъ тому можетъ служить смертная казнь, которую замѣчаемъ и въ обществахъ низшихъ классовъ существъ, какъ наказаніе нарушителей принятаго обычая.

Всѣ эти побѣжденныя и полупобѣжденныя культуры, въ своемъ разнообразіи, представляютъ особенный интересъ по тому, насколько простора онѣ давали человѣчному элементу мысли, и насколько онѣ представляли матеріала для ея работы. Летурно замѣтилъ, что человѣку нельзя развиваться въ одномъ, не отставая въ другомъ [2]). Эта мысль съ виду совпадаетъ съ указаніями Лацаруса на то, что цивилизація представляетъ борьбу элементовъ, когда работа мысли концентрируется въ немногихъ ученыхъ, и выигрываетъ въ накопленіи, теряя въ распространеніи; или когда личность, заботясь аскетически о своемъ индивидуальномъ совершенствѣ, теряетъ изъ виду необходимость участія въ общественномъ дѣлѣ; или когда общественная культурная работа поглощаетъ дѣятельность личности и не даетъ ей развиваться [3]). Но если Лацарусъ правъ, указывая на возможность и дѣйствительность подобныхъ столкновеній—это еще далеко отъ догматическаго утвержденія Летурно. Необходимости д ѣ й с т в и т е л ь н о отставать въ одномъ отношеніи, развиваясь въ другомъ, не только не существуетъ, но истинное развитіе общества неизбѣжно всесторонне. Оно заключается въ болѣе широкомъ внесеніи критическаго процесса мысли въ общественную жизнь, то-есть въ лучшемъ изученіи недостатковъ общественной культуры и средствъ къ ихъ исправленію, въ большей энергіи личностей при этого рода дѣятельности и въ призваніи большаго числа личностей на это дѣло. Но

[1]) Гл. 8.
[2]) Гл. 7.
[3]) Гл. 3 и 17.

при этомъ что же могло бы произвести отступленіе общества въ какомъ бы то ни было отношеніи? Оно возможно лишь при уменьшеніи работы мысли на какомъ либо пунктѣ, при преобладаніи на этомъ пунктѣ реакціонеровъ и эксплуататоровъ культуры надъ людьми прогрессивной мысли. Подобный случай, при всестороннемъ развитіи работы мысли, былъ бы рѣдкимъ исключеніемъ, если еще допустить его возможность, но въ правило его возвести крайне странно. Конечно, Летурно имѣлъ въ виду другое, именно культурныя измѣненія, которыя ставятъ попеременно то ту, то другую сторону общественной культуры на первое мѣсто въ обществѣ при его историческомъ развитіи, смотря по потребностямъ мысли, употребляющей ту или другую культурную форму своимъ воплощеніемъ и орудіемъ своей работы. Но преобладаніе различныхъ культурныхъ формъ не есть ни успѣхъ общества, ни его отступленіе, а не что иное, какъ измѣненіе его внѣшности, причемъ дѣйствительный успѣхъ или дѣйствительное отступленіе связано съ процессомъ совсѣмъ инымъ, именно съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ работы мысли въ этихъ формахъ.

Относительно простора для мысли и побужденій къ ея непрестанной работѣ надъ существующей культурой надо сознаться, что наша культура, съ ея крѣпкою, юридически-административною связью, съ ея большими удобствами и огромными матеріальными средствами, находящимися въ распоряженіи государства, представляетъ болѣе возможности застоя, чѣмъ прежнія культуры, о которыхъ мы говорили, и уже указано выше, что вѣроятность прогресса лежитъ не въ этой, самой крѣпкой, сторонѣ современной культуры, а въ привычкѣ къ научному методу и къ свободнымъ политическимъ учрежденіямъ. Научная мысль и свободныя учрежденія стремятся выработать въ человѣчествѣ личное разнообразіе особей при полнѣйшемъ возможномъ развитіи каждой изъ нихъ. Это соотвѣтствуетъ большему разнообразію формъ головъ, встрѣчающемуся, по замѣчанію Гратіолэ, приведенному

Пеллареномъ, въ передовыхъ обществахъ [1]). Между тѣмъ, единообразіе юридически-административныхъ формъ и фактическія касты, на которыя раздѣляется наше общество по наслѣдственному капиталу и по культурнымъ формамъ жизни, обусловленнымъ этимъ капиталомъ, болѣе могущественно влекутъ къ уменьшенію разнообразія между личностями, чѣмъ прежній, болѣе безпорядочный общественный строй. Поэтому прежнія культуры мы не имѣемъ право отодвинуть очень далеко въ соціологическомъ отношеніи отъ нашей собственной. Мысль находила въ нихъ достаточную долю простора и матеріала для своей дѣятельности, и при своей работѣ находила возможнымъ преодолѣть и естественныя препятствія, и культурное стремленіе къ застою. Поэтому всѣ эти культуры принадлежатъ исторіи цивилизаціи. Всѣ онѣ имѣли способность обновляться, и обновлялись. Всѣ онѣ заключали въ себѣ неизбѣжное требованіе не только естественныхъ перерожденій, разложеній и новообразованій, но и человѣчное требованіе историческаго развитія, прогресса, стремленія къ болѣе полной истинѣ, къ болѣе обширной справедливости. Всякая культурная форма, въ самыхъ условіяхъ которой лежитъ возможность и вѣроятность успѣшной работы мысли, должна быть отнесена къ одному изъ фазисовъ цивилизаціи.

Гдѣ же начало цивилизаціи? Гдѣ точка, отдѣляющая цивилизованное общество отъ общества только культурнаго? Когда является ручательство, что исторія началась и пойдетъ своимъ законнымъ процессомъ для общества, если какая-нибудь катастрофа не вычеркнетъ этого общества изъ числа коллективныхъ особей человѣчества? Для рѣшенія этого вопроса опять взглянемъ на новое общество. Что даетъ вѣроятность нашей цивилизаціи не придти къ застою, но дать лучшій строй обществу, путемъ ли медленной прогрессивной реформы культуры, или путемъ разрушенія основъ современной культуры для возсозданія изъ ея началъ новаго обще-

[1]) Гл. 14.

ства? Вѣроятность этого заключается въ усиленіи научной методической мысли, критически относящейся по всякому преданію, прилагающей свои пріемы къ области теоріи и къ практикѣ жизни. Все остальное: искусство, разныя формы вѣрованій и преданій съ соотвѣтствующими культами, большій или меньшій комфортъ жизни, болѣе или менѣе искусная техника, могутъ имѣть мѣсто и при застоѣ или при стремленіи къ нему. Ни одно изъ этихъ явленій не заключаетъ въ себѣ требованій критики и прогресса. Наука одна принадлежитъ культурному элементу лишь въ своемъ накопленіи фактовъ, но въ своихъ методахъ и въ своемъ требованіи всесторонняго приложенія она есть прогрессивная форма мышленія. Философія есть настолько существенно-прогрессивная форма, на сколько она опирается на науку и расширяетъ ея положенія до включенія въ нихъ всего остальнаго. Если философія ставитъ свой основной принципъ внѣ науки и, при своихъ построеніяхъ, подчиняетъ научные результаты ненаучнымъ соображеніямъ, то лишь историческія обстоятельства опредѣляютъ прогрессивное, регресивное или чисто-культурное значеніе философской системы. Мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ, что въ наше время невозможенъ застой и переходъ въ культурное зоологическое состояніе, потому что расширеніе привычки въ научной критикѣ позволяетъ надѣяться на научную разработку всякаго будущаго затрудненія. Если мысли человѣка противопоставятъ преграду, если личности или массы будутъ страдать отъ условій общественной обстановки, то научныя привычки позволяютъ надѣяться, что постоянно будетъ возрастать склонность къ строгому разбору вопросовъ: почему здѣсь преграда? почему здѣсь страданіе? нельзя ли устранить то и другое? И научная критика не остановится ни предъ какими идолами, не испугается никакого обычая; она сломитъ рано или поздно то, что принадлежитъ лишь преданію, и остановится лишь тамъ, гдѣ приходится остановиться всякой мысли: предъ естественною невозможностію. Эта рѣшимость—прямо глядѣть на предметъ, разлагать его мысленно на элементарныя условія, исправлять все, что

можно исправить—составляетъ достоинство науки, и дѣлаетъ изъ нея главное орудіе прогресса, которому подчинены всѣ остальные. Но именно въ настоящее время въ жизни цивилизованнаго общества замѣчаемъ два стремленія, указывающія на усиленіе научной мысли въ обществѣ. Философскія міросозерцанія, долго искавшія себѣ опоры внѣ науки и пытавшіяся подчинить себѣ эмпиризмъ, въ послѣднее время возвращаются къ требованіямъ Аристотеля и Бэкона, именно видятъ въ точныхъ данныхъ науки свое самое прочное основаніе, въ близости къ эмпиризму — свое совершенство. Съ другой стороны, тотъ самый элементъ общества, который, по выраженію Рютимейера [1]), „представляетъ болѣе прочную основу для удержанія высоты общественнаго развитія“, именно женщины, болѣе мужчинъ вліяющія на образованіе привычекъ общества, на сохраненіе и на измѣненіе этихъ привычекъ, теперь почти во всемъ цивилизованномъ мірѣ заявляютъ стремленіе участвовать въ научномъ движеніи мысли наравнѣ съ мужчинами и сдѣлаться, по выраженію Рида [2]), „столпами“ новой церкви, какъ онѣ были „столпами“ прежней.

Если мы обратимся къ прошедшему, то увидимъ и тамъ, что успѣхи общественной перестройки, выработки новаго, болѣе истиннаго и справедливаго, въ теоріи или на практикѣ, были тѣсно связаны съ успѣхомъ научнаго мышленія. Слѣдовательно, его начало должно быть намъ ручательствомъ прогресса. Но гдѣ начало научной мысли, и что ее отличаетъ отъ мысли ненаучной? Наука начинаетъ съ образованія понятій изъ представленій. Только съ той минуты, когда ребенокъ усвоитъ общее понятіе, онъ можетъ приступить къ систематическому изученію предметовъ того класса, гдѣ понятіе образовалось. Только тогда народъ перешелъ со ступени зоологически - культурной на ступень цивилизованную, когда психологическій процессъ мышленія достигъ въ немъ формированія общихъ понятій, и логика можетъ начать свой процессъ анализа и синтезиса надъ этими человѣческими

[1]) Гл. 16.
[2]) Гл. 13.

формаціями мысли. Если есть дѣйствительно народы, языкъ которыхъ не заключаетъ общихъ понятій, то народы эти стоятъ еще въ сферѣ зоологіи. Если бы указанія Летурно были вѣрны (въ чемъ дозволительно сомнѣваться) и встрѣчались бы люди, лишенные всякаго сознанія справедливости, то ихъ слѣдовало бы отнести не къ чувственному періоду человѣческаго развитія, какъ сдѣлалъ Летурно [1]), но допустить, что они имѣютъ культуру, еще вовсе нетронутую человѣческою мыслію. Это — культурные народы, подобно тому, какъ есть культурныя животныя въ разныхъ классахъ. Возможности подобнаго факта отвергать нельзя, потому что мы видимъ въ одномъ и томъ же классѣ животныхъ, напримѣръ, пчелъ, виды, стоящіе на разныхъ ступеняхъ соціологическаго развитія. Можетъ быть, и въ видахъ, группируемыхъ подъ словомъ: человѣкъ, есть группы чисто-культурныя, недопускающія цивилизаціоннаго развитія. Но до сихъ поръ существованіе подобныхъ группъ надо считать недоказаннымъ. Какъ только образовались въ мысли личности и перешли въ языкъ общества общія понятія, такъ и цивилизація въ обществѣ началась, потому что мысль имѣетъ прочную основу для своей дѣятельности. Лингвисту и антропологу слѣдуетъ рѣшить, который народъ перешелъ за эту черту, и который не достигъ ея. Для всѣхъ племенъ, переступившихъ ее, есть полная вѣроятность, что лишь неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, въ совокупности съ подавляющею культурою, останавливаютъ развитіе племени. Оно уже цивилизовано, но недостатокъ прогресса столь же мало зависитъ отъ туземцевъ, какъ отъ мехиканцевъ временъ Кортеса зависѣла печальная катастрофа, недавшая ихъ цивилизаціи долѣе существовать.

21. Потугинская цивилизація въ видѣ послѣсловія.

И теперь вернемся къ началу, къ Потугину съ его растянутой ц и-в и-л и-з а-ц і-е-ю. Потугинъ (вмѣстѣ съ авто-

[1]) Гл. 7.

ромъ „Дыма“) держится или мнѣнія, что всякая общественная жизнь предполагаетъ цивилизацію, или того, что всякое развивающееся общество есть общество цивилизованное, или того, что цивилизація есть переходная ступень отъ варварства къ гармоніи. Во всѣхъ трехъ случаяхъ его требованіе цивилизаціи для Россіи не имѣетъ никакого яснаго смысла, потому что во всѣхъ трехъ случаяхъ Россію приходится считать вступившею въ періодъ цивилизаціи. Это, конечно, не особенно еще лестно для нашего отечества, потому что, по предъидущему, не только Китай и Бухара, но Дагомей и Фиджи находятся въ этомъ періодѣ, да едва ли еще и есть человѣческое общество или племя, его недостигшее. Оно не мѣшаетъ и тому, чтобы въ нашемъ отечествѣ оказывалось весьма немалое количество слѣдовъ всякихъ варварскихъ, патріархальныхъ, дикихъ и другихъ низшихъ культуръ. Оно не мѣшаетъ и существованію громаднаго процента людей культуры, присутствующихъ при цивилизаціи, но въ ней неучаствующихъ, людей безпозвоночнаго преданія рядомъ съ позвоночными. Все это не помѣха тому, что приходится строй нашей жизни признать цивилизаціею.

Впрочемъ, по всей вѣроятности, Потугинъ не придерживается ни одного изъ упомянутыхъ мнѣній о цивилизаціи, а просто не составляетъ о громкомъ словѣ, имъ употребленномъ, никакого яснаго понятія. Это, съ его стороны, благодушество и красноглагольство—болѣе ничего. Въ такомъ случаѣ мы ему скажемъ: „вы немножко ошиблись, не цивилизаціи надо нашему отечеству“; это выраженіе слишкомъ темное, годное и прогрессисту, и реакціонеру, и безсмысленному попугаю громкихъ словъ. Нашему отечеству, какъ всѣмъ народамъ міра, надо побольше *людей мысли* и поменьше *людей культуры*. Побольше людей, которые бы прямо и смѣло смотрѣли на существующія преграды, путаницы, на остатки старыхъ и старѣющихъ культуръ, на обычаи и привычки. Нужно намъ побольше людей, которые бы смѣло разбирали дѣйствительныя основы всего этого историческаго наростанія, и посвящали свою жизнь и мысль на критику на-

стоящаго, на борьбу со всѣмъ гнилымъ, на развитіе болѣе строгой истины, на осуществленіе болѣе полной справедливости. Нужно намъ поменьше людей, которые бы говорили громкія слова, не понимая ихъ, людей, безсильныхъ для оживляющей мысли, жаждущихъ успокоиться на томъ, что было когда-то свѣжею прогрессивною мыслію, а теперь обратилось въ дряхлое преданіе, въ зоологическую культуру; людей, которые, качая своею утомленною сѣдою головою, говорятъ борцамъ мысли: „довольно! довольно! вся ваша борьба и ваша мысль — дымъ! все это пройдетъ; пора остановиться; пора успокоиться; пора устраивать муравейникъ!“.

Великій алхимикъ улетучилъ въ дымъ и мысль реакціи и мысль прогресса. Съ гордостью представляетъ онъ намъ оставшееся послѣ процесса золото, и подноситъ его свое отечеству подъ словомъ: цивилизація. Мы провѣряемъ этотъ драгоцѣнный результатъ, и онъ оказывается: культура безпозвоночныхъ.

Покорно благодаримъ: этой у насъ довольно.

